

Культурно-историческое наследие Подольска

О. Николай
(Агафонилов) —
СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА

Приложение

Священномученик О. НИКОЛАЙ
(АГАФОНИКОВ)

Г. †Б.*

Посвящается всем нашим дорогим чадцам
В. Г. С. В. Л. и Колюше с супр. и чадцы.

Мое детство и отрочество

«Все, отличающееся древностию, почтенно». (Св. Василий Великий)
«Помянух судьбы Твоя от века, Господи, и утешихся». (Пс. 118, 52)
«Годы, как они не долги, не могут уничтожить воспоминания о прошедшем». Из соч. протоиерея Дьяченко.

*«По Божественному провидению действуют мир и человек»,
Христианин Орозий начинает так свою «Всеобщую историю».*
«Помянух дни древние и поучихся».
(Пс. 142, 5)

Волею судеб Божиих, милосердием Царицы Небесной, под покровом и предстательством моего Ангела, Святителя и чудотворца Николая 1-го сентября 1876 года я получил начало своему бытию от скромных и бедных моих родителей – дьячка Владимира Яковлевича и Марии Андреевны Агафониковых. «Страна, где я впервые вкусил сладость бытия» – это было село Лекма (Лекомское), Слободского уезда Вятской губернии, где тогда и был дьячком мой дорогой отец, Владимир Яковлевич.

Так как на пятом году моего рождения мой незабвенный родитель вынужден был оставить это, облюбованное было им местечко, где он построил и свой собственный домик со службами (пристройками), угодьями и хорошим огородом (Вят. осырком), по распоряжению епархиального начальства (очень странному)¹, то я слабо помню это место моего рождения. Смутно помню наш уютный домик (проданный по необходимости за бесценок) и дом моего крестного отца, дьякона Медведицина Николая Евгеньевича, куда, я помню, любил

---

* Господи Благослови.

по-детски бегать к нему и его приветливой супруге Екатерине Ивановне.

Слабо помню и наши детские игры, которые я, четырех-пятилетний детка, разделял с сыном крестного моего отца, почти моим сверстником (7-8 лет) Ванюшкой (впоследствии священником села Верховойского Нолин[ского] уезда, где он и умер от чахотки), который, видимо, любил бывать и у нас, в нашей семье. Покойная моя мамаша говаривала что он, будучи еще пятилетним мальчиком любил и знал нашего папашу и, бывало-де, как только увидит еще из окна куда-нибудь идущего моего отца, торжественно восклицал: «А вон Ляши-шить Лёшитить идет» (т. е. «А вон Владимир Яковлевич идет»).

Смутно, но все ж припоминаю, как мы с этим Ванюшей играли в лошадки и весело, беззаботно бегали от дома к дому, не зная, не ведая скорбей и напастей наших родителей... А скорбей и напастей у последних действительно было немало. Тот и другой были семейные. Знаю, что у моего крестного в семействе были дети: Анфиса (впоследствии вышедшая замуж за вдового волостного писаря Василия Дмитриевича Барляева), Иван и Николай (впоследствии либеральный во взглядах священник села Мостового Сарапульского уезда (село данное ему как бы в наказание, где он утонул при купаньи). Были ли еще у них дети мне неизвестно, а видимо жили они в Лекме тоже неважно, да к тому-же и сам покойный мой крестный отец был болезненно чахоточный и, следовательно, служить ему и физически было нелегко. Между тем, настоятель этого села Лекмы в то время был своего рода «временщик» некто протопоп Иоанн (кажется Кибардин). Человек своего рода самодержавный, неограниченный и тем более благочинный. Его, по слухам, трепетали все в благочинии и, конечно, особенно приходилось подтягиваться сослуживцам его, членам причта и «работать», что он прикажет. Также, видимо, деспотично вел себя он и в отношении к прихожанам: его порядку должны были все подчиняться. На этой почве немало сохранилось курьезов до нашего времени. Так, покойные родители рассказывали как он самолично назначал имена новорожденным, особенно «незаконнорожденным» (т.е. внебрачным детям девиц и вдов). Какое имя придется в день рождения или в 8-й день по рождении – такое и давал, причем, если было не одно имя, право выбора принадлежало уж ему, а не родным младенца. И в одно прекрасное время он дал двум младенцам такие имена – одному «Лампад», а другому - «Пигасий». Приносит бабушка первого к святому причащению. Спрашивают: «Как имя младенца?». «Подсвечник» – отвечает бабушка. Пришлось свериться в метриках, чтобы установить правильное название имени.

Приносит другая второго. «Имя младенца?» – спрашивают. «Пегашко, бачко, Пегашко. Эдак, ты сам дал». Словом, этот протопоп был типом того николаевского времени, когда режим был всюду и везде «дубинный»... Деталей его жизни и управления приходами и благочинием я, пожалуй, более не знаю, ибо как-то и мало о нем вспоминали мои родители. С более теплым чувством вспоминали они его супругу Александру Логиновну, которая, видимо, благоволила моим родителям, когда благосклонно согласилась быть моей крестной матерью.

Какова была судьба жизни обоих этих супругов в дальнейшем, мне не известно – вероятно, они там, в Лекме, и закончили свое существование.

Последним моим смутным младенческим воспоминанием было то, когда мы совсем поехали из этой моей первой родины с. Лекмы и я, сидя на коленях матери, встал на ножки и еще раз посмотрел взад на любимое местечко своего рождения и, смотря на слезы своей плачущей матери, переживал вместе с ними тяжелое чувство обиды, досады и огорчения...

Теперь, как попали мои родители в этот своего рода для нас историческое село Лекму, как они там устроились и как должны были по произволу епархиального начальства оставить его – поведаю о сем, насколько мне известно стало, уже возрастному, от моих почивших родителей.

Собственно, с этих строк и начинается маленькая биография моих родителей, насколько я осведомлен от них самих.

Мой покойный отец, Владимир Яковлевич Агафонилов² был сын тоже дьячка села Ильинского Яранского уезда (верстах в 5 от слободы Кукарки, ныне Советска) Иакова Савиновича Агафонилова. Немного что поведал мне родитель о своем рано умершем его отце, а моем дедушке.

Будучи еще далеко не старым (годов 30-40) он, дедушка Яков Савинович, когда последнему его сыну, моему родителю Владимиру было лишь 4 года, во время хода по приходу (вероятно Пасхой) жестоко простудился, заболел воспалением легких (очевидно крупозным), по старинному выражению отца «горячкой», и скончался, оставив на руках матери, а моей бабушки, Марии Козминичны, 4-х детей: Любовь, Августу, Всеволода и Владимира.

О дальнейшем роде Иакова Савиновича мне известно только, что он сам был сын тоже дьячка села Юмы, Котельничского уезда Савина (по отчеству не знаю) [Потаповича – прим. В.К.] и супруги его Иулиании (отчества также не знаю) [Ермиловны - прим. В.К.], ико-

ну ангелов которых муч. Савина и Иулиании родители сохранили до наших дней.

Род матери моего отца, моей бабушки Марии Кузминичны, был по фамилии «Мотрохины», причем отец ее был, кажется, тоже дьячком в Котельническом уезде. Слышал, что у нее были братья – один Лев Кузмич, перебивший впоследствии свою фамилию «Мотрохин» на «Яхонтов», а другой брат, кажется Неофит, так и остался с фамилией «Мотрохин».

Осведомлен тоже от моих родителей, что Лев Кузмич был необыкновенно живой, энергичный и остроумный человек, все время забавлявший собеседников своими остроумными присловиями, прибаутками и стихами. Вероятно, это было по наследственности, ибо это же самое передалось отчасти и бабушке Марии Кузминичне и значительно отразилось и на моем покойном родителе Владимире Яковлевиче, который то-же от природы не был лишен известного остроумия (о чем будет речь ниже), и на его сестрах, особенно на Любви, всегда, бывало, умевшей тонко, остроумно и с сарказмом, где нужно высмеять любого, попавшего ей на зубок человека. Словом, все они, видимо, по наследственности, подчас были занимательными собеседниками и компаньонами. Я живо помню веселую (хотя в то же время подчас строгую и серьезную, где это нужно) бабушку Марию Кузминичну, когда она, бывало, так сказать, разоидется при гостях и на предложение выпить винца, бывало начнет импровизировать: «А ну-ко, Господи благослови, да все люди-то свои, парень-то наш, как не подашь, а подают так и выпьем!». И... чем дальше, тем бывала она веселее и буквально затем становилась душою всего собрания, подкупая всех своею живостью и остроумием и веселым своим настроением. В общем же жизнь ее не баловала и наложила на нее более печати строгости и серьезности, чем веселия. Так, после преждевременной кончины своего мужа Иакова Савиновича бабушка должна была убраться с семьей из насиженного местечка села Ильинского и искать себе где-нибудь должность просфорницы. Волею Божию, ей скоро удалось найти подобное место в селе Архангельском Котельнического уезда (на границе Костромской губернии). И здесь-то ей и судил Господь служить все время, воспитывать детей и окончить дни своей нелегкой жизни.

Видимо, сумела она себя зарекомендовать там и пред духовенством и пред прихожанами, так как, насколько я убедился, когда бывал у них (бабушки и тети) уже довольно взрослым, они пользовались уважением причта и любовью прихожан, благодаря чему и после бабушки её дочь, а наша тетушка Августа Яковлевна, унаследовав

от матери эту же должность и тут же была в том же почтении и уважении от всех, что и бабушка.

Сравнительно хорошо устроилась тут бабушка, одно только она не смогла сделать – это дать образование своим детям. Правда, в то время дьячку было не под силу учить своих детей, а не то, чтобы нищенствующей просфорнице, получавшей мизерные доходы от просфор, да 2-3 рубля в месяц на дрова от церковной казны, да еще при условии - уноровить и священникам и церковному старосте (которого иногда надо попоить чайком), а иначе - разговор короток - «ищем другую»... Вот почему ее две старшие дочери Любовь и Августа остались совсем неграмотными, а сыновей Всеволода и Владимира все же бабушка рискнула поучить, но почему-то Всеволод не доучился даже и в духовном училище, а вышел, кажется из «среднего отделения»; что же касается моего родителя, ее второго сына Владимира, то он едва лишь поучился в первом классе Вятского духовного училища, как вынужден был выйти из этого же первого класса по причине в сильной степени развившейся золотухи, отразившейся впоследствии на его ушах.

Всеволод, ранее почувствовавший влечение к одиночной, монашеской жизни, ушел в послушники в Орловский (г. Орлова, Вятской губернии) мужеский монастырь и здесь в начале зарекомендовав себя, принял сан иеродиакона с именем Виссарион. Долго-ли, коротко-ли он был там в этом своем сане, только со временем, под влиянием скверной среды, в которую он попал там (а этот монастырь в одно время по нравственности был «притчею во языцех») спился «в круговую», затем подвергся изгнанию из монастыря и превратился в типа а la М. Горького, горького пьяницу, ставши снова Всеволодом (как говорили “вышел в первобытное состояние”) и где-то быть может под случайным забором закончил бурную жизнь свою...

Старшая дочь бабушки, а моя тетушка Любовь Яковлевна Агафонова, была высокая, бойкая ядовито и резко-остроумная, вначале все время жила при матери, потом при сестре своей Августе, просфорнице того же с. Архангельского. Под старость, после смерти своей сестры прибыла в Медяну к своему брату, моему родителю, но имея неуравновешенный характер, не могла жить спокойно и согласно с моей матерью, ее снохой и уходила на отдельную квартиру, служа одно время и в Медяне просфорницей, а потом некоторое время проживала и у нас в Загарье, где особенно памятно ее няньчанье над нашим шестимесячным Германом.

В то время, это было в 1902 году, мы, по обещанию, с мамой (Ниночкой) уезжали в Чернигов на поклонении к св. Феодосию Черни-

говскому недели на 2-3. И вот без нас (дело было летом) с ребенком случилась серьезная детская болезнь – понос. Какие меры не принимала отчаявшаяся тетка Любовь Яковлевна ребенок ни мало не поправлялся и положение его было крайне опасное. И только, верую, молитвами того нашего покровителя. Св. Феодосия, к которому мы и ездили на молитву и поклонение, ребенок, что называется перемогся и к нашему приезду, хотя еле дышал, но все же уже стал повеселее. Когда мы, с замирающим сердцем (мы слышали на пути о серьезности положения ребенка) приехали к воротам дома, тетка Любовь и тут не обошлась без курьезной выходки, смотрит на нас в отворенное окно и показывая свой большой кулак, крикнула: «А вот вам!», т.е. вас надо бить кулаком за то, что чуть не проехали ребенка.

При своем холерическом темпераменте, при своем подчас упрямстве и резкости, она не пользовалась уважением ни от духовенства, ни от прихожан, когда была и просфорницей. Особенно она отталкивала своею резкостью и ядовито-грубыми замечаниями, вроде, например, такого случая: приходит прихожанка с малыми ребятами в квартиру, хотя бы мою, священника... Выходит тетка и сразу с места в карьер начинает: «а на что еще это ребят-то привела. Показать надо – посмотрите-ка на моих-то, мол, выпоротков. Ой хороши, хороши» и т.д. Словом, зло высмеет. и не дай Бог, если еще придет человек из чужого прихода и будет пить квас (обычно поили своих прихожан, а не своим благородно делали замечания) – своим сарказмом просто изведет человека. Или вот рискованный с ее стороны курьез: идет она по городу Вятке по тротуарам; впереди ее идет барышня в модном узком платье (узкой юбке). Естественно, шаг ее мелкий, частый... Вдруг она слышит сзади ее сочувствующе-саркастический возглас: «Миленькая, ты миленькая, связали тебя и не развяжут». И вроде таких ее саркастически-резких выходок было не мало, но как-то все сходило благополучно. Правда, все же в словах и поступках ее было более комичного, чем иронического. Часто она была находчива в тех случаях, когда ей или нужно было выйти из положения, или что ей было нежелательно. Нежелательно, например, было ей, чтобы брат ее, а мой родитель, назвал последнего моего брата при крещении «Аполлосом» (как он думал), она отклонила его предложение своей иронией: «Вот, вот у нас еще ополосков не было, так назови» и этого было достаточно, чтобы отец переменял свое намерение в наречении имени брата с «Аполлоса» на «Василий».

Не то была другая сестра папаши, тоже девица до смерти, Августа. Как и отец, низкого роста, крепкого телосложения, некрасивая, но симпатичная шатенка, она хотя тоже была подчас и резка, но сдер-

жанна, серьезна и скромна гораздо более, чем ее сестра Любовь. Всю жизнь при матери, все время в разделении тяжелого труда, немалых скорбей со своею бедной матерью, все время в борьбе за свое существование – она безвыходно прожила в своем Архангельском Котельнического уезда, где, так же скромно, как и жила, закончила дни свои и приложилась к матери своей (только бабушка в церковной ограде, а она на кладбище). Она, кажется так и не бывала в г. Вятке, хотя пешком (за 150 верст) была по отдельности и она и бабушка, а чаще всего крепкая и выносливая Любовь в с. Медяне.

Теперь, говоря о младшем сыне бабушки Марии Кузминичны, а о моем родителе Владимире Яковлевиче, должно сказать, что детство его, как видимо, протекало у своей родной матери в с. Архангельском Котельнического уезда. Здесь до своего совершеннолетия, он жил и помогал матери и сестрам в их физических сельскохозяйственных и огородных работах и, видимо, достаточно окреп и значительно оправился от болезни и худосочия.

Едва только он достиг 17-летнего возраста, как бедная мать-просфорница решила устроить своего сына Володиньку куда-нибудь к церковному уголку в пономари. И вот, Провидение Божие, указывает ей для него ту благословенную Медяну, которая стала для всех нас и лекомцев (для меня и двух сестер) второй родиной, ибо я здесь лично провел все свое детство, отрочество и юношество включительно по окончании Вятской духовной семинарии, где все таким образом было мне дорого –

*«Поля, холмы родные
Родного неба милый свет,
Знакомые потоки (Власовица)
Златые игры первых лет
И первых лет уроки...
Что вашу прелесть заменит». (Жуковский)*

Правда, ни по местоположению, ни по климату, ни по строениям и архитектуре, ни по природе, ничем особенно не выделялось и не выдавалось это серенькое, обычное сельшко, но удивительно, что, что-то было особенно привлекательное для большинства проживающих в нем тогда (в мое время и после). Правда, оно стоит сравнительно на высокой равнине, на сухом месте, окруженное перелесками из хвойных деревьев (ель и пихта). С двух сторон – с юга и запада – открывается красивый, далекий горизонт, с прекрасными видами и пейзажами – местностей около города Вятки (видны шпили храмов вятских, красиво блестящих при солнечном свете), с. Филейки

(собственно часовни, стоящей на высокой и крутой горе берега реки Вятки, каменной и белой), с. Макарья, с. Бобина (30 верст), с. Бахты, Быстрицы, Чудинова и Великой Реки.

Особенно бывало красиво выделалась река Вятка почти на 30-тиверстном протяжении, видимая с большой дороги села Медяны, причем восхитительно бывало смотреть и наблюдать за пароходами, красиво плывущими между пристанями – Медянской писчебумажной фабрики и Гольцами. Словом, окрестности Медяны живописные и привлекательные. Вот здесь-то и судил Господь прожить моим родителям почти всю свою жизнь за немногими годами.

В то время, когда мой родитель был назначен, помнится со слов последнего, Преосвященным Неофитом, епископом Вятским в это с. Медяну на должность «указанного пономаря», священником тут был некто о. Александр Мышкин и другой - о. Георгий Лопатин (студент семинарии). С первым мой родитель видимо служил недолго (быть может с 1/2 года – 1 год), ибо только поведал мне о его смерти при нем, особенно для него было памятной потому, что он лично испытал и пережил такие страшные минуты и потрясающие чувства, что современный человек наш с плохими нервами сошел бы кажется с ума. Это была страшная ночь, вроде «ночи из повести «Вий» Н. В. Гоголя, когда родитель мой читал при покойном о. Александре Мышкине псалтирь. Дело было по осени. Наступила темная, черная осенняя ночь. Кругом жуткая ночная тишина; все живое заснуло крепким, казалось, беспробудным сном. Только бодрственный чтец псалтири тихо, медленно читает свои Давидские псалмы, прерывая их и разнообразя молитвами за умершего и сопровождая крестным знаменем и поклонами, да разве иногда нарушая жуткую ночную тишину случайным своим кашлем или сморканием (или же разве она нарушалась бурным сопением крепко заснувших в соседней комнате); как вдруг, среди как раз, по его словам, могильной тишины, быть может, в самую глухую полночь со страшной силой, с шумом, треском раскрывается ближайшее к умершему и чтецу окно, вслед за сим откуда ни возьмись в это же окно вскакивает черная кошка и что еще страшнее бурным, ворвавшимся через окно вихрем ветра сбрасывается с покойного покров и саван и в довершение ужаса чтеца тушатся огни свеч и лампы и лампадки... «О! Как я тогда испугался» – заключал обычно этот страшный свой рассказ бесстрашный мой родитель. Но, не потеряв самообладание он спокойно зажег огни, затворил окно, надел на усопшего саван и покров и с некоторым волнением от неожиданно-страшно происшедшего продолжал свое очередное дело чтения псалтири до утра. Это событие особенно характеризовало покойного

родителя как человека с большим самообладанием, с невозмутимым бесстрашием и смелостью, отличающих его всю жизнь.

Очевидно, после смерти этого о. Александра Мышкина на свободную священническую вакансию в с. Медяне и прибыл знаменитый впоследствии не только по медянской окрестности, но и далеко за пределы ее приснопамятный о. Николай Михайлович Зубарев. О нем, о его плодотворной деятельности в с. Медяне как пастыря, как проповедника, как законоучителя и вообще, как энергичного, живого, симпатичного и прекрасного человека, о его сослужении и жизни со своими собратиями-сослуживцами и о его влиянии в добрую сторону и на моих родителей речь будет ниже.

Теперь несколько слов об о. Георгии Лопатине, втором священнике при поступлении моего отца в пономари в с. Медяну. Это был человек, по отзыву моих родных, вероятно, очень умный, ибо окончил курс в Вятской духовной семинарии студентом, а заслужить звание студента семинарии, особенно в старое время – на это надо иметь, как говорили «семь пядей во лбу». Если верна теория о наследственности профессора итальянского - психиатра Ломброзо, то я не видав и не зная его, мог судить о его недюжинном уме по его детям, хорошо мне известным, как далеко не глупым. Но несмотря на то, что прибывший впоследствии вышеупомянутый о. Н. М. Зубарев был только второразрядником (не студентом), однако он производил впечатление глубоко умного пастыря и проповедника и администратора по сравнению со своим сослуживцем о. Георгием Лопатиным. Последний же, как говорили, никогда ничего не читал в своей жизни, не поддерживал свои семинарские знания, а наоборот в своей нетрезвой жизни, регулярном пьянстве до того опустился, что все свое студенчество свел на нет, с чем и окончил свою ненормальную жизнь. Так мне передавали об о. Георгии Лопатине мои покойные родители, сам же я совершенно не знаю его и не представляю, зато хорошо помню его матушку Надежду Федоровну, как медянскую просфорницу, с ее многочисленной семьей, взрослыми дочками-невестами и двумя кавалерами-сыновьями, проживавшую в своем собственном домике при дороге (к часовне) в с. Чудиново Орловского уезда. Об этой семье речь будет ниже.

Юный, неопытный наш сиротка-пономарь «Володинька» (как тогда звали моего родителя медянцы) начал свою жизнь и скромную деятельность в с. Медяны при неблагоприятных условиях, среде и обстоятельствах. Сослуживцы его (а их было всего едва ли не 7 человек – 2 священника, дьякон, 2 псаломщика и 2 пономаря), хотя были люди и добрые, но почти все – любители «сильных ощущение»

ний», алкоголики, к чему, конечно, склоняли и нашего молоденького, еще безусого пономаря. Впрочем, к его счастью, один из псаломщиков, у которого как раз наш герой стоял на квартире, как называл его мой родитель, «Антон Степанович» был человек, видимо, самостоятельный, сравнительно трезвый и, по отзыву папаши, очень практичный. Занимался он и хозяйством и огородничеством и был, кажется, и пчеловодом и охотником. Он-то, этот Антон Степанович на первых порах юности жизни моего отца, и явился тем полезным человеком, который влиял на юного нашего пономаря в благотворную сторону, избавив его от неминуемого алкоголизма, которым тогда страдало большинство духовенства (особенно низшего) и вдохнул в него ту практическую струнку, какою отличался папаша всю свою жизнь...

Но вот, волею судеб Божиих, настало видно для него раннее время и вступить уже в семейную жизнь. Родная матушка его, Мария Кузьмовна, живя от него вдали, за 150 верст, побоялась, как бы ее Володенька не опустил и не испортился нравственно, решила поженить его и как говорили тогда «пристроить». Сказано - сделано. Видимо и Володенька ее не перечил ей и был сам не прочь от этого, да кстати, очевидно, ему уже и приглянулась бойкая, живая, симпатичная, трудолюбивая и энергичная девушка у его сослуживца – дьячка Андрея Яковлевича и Пелагии Ивановны Трониных. «Машенька», (как папаша и звал ее всю свою жизнь и как назвал ее после ее смерти в последние минуты своей жизни в бреду). хотя и была старше ее, первая дочь у Андрея Яковлевича, Аннушка, но юноше Володиньке, видимо, более понравилась живая и миловидная Машенька и... свершилось, по воле Божией, согласно желанию Володиньки. Родители сошлись, по обычаю благословили парочку и поженили. Что-то не было разговора у меня ни с отцом, ни с матерью о всех деталях сватовства и самого брака и история о сем теперь сокрыта временем и могильной тайной.

Теперь на очереди биография моих (по матери) дедушки и бабушки Трониных, насколько я только осведомлен.

Дедушка – чтец Андрей Яковлевич Тронин был сын тоже чтеца Якова, но как по отчеству и где было его место службы и какова его биография мне не известно и как-то никто не упоминал о сем из покойных родных.

Женат дедушка Андрей Яковлевич был на Пелагии Ивановне Замятиной, дочери священника Иоанна Матвеевича Замятина. Где последний служил – мне тоже неизвестно, а как-то случайно слышал от родных, что он был сын чтеца Матвея, служившего в селе Филейке (в чем я убедился впоследствии при рассматривании филейских

исповедных росписей за 30-40-е годы, где есть подпись чтеца Матвея Замятина).

Пелагия Ивановна – мать моей матери, а моя дорогая бабушка, была, насколько я только запечатлел в своем сердце ее милые черты, удивительно добрая и ласковая женщина. Насколько я знаю и как мне передавали очевидцы – это была симпатичнейшая, добрейшая и терпеливейшая жена, мать и бабушка. Царство ей небесное!

Мало знаю о дедушке Андрее Яковлевиче, ибо он скончался, видимо еще до моего рождения, в селе Святице Глазовского уезда, у своего старшего, родного сына, а моего незабвенного по доброте души и сердца дяди диакона Василия Андреевича Тронина, где и погребен близ храма в церковной ограде.

Никогда не слышал я ни от бабушки, ни от матери, ни от дядей, ни от тетей никаких упреков и жалоб по адресу своего мужа и отца – видимо, он все-таки был любящим мужем и отцом, не смотря на свою болезнь алкоголизма, превратившегося к концу его жизни в непрерывный запой, ускоривший его смерть и доведший его до могилы. Умер он, вероятно, около 60 лет.

В материальном отношении, видимо, у них (у дедушки и бабушки) была борьба за существование, тем более, что они обременены были большою семьей. Недаром пришлось им одну из дочерей своих, Надежду, отдать на воспитание какому-то Василию (вероятно тоже духовному лицу – впрочем не могу уверить, т.к. не расспросил об этом ни ее самую, тетку Надежду, ни ее детей, моих двоюрод[ных] брата и сестриц), который и выдал ее впоследствии за священника о. Иоанна, Медведицына (очевидно родственного моему лекомскому крестному – дьякону Николаю Евгеньевичу Медведицыну), служившему, кажется в с. Быстрице Орловского уезда. Речь о них будет ниже.

Продолжим речь о социальном положении дедушки и бабушки Трониных. В семье у них было живых 7 человек: 1) старшая дочь Анна Андреевна, затем по порядку, кажется 2) Василий, 3) Мария (мама), 4) Дмитрий, 5) Надежда, 6) Яков и 7) Арсений.

Конечно, вследствие бедности и недостатка средств к существованию, образования всем своим детям дедушка и бабушка дать не могли. Очевидно, только сыновей, и то старших, имели они возможность несколько поучить в духовном училище, а остальные остались лишь со школьным образованием, впрочем, дочери едва ли только не с домашним образованием все и остались; по крайней мере, мать моя и тетушки Анна и Надежда кой-как читали, а писали едва-едва...

Поскольку всех этих дядей и тетей я встретил в своем отроче-

стве, юношестве, и в зрелом возрасте, то насколько могу и знаю, не оставляю их здесь без своей, быть может и субъективной, характеристики, дабы увековечить память их и отобразить посильно, по большей части, симпатичный нравственный облик их.

Прежде всего, не могу не остановить своего внимания (и внимания читающих сие) на самой матери, этой добрейшей и любвеобильнейшей моей незабвенной бабушке Пелагии Ивановне. (Знаменательно, что пишу сии строки в память ее как раз в день ангела 8/21 октября 1931 года, «Душа ея во благих да водворится» за ее добродетельную жизнь!). Это была праведная женщина – воплощенной скромности, терпения, трудолюбия и доброты. По крайней мере, лично я за всю свою жизнь не слыхал ничего ни от кого что-либо компрометирующего ее. Наоборот, как бы не вспоминал ее, непременно помянет каким-нибудь добрым делом, оказанным ею вспомянувшему. Недаром мои родные сестры Ольга и Антонина беззаветно любили свою бабушку более, чем родную мать. Очевидно, за ее евангельскую простоту, за ее добрую душу, за ее образцовое исполнение долга, как вообще христианки, жены, матери и бабушки, Господь и наградил ее долголетием: она скончалась на 77 году своей жизни. Над всеми нами, ее внучатами она выводилась и заслужила самую душевную любовь всех нас и светлое воспоминание не только нас, ее родных, но и многих, хорошо знавших ее медянских современников. Для нас, беспрельдно любящих и любимых ею внучат, она была тоже, что для известного поэта А. С. Пушкина его няня Арина Родионовна.

Надо ли говорить о том, как тяжело отразилась на всех нас, ее любимых и любящих чад, смерть ее, последовавшая от тяжелой болезни – водянки, полученной ею от бедной, нелегкой жизни.

Как сейчас помню, часто навещал бабушку наш родственник – фельдшер Архип Владимирович Кошечев и простригал кожу у бабушки, выпуская из организма воду, копившуюся в крови у нее и раздувавшую бабушку, делая ее пухлою, толстою... Наконец, свершилось. Я был, кажется еще в первом классе Вятского духовного училища, жил уже в «бурсе», когда 11 февраля 1888 года вдруг я получил ошеломившее меня тяжелое сообщение, что бабушка моя, мое дорогое сокровище, «приказала», как говорили тогда, «долго жить». Так ужасна была эта горькая весточка для моего детского сердчишка, так вдвойне было тяжело для меня слышать эту весть, что я не имел возможности еще и лично-то быть на ее погребении, что я, помню, долго, под впечатлением всего пережитого, связанного с жизнью дорогой моей бабушки, не мог успокоить свое страдавшее испытывавшее танталовы муки бедное сердце, пока, наконец, не дождался вечера и ночного всё успо-

коивающего глубокого сна. Вместе с приятными воспоминаниями из совместной жизни с дорогой бабушкой всплывали в моей детской головке и те неприятные воспоминания, которые угрызали мою детскую совесть за то, что я нередко, бывало, и оскорблял бабушку своими детскими шалостями и проказами. Об этом, впрочем, коснусь в отделе описания моего отрочества.

Бабушка Пелагия Ивановна, пока была в состоянии, все время, вероятно, со смерти дедушки, состояла просфорницей в селе Медяне до преклонных лет. После ее смерти, по преемству от бабушки это занятие перешло старшей дочери ее, оставшейся девицей до своей смерти, Анне Андреевне. Последняя в нашем воспоминании рисуется уж совсем ясно, так как она все время жила с нами и около нас до самой своей смерти, последовавшей уже в глубокой также её старости, от паралича в 1901 году, как раз поразившего ее у нас в с. Загарье. Говоря о ее жизни, должно сказать, что на ее долю, как старшей дочери и сестры, конечно, немало выпало скорбей и страданий и от непосильного часто физического труда, разделяемого с бедной матерью и от различных семейных неприятностей при обычной нетрезвости отца, при наличии многочисленного семейства у матери и других испытаний, сделавших ее, особенно под старость, нервной и ворчливой, хотя характера была она доброго. По пословице: «вместе тесно, а врозь скучно» – часто у ней бывали конфликты, и часто из-за пустяков, со своей сестрой, а с моей матерью и помню нередко считались и бранились; так утром, а вечером, смотришь, опять, то та, то другая идут друг к другу и, как будто ничего не бывало, снова разговаривают на тему о житейских делах.

Много все они, а особенно старшие дети, работали по земледелию и огородничеству, чтобы добыть себе лишние средства к существованию, тем более, что отец, Андрей Яковлевич, рано впал в алкоголизм и, естественно, был плохим помощником своей трудолюбивой жене и своей многочисленной, бедной семье. Более всего, конечно, доставалось старшей - Анне Андреевне, как первой и ранней помощнице отцу и матери; последней она была незаменимой в то время, когда бабушка жила самостоятельно и была просфорницей. Она за нее и стряпала просфоры и ездила по сбору по приходу и несла на себе всю тяжесть бабушкина хозяйства, чтобы поддержать свое и своей матери существование. Насколько помню и она, как бабушка была в уважении у медянцев, как просфорница. Дальнейшее продолжение биографии Анны Андреевны будет ниже в связи с нашей жизнью, как жившей все время с нами и около нас.

Теперь несколько длинных слов о старшем сыне бабушки Василии Андреевиче.

Какова была его юность, зрелый возраст, женитьба, семейные обстоятельства смолоду мне неизвестно. По возможности, подробно сообщу только то, что я хорошо знаю из его страдальческой жизни. По своему уму, сердцу, характеру и своему редкому душевному складу – это был точный сколок с его родной матери, а нашей дорогой бабушки Пелагии Ивановны, если еще не превосходил ее своими душевными качествами, как имевший некоторое образование. Он настолько был кроток, прост, добр, добродушен, ласков, приветлив и вообще симпатичен, что моя родная сестра Ольга, восторгаясь его нравственным обликом, нередко говорила: «Наш дяденька, Василий Андреевич – первый из людей кандидат в Царство Небесное». (Теперь, постоянно имея в уме и сердце его полную горечи и скорби жизнь, я уверяюсь в этой истине и верю в его взаимные о нас молитвы. Священно-дьяконство твое, да помянет Господь Бог во Царствии Своем!).

А если и его нравственному облику присоединить тот ужасный крест его жизни, какой он мужественно переносил, подобно ветхозаветному образцу терпения патриарху Иову, тогда станет понятным обаяние его личности на каждого его знающего человека. Я застал его в своем отрочестве уже вдовым, имевшим на руках шесть человек детей. Всем детям, пятерым сыновьям, за исключением дочери Александры, (впрочем и она получила образование едва ли не в прогимназии) он дал среднее образование (хотя не все кончили курс).

Из всех детей дядюшки Василия Андреевича особенно выдающимся по уму и сердцу был старший его сын Петр Васильевич, окончивший курс, очевидно, студентом в Вятской духовной семинарии. Его, как и следующего его брата Семена, я не знаю, т.к. был совсем ребенком в это время, но описываю по отзыву матери и тетки. По своему нравственному облику Петр Васильевич, как говорят, был весь отец. Видный, красивый, в очках в золотой оправе, элегантный кавалер по тому времени, изысканный по внешности, он настолько же был прекрасен и по своим душевным качествам. Видимо отец беззаветно любил его, а для современных и близких ему девиц и дам, он был кумиром, в следствие чего преждевременно и погиб, став жертвой кавалерского бравированья. К величайшему горю отца, уже несшего в это время свой тяжелый крест вдовства этот его любимый сын (бывший, кажется, надзирателем Глазовского Духовного училища) Петр Васильевич угас во цвете лет, только что начавший жить, по своей собственной вине, как об этом я узнал от двоюродной сестры

своей Глафиры Ивановны Медведицыной. О ней речь ниже.

В одно прекрасное время, кажется, в этом же селе Святице была чья-то интеллигентная свадьба и вот на этом то роковом для Петра Васильевича свадебном пире, он тогда веселый, живой, занимательный и обворожительный кавалер вздумал побравировать своим здоровьем (быть может и под некоторым влиянием спиртных градусов, как это обычно бывает с русским человеком). Дело было зимой. Вздумала веселая свадебная молодежь покататься на лошадке. Сказано-сделано. Видимо все были одеты по-зимнему, один Петр Васильевич вздумал прокатиться в одном своем модном сюртучке (и без пальто). Этого было достаточно, чтобы наш бравирующий герой схватил жестокую болезнь, свалившую его на смертное ложе и закончившую так необходимую для убитого горем отца и быть может для церкви и отчизны жизнь этого умного, доброго и симпатичного человека скоротечной чахоткой приблизительно на 25-26 году его возраста.

Этим, однако, далеко еще не закончились испытания нашего Святицкого «праведного Иова» - дядюшки Василия Андреевича.

Кончает курс Вятской Духовной семинарии второй его сын Семен Васильевич. Что это был за человек, какой его нравственный облик, мне подробно неизвестно. Видимо и он был в почтении у своего любвеобильного отца и последний, видимо, чаял в нем видеть утешение вместо потерянного «Иосифа» - своего старшего любимого сына Петра Васильевича. С его, Семена Васильевича, именем связано в моей памяти только одно, довольно курьезное событие, поведенное, кажется, тетушкой Анной Андреевной. Когда он, Семен Васильевич, еще учился в семинарии, вздумала наша бабушка Пелагия Ивановна поехать из своей Медяны в Вятку (а это одно было для бабушки целым событием) и однако посетить в семинарии своего внука Семенушко, а семинарию она от роду не видала и ничего подобного не представляла. Добралась до городу, расспросила, где находится семинария. Является туда: что за чудо – сколько тут таких громадных домов. В котором же Семенушко? Спрашивает кого-то первого встречного: «Где тут живет Семенушко Тронин?». Ей указывают корпус, где учился Семен Васильевич. Спрашивает его здесь, но он как раз в это время был за вечерним чаем в столовой (в западном корпусе). Наконец, добралась наша бабушка после долгих скитаний по обширной семинарии и до столовой. Входит в нее, по русскому обычаю крестится, смотря на большую икону. Св. Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова, висящую на передней стене и видя множество семинаристов, похожих друг на друга, мирно распивающих чай, подходит к крайнему из сидящих и с приветствием: «Здравствуй Семенушко!» - тянет-

ся к нему с поцелуем. «Нет, бабушка, я не Семенушко, а тебе какого Семенушка надо?» И только тогда, наконец, нашла она желанного, смущенного такую неожиданностью, таким сюрпризом любимой бабушки, своего внука Семенушка, из всех похожих на него юнцов, вдоволь поохотавших над неожиданным курьезом, внесшим в их монотонную жизнь, лишнее разнообразие.

Ничего другого из жизни Семена Васильевича я не знаю, как только то ужасное, скорбное и трагическое для несчастного отца, что и этот его любимый сынок лишь только окончил курс в Семинарии и прожив после этого год, много два, захирел, заболел, тоже едва ли не скоротечную чахоткою и скончался, оставив своего отца безутешным.

Но надежда у бедного страдальца все же еще теплилась на следующих детях-сыновьях. Далее, по счету третий сын был у него Владимир. Его я хорошо представляю и потому, то он был в одно прекрасное время в гостях у бабушки и тогда, когда мне было лет 7, а он учился, кажется, в 4 классе Вятской Духовной семинарии. Помню хорошо – это был видный, бравый и красивый молодой человек, но, к сожалению, уже в это время подпавший наследственности от дедушки Андрея Яковлевича – алкоголизму. Как сейчас вижу, бабушка, хотя и от души угощала его, как своего дорогого гостя, и водкой, но при этом добродушно, с увещанием приговаривала: «Володинька милый! не пей ты много этого проклятого зелья! Уж очень многих оно губит и погубило даже умнейших людей». «Не буду, не буду больше, бабушка, только у тебя выпью и закончу», отшучивался на это Володинька, смеясь над простотой бабушки и над ее обращенной к нему репликой. И более с тех пор я уже не видал этого симпатичного моего «братенничка» Володиньки, а только в скором времени после его посещения бабушки услышал как о новом громовом, ужасном ударе и испытании для страдальца Иова дяди Василия Андреевича, преждевременной смерти и этого дорогого его сына, во цвете лет (19-20) от скоротечной чахотки, полученной им от злоупотребления водкой.

Все же еще искрилась надежда у нашего страдальца Святицкого на остальных двух сыновей: Александра и Михаила.

Перешел из Глазовского духовного училища в Вятскую Духовную Семинарию и этот четвертый сын дядюшки Василия Андреевича Александр Васильевич. Но и он, доучившись до 2-го класса семинарии, почему-то вышел из семинарии и сколько-то времени жил у отца в с. Святице, потом я лично, будучи мальчиком лет 12-13, встретил его впервые в качестве певца, второго тенора, в архиерейском

хоре, в регентство знаменитого и до сих пор в Вятке регента Никанора Степановича Любимова. Александр Васильевич, как помню, был тогда молодой человек лет 28-30, среднего роста, широкоплечий, с большой, кудрявой, русой головой, в очках, довольно солидный и видный мужчина. Почему-то и здесь, в архиерейском хоре, он был недолго и уже впоследствии времени я слышал от дяди его и моего Арсения Андреевича, что он был священником в Сибири, в г. Туринске. Долго ли он был там, как жил, каково его семейное положение, в каких отношениях он был с отцом – не знаю, только видно, что он, хотя и был жив и здоров, но, видимо, не был помощником своему страдальцу отцу. Где он теперь – мне тоже неизвестно.

Однако, у нашего великого Святицкого подвижника, как у ветхозаветного патриарха Иакова, после потери Иосифа, оставалась еще заветная надежда, оставался еще меньший сын – «Вениамин» – то был Михаил Васильевич. Как библейский Патриарх Иов, бедный страдалец-дядюшка, со свойственным ему мужеством и терпением смиренно нес свой крест до конца, только все-таки, при обучении этого своего любезного, последнего «Вениамина» - Михаила, определенно и решительно заявил, когда его Мишинька окончил курс в Духовном училище в Глазове: «Так как Вятская Духовная Семинария отняла у меня всех моих дорогих сыновей, не отдам я ей последнего своего сына, а сдам я его в другую семинарию», Сказано-сделано. И направил своего Мишиньку учиться в Уфимскую Духовную Семинарию, где он успешно продолжал свое образование, пока не окончил полного курса.

Но и в этом последнем сыне, не судил Господь осуществить свои заветные надежды горемычному страдальцу-отцу. Правда, пока он, Михаил Васильевич, не женился, он был близок к отцу и находился у него и около него, но лишь только женился, как скоро оставил отца, впал в либерализм, модное направление того времени, был некоторое время статистом в г. Уржуме и где-то там тоже, сравнительно в молодых годах закончил свое жизненное существование, погибнув в волнах бушующих страстей сего «житейского моря, воздвигаемого напастей бурей». Таким образом остался наш, все же не отчаивающийся, мужественный адамант, мученик жизни, Святицкий страдалец дядюшка Василий Андреевич, в результате только со своей дочкой Александрой Васильевной, которая и жила с ним до тех пор, пока он не смежил свои очи тут же в Святице, где и погребен был около своего родного отца. К сожалению и в дочери своей он не видел утешения на закате дней своих.

В то время, как она являлась необыкновенно сострадательной к чужому горю, к чужой беде, - особенно во время болезней среди местного крестьянства обращавшегося к ней за медицинской помощью (а она умела лечить симпатическими средствами), к своему же страдальцу-отцу, истерзанному столь великими испытаниями жизни, она относилась удивительно плохо, равнодушно, и даже подчас грубо. Гораздо лучше относились к нему прислуги, жившие у него по привязанности к его доброму сердцу (которые в тоже время были и певчими в его церковном хоре), чем родная его дочь. Дом у них в Святице был свой и все по дому и хозяйству исправлял сам трудолюбивый страдалец-дядюшка, включительно даже до чистки ретиратов. Дочь его Александра Васильевна едва ли когда разделяла его черные труды; наоборот, не редко высмеивала его всякие начинания по дому и хозяйству, за что и получала выговоры от своих, как например от моей сестры Ольги, жившей тогда верстах в 40 от Святицы в с. Ежове, Глазовского уезда, куда время от времени ездили мы всей семьей на своей лошадке, и конечно, с таким расчетом, чтобы погостить у дядюшки в Святице. Впрочем, грубость и неуравновешенность натуры Александры Васильевны отчасти объяснялось какою-то странностью, ненормальностью ее характера. Что-то в ней было особенно психопатическое и особенно за последнее время, когда она, после нескольких десятков лет, вдруг явилась к нам в Вятку замоторелою девицею (в годы революции) и держала себя настолько странно-подозрительно и, нам казалось, небезопасно для нас, что мы постарались избавиться от нее. Где она теперь – жива или умерла – нам неизвестно.

Таким образом, из этих кратких только штрихов биографии этого мученика жизни, дорогого нашего дядюшки Василия Андреевича, можно убедиться, насколько был величав нравственный облик этого праведного человека. Каким, поистине, неземным ореолом величия окружена вся его многострадальная, полная пыток и нравственных терзаний, тяжелая жизнь, когда он показал в себе образец трезвости, мужества, терпения, смирения, кротости, веры и любви, на гордость и подражание своим потомкам, своим присным.

Это было воистину венечное украшение всего рода Трониных. В заключение его характеристики я должен сказать, что этот наш праведный дядюшка Василий Андреевич, пережив такие нравственные пытки жизни, под конец ее, действительно мог воскликнуть вместе с апостолом Павлом: «Подвигом добрым подвизався, течение скончах, веру соблюдох; прочее же соблюдается мне венечное правды, который дается всем возлюбившим Христа!».. Ибо воистину он был Авраам – по глубокой вере своей, Иов – по своему мужеству и терпению, Иосиф

– по своей простоте и целомудрию и верный ученик Самого Христа по его смирению... Да будет в твоих потомках вечная память твоему симпатичному нравственному облику и священно-диаконство твое да помянет Господь Бог во Царствии Своем!..

Значительно менее могу сказать я о следующем его брате Димитрие Андреевиче Тронине. О днях юности его я также ничего не знаю, как и других дядей. Впервые я с ним встретился уже взрослым юношей и как-то не было у нас разговора о его биографии в молодости, точно так же и с бабушкой и с матерью и с тетями я никогда не беседовал о жизни Димитрия Андреевича. Знаю только, то он тоже долго вдовствовал, как и брат его Василий. Знаю его некоторых детей, а моих двоюродных брата и сестер, а именно: 1) Василия Димитриевича, бывшего впоследствии дьяконом, кажется в том же селе Игре Глазовского уезда Вятской губернии, где служил дьяконом долгое время и сам дядюшка Димитрий Андреевич. 2) Екатерину Димитриевну, бывшую в замужестве за фельдшером (из ротных солдат), крестьянином, кажется, деревни Моргуново, прихода с. Медяны Архипом Всеволодовичем Кошечевым (звали же его все время «Архип Владимирович» (о них будет еще речь впереди, как о медянских жителях) и еще двух сестер-девиц, из коих одна по имени Афанасия инвалидка (хромая). Вот, пожалуй, и все, что мне помнится о семейном положении уважаемого дядюшки Димитрия Андреевича. Мое личное впечатление, при встрече с ним уже юношей, осталось у меня, как об основательном, умном и рассудительном человеке. Видимо, он был темперамента холерического, человек положительный, хотя тоже простой и благодушный. К сожалению, только раз я встретился с ним в Медяне, когда он был в гостях у своего зятя Архипа Вл[адимировича] и заходил к моим родителям, и не успел в один день запечатлеть его внешний и нравственный облик и потому не могу привести его подробной характеристики.

О его семейной жизни, кажется, немного знали и его родные Медянцы, так как слишком было большое расстояние от Медяны до с. Игры, стоящей где-то там в дебрях окраины Глазовского уезда.

Следующая по очереди отрасль из рода Трониных была как будто дочь бабушки Надежда Андреевна (по рождению) и Васильевна (по воспитанию). О жизни её в отрочестве и девичестве я сведений тоже не имею, а знаю только то, что с юных лет она была отдана родителями на воспитание какому-то (вероятно отцу) Василию, по имени которого она и именовалась всю жизнь свою «Васильевна». Этот, будем называть его о. Василий, и выдал ее в замужество за священника о. Иоанна Медведицына, служившего (кажется) в Быстрице Орловско-

го (ныне Халтуринского) уезда. Как они жили и когда эта тетушка овдовела и при каких обстоятельствах – тоже не знаю. Хорошо узнал ее лишь только вдовой-старицей и уже по окончании курса семинарии, когда жил вместе с нею в г. Слободском. Лучше знал и раньше, еще с малолетства, был коротко знаком с её детьми, а моими двоюродными братом и сестрами: Сергеем Ивановичем, Глафирой и Марией Ивановнами Медведицыными. Сергей Иванович почему-то вышел из Духовного училища и долго проходил мытарства, прежде чем поступить в псаломщики в г. Слободской, где впоследствии я и жил с ними и пользовался его радушием и ласкою, также как и его жены Ольги Константиновны. Глафира Ивановна была с образованием Вятского Епархиального Женского Училища и всю жизнь свою была учительницей в Орловском (ныне Халтуринском) уезде. Ей я лично много обязан, как моей репетиторше по подготовке по арифметике к Духовному училищу. Марья Ивановна, тоже учась в Вятском Епархиальном Женском Училище, почему-то вышла из младших классов и, долго скитаясь то у сестры, то у брата, вышла в замужество за содержателя земской станции, крестьянина дер. Помазкино Спасоталицкого прихода (Орловского уезда), где и умерла лет 48-50 кажется от тифа. О всех их речь будет еще ниже при повести о моей жизни и в отрочестве и в юношестве.

Далее следовала после Надежды у бабушки как будто моя покойная мамаша Мария Андреевна.

За нею – еще брат Яков Андреевич. Насколько припоминаю его внешний облик (а видел я его один только раз в с. Медяне отроком, когда он гостил у бабушки), он был очень симпатичный человек. В то время, как братья Василий и Димитрий, по внешнему виду, были шатены, Яков Андреевич был жгучим брюнетом, с густыми, как смоль черными волосами, зачесанными назад, и с черной окладистой бородой. Запечатлелся он в памяти моей как добрый, прямой, добродушный и умный человек. Служил он все время в Вятском Почтовом ведомстве, получая скромный оклад жалованья, где и закончил жизнь свою печальным образом, впадши в наследственный от дедушки алкоголизм, с его последствиями. Благоприятным к тому условием было и его социальное положение. Неудачно женившись на Вятской белоручке, бесхозяйственной женщине, он вместе с нею окончательно опустился и жил при конце жизни крайне бедно и печально, пока страдания его не закончились смертью. Жена его, кажется, также окончила жизнь свою алкоголичкой. Детей у них не было.

В заключение рода Трониных остается сказать еще о последнем сыне и, кажется, особенно любимом бабушкою, об Арсении Андрееви-

че, пока здравствующим до сего дня. Не напрасно бабушка Пелагия Ивановна и любила особенно этого своего младшего «Вениамина» – Арсеньюшку, т.к. и этот последний из всех детей особенно привязан был к «маминьке» и с юных лет поддерживал ее в ее нравственном и материальном существовании. Не получив образования, кроме школьного, он, Арсений Андреевич, будучи от природы любознательным и умным, с малых лет полюбил чтение, письмо и скоро достиг посильного ему умственного развития. Едва только он достиг юношеского возраста, как пошел зарабатывать себе и матери насущный хлеб, поступив простым рабочим на кожевенный завод в городе Вятке Лаптева. Я помню фотографическую карточку того времени, когда он со своею родною любимую матушкой снялся в крестьянском кафтанчике (бекешке), в виде простого рабочего (бабушка в сидячем положении, а Арсений Андреевич сзади ее стоит, взяв ее за плечо, тонколицый, щедедушный, безусый юноша). Часто, видимо, из Вятки ходил в Медяну и здесь в свободное время помогал матери и сестрам по хозяйству, много читал, писал, списывал стихотворения и письма. Тоже живо помню ту его маленькую, пожелтевшую от времени тетрадочку, по которой мать моя вместе с сестрами распевали любимые им и ими песенки и стихотворения, вроде Лермонтова: «В минуту жизни трудную», «Ветка Палестины», «В глубокой теснине Дарьяла» и пр.

Сколько времени Арсений Андреевич служил в качестве рабочего на заводе – не знаю, только в зрелом возрасте он, как человек выдержанный, практичный, трезвый, аккуратный и экономный, быстро пошел в гору и вместо простого, рядового рабочего, он становится незаурядным торговым человеком и сначала ведет небольшую торговлю в городе Перми, а потом приобретает капитал, женится на дочери богатого капиталиста и становится известным купцом первой гильдии в Каменском заводе Пермской губернии, где имеет свои собственные дома и громадные магазины и хлебные и галантерейные. До моего поступления на священническое место с. Загарья я лично почти не видал его, но знал хорошо его физиономию по тем фотографическим карточкам, которые он часто присылал и нам и бабушке.

Замечательно то, что он любил сниматься в разных видах и с разными прическами: то он похож на Пушкина, с кудрявыми волосами, то на министра, то вообще на барина, то на делового коммерческого человека (с супругою и сыном). Словом, он (Арсений Андреевич), любил показать себя и этим сказать, кто он был и чем он стал. Действительно, нужно отдать ему справедливость, что вышел он «в люди» благодаря только своему природному, практическому уму, своей добросовестности, честности, аккуратности и трезвости. Обратная сто-

рона этого его достижения была только в том, что он пред своими родными слишком переоценивал себя и практичность его часто граничила со скупостью, за что он не пользовался уважением моего покойного отца, предпочитавшего простоту в бедности чопорности в богатстве и сытости. Правда, испытав в молодости нужду, бедность и лишения, он, естественно, привык дорожить копеечкой и ценил презренный металл выше всего на свете. Совсем другой человек была его супруга, а наша приснопамятная, покойная тетя Агриппина Ивановна. Хотя она была взята из богатого дома, но в противоположность дяде, она была необычайно добра, мила и симпатична. Она часто тайно от дяди благотворила и помогала бедным. Царство ей небесное!

Нечего сказать, не жалел подчас и сам дядя особенно на благотворение в пользу храмов, где он был и церковным старостой, а также и нас встречал всегда у себя искренне, по-родственному приветливо и радушно, но в то время, как тетушка, бывало, тайком сунет что-нибудь от великого богатства из магазинов своего мужа, последний не заикнется об этом и при провожании, например моего отца, от себя дал ему только на прогоны 10 рублей и то, как высмеивал папаша, между двух пальцев.

В общем, и этот дядюшка симпатичного нравственного облика и всегда производил при встрече приятное впечатление. Много отрицательное в его характере (а у кого его из нас нет) объяснялось и его необразованностью и некоторым его мещанством, приобретенным им в богатстве.

Во время революции, конечно, он лишился всего своего благосостояния. Удалось все же ему сохранить дом, благодаря тому обстоятельству, что в него поселилось какое-то учреждение, где он был принят в качестве дворника, а затем, по перемещении этого учреждения в другое место, дяде Арсению Андреевичу, удалось продать этот дом и уехать в Шадринск, где он купил для себя домик маленький и живет на склоне дней своих пока что благодушно, при помощи своего сына Леонида, где-то служащего на государственной службе. Отсюда он был когда-то (в 1921-22 г.) у нас в Вятке вдовым и говорил, сетуя, что сын его, Леонид, не хочет жениться и ради поддержания дома и хозяйства придется жениться ему самому. «Чувствую, – говорил он, – что лет на 8 меня хватит и думаю поэтому жениться», а ему было тогда 62 года. И действительно, как мы потом были осведомлены, что он женился на бывшей монахиня Сусанне (с которой он был близко знаком по Каменскому заводу, где она жила при монастыре, а он был церковным старостой при соборном храме), с которой и благоденствует по настоящее время при помощи и труда ея, Сусанны, и сына его Леонида.

Се род дедушки и бабушки Трониных и моей дорогой мамаша Марию Андреевну! Далее... Жизнь моих незабвенных родителей.

По выходе в замужество за скромного, молодого дьячка Владимира Яковлевича Агафоникова началась семейная жизнь у них в родимом для матери с. Медяне.... Но... ради улучшения своего материального положения и освобождения от некоторой зависимости от родных, лишь только открылась возможность для отца поступить на более лучшее место, мои родители переместились по указу, кажется, епископа Агафангела (впоследствии архиепископа Волынского) в село Лекму (Лекомское) Слободского уезда на место псаломщика, хотя тоже сверхштатного, в село, ставшее мне местом моего рождения и колыбелью для моих младенческих немощей. Видимо, здесь положение родителей моих в материальном отношении значительно улучшилось, так как в течение недолгого времени им удалось приобрести здесь свой уютный домик и обставить себя полным крестьянским хозяйством. Между тем, появилась и семья: первую здесь родилась милая моя старшая сестра Ольга (приблизительно 1861-1862 г.) (ныне здравствующая в г. Казани), вслед за ней, приблизительно в 1864-1865 г. – сестра Антонина, умершая в революцию от нравственных потрясений в г. Шадринске 27 сентября 1919 г. (Царство Небесное ей, нашей дорогой страдальце!).

Следующими детьми наших родителей были: дочь Мария и сыновья: Александр и Иоанн. из них: Мария и Александр, достигши до отроческого возраста, 6-7 лет скончались от скарлатины, а последний Иоанн умер вскоре после своего рождения. Все они нашли место упокоения на погосте с. Лекмы.

Если жилось сравнительно хорошо моим родителям в с. Лекме в материальном отношении, то, по отзыву сестер моих Ольги и Антонины, неважно жилось им в отношении нравственном, т.к. покойный родитель отчасти по молодости и легкомыслию своему часто попадал в компанию поклонников Бахусу и этим самым вносил дезорганизацию в свою семейную жизнь: обижал мать, ревновал ее к своему сослуживцу, псаломщику Помысову, (по словам сестер) доводил семью до больших лишений; в довершение всего много страдали мои оба родителя и от произвола местного настоятеля, протоиерея Иоанна, кажется Кибардина, бывшего к тому же тогда еще и грозным на весь округ благочинным. Конечно, если попадало от него его сослуживцам-священникам, то что говорить о низших членах причта. Это были, в полном смысле слова, рабы, которыми владели подобные личности, в то помещичье время, как хотели. Посылал, например, этот благочинный моего отца в ночь, в полночь с пакетами по благочинию

и отец мой безропотно и рабски-послушно запрягал свою лошадку и ехал, куда прикажут бесплатно, из рабского послушания. Много осталось от этого времени в памяти моих родителей и курьезов, по поводу произвола этого лекомского временщика. Так, например, я запомнил, как они рассказывали о наречении им имени родившихся младенцев в приходе. Приезжают с крещением. Предлагают этому благочинному свое намеченное ребенку имя. Нет, извините, ни в каком случае он не согласится дать имя, желательное родителям и родичам младенца. А вот пожалуйста – сегодня муч. Лампада, и будет Лампад, а особенно, если ребенок от девицы, (который и записывался в метрике «незаконнорожденным сыном девки»), - то уж тут без всяких разговоров непреклонный и суровый протопоп назначал свое имя, вроде «Пигасий», «Асигкрест», «Хустозат», «Голиндуха» и пр.

И вот, по словам родителей часто бывали такие курьезы: бабка, привозившая ребенка для крещения, забывала потом имя, произвольно и самовольно данное протопопом и, принося младенца для крещения, коверкала имя и смешила этим даже и самогу строгого Зевса-настоятеля.

«Как зовут ребенка?», - спрашивает дьякон при причащении. - «Подсвечник, отец дьякон». - «Как Подсвечник?! Такого имени нет». Справляется в метрике – оказывается, «Лампад».

Другая бабка – на этот же вопрос отвечает: «Пегашко, отец дьякон, Пегашко». Это значит Пегасий. Вместо Хустозад звали Худозад, вместо Асигкрест - Секрет, вместо Лупп – Лупентий и т.д. И все это благодаря непонятному упорству временщика о. Протопопа. Впрочем, в то былое время много было таких временщиков, которые чувствовали себя царями в своем положении и давали себя крепко чувствовать всем своим подчиненным. Видимо, трепетало пред ним и подведомое ему, как благочинному, духовенство округа. Это был один из тех типов благочинного, который прекрасно охарактеризован публицистом В. Павловым в ст. его «Архиерей». Когда архиерей спросил псаломщика (героя в этой статье), что он там старается, что все готовится в храме к приезду благочинного, разве ждет награду? «Награду...- произносит как бы укоризненно псаломщик. - Когда ты видал, чтобы за такие мелкие дела награды выдавали? Награду настоятель и то не всякий получит, а только кто приятель благочинному, или племянник ему! Старик, а этого не знает! Где ты до сих пор – на луне что ли жил?... Ты не храм, а у благочинного двор подмети, вот и получишь награду... Награда, дедай, так не дается: за награду, когда и трех гусей мало... Такса есть».

Действительно, в то старое время много таких типов – благочинных было, которые чувствовали себя неограниченными деспотами в отношении к подведомому им духовенству. Но, несмотря на такой режим со стороны этого сурового настоятеля-благочинного, наш покорный и смиренный герой-«причетник» (как их тогда называли) как-то сумел зарекомендовать себя в глазах этого временщика и последний, видимо, относился к нему более чем снисходительно, видимо, даже с уважением, так как бывал в гостях у наших родителей. Может быть, конечно, на него влияла в добрую сторону его симпатичная старлица-супруга, Александра Логиновна, т.к. она по душе, видимо, была сама очень добра и сострадательна. К родителям она была особенно доброжелательна, что сказалось в том, что она не отказала при моем появлении на свет быть моей крестной матерью. Царство ей и ее супругу протоиерею Иоанну Небесное! Конечно, я не помню облика их, но судя по портретам, долго хранившимся у нас (и теперь где-то затерянным) они были: он хотя и суровый, но импозантно-важный, особенно в камиллавке, а она в белом чепчике, тоже солидная, и, по светлостю своему и добродушному взгляду, добрая, симпатичная...

Очень тепло вспоминали мои родители другого сослуживца – священника о. Василия Шкляева, впоследствии служившего в с. Просницы, а потом – в Хмелевке Слободского уезда, где и умершего. Оба они с супругой были, по словам родителей, прекрасные, мягкие, добросердечные люди. Когда был я уже в Духовном Училище, то нередко видал их, тем более, что старший сын их Николай (по родителям прекраснейший человек), был моим товарищем при поступлении в Вятское Духовное Училище и хотя я отстал от него на один год, но он все время был на моих глазах, вплоть до окончания семинарии. Впоследствии он был добрым пастырем в с. Просницы на месте отца, где и преждевременно скончался, кажется от тифа, лет 40-45.

Вспоминали мои родители и еще одного сослуживца – священника о. Иоанна Ложкина (с сыном коего Николаем я тоже учился в Семинарии и вместе с ним пели мы в архиерейском хоре), который был памятен им тем, что он был франтом и кавалером, даже в храме, где за службой ходил и кадил с «реверансами»...³

Очень тепло вспоминали родители лекомского торговца Капитона Осиповича Торопова, видимо часто выручавшего их из трудных материальных положений. Потеряв потом его из виду, они нашли в Вятке его брата Евгения Осиповича, с именем которого связаны, между прочим, и мои первые шаги учения в Вятском Духовном Училище, о чем речь будет ниже.

Торжественно, престольным праздником в с. Лекме было Знамение Пресвятой Богородицы, о чем вспоминая нередко мой родитель отмечал, что уж особенно хорошо выпевали они в сей праздник, очевидно обиходный литийник «Роги грешных».

По смерти последнего сына, младенца Иоанна, моя дорогая мамаша дала обещание св. Николаю Чудотворцу (Великорецкому), что, если по молитвам Его пред Господом, у нее будет сын, то она посвящает его Ему, называя Его именем, когда бы он не родился, и, при первом удобном случае отправляется на место явления Его Святой иконы на Великую Реку и там служит благодарственный Ему молебен... И... молитва ее была услышана – 1-го сентября 1876 года, волею судеб Божиих, под Знамением Царицы Небесной и под покровом Святителя и Чудотворца Николая, согласно вожделенному чаянию родителей, особенно дорогой матери, появился на свет аз, многогрешный пловец по бурному сему житейскому морю, раб Божий Николай, недостойный тезоименитец моему Великому Ангелу – Святителю и Чудотворцу Николаю.

Хотя этот знаменательный для моих родителей акт и последовал 1-го сентября, и, по суровому капризному обычаю помянутого выше временщика с. Лекмы, протопопа о. Иоанна, я должен был [быть] назван или Симеоном или – быть может - пооригинальнее, как любил настоятель, Иисусом Навином или Аифаилом, Аммуном, Еводом или Ермогеном, однако, здесь сделано было исключение ради обещания матери, а также и ради уважения протопопа в отношении моих родителей – и наречено мне было великое, святое и общеизвестное во всем христианском (и даже не христианском) мире имя Николай, в честь Святителя и Чудотворца Николая. 6-е декабря⁴. Вот то знаменательнейшее с этой минуты для меня время и число, которое особенно отмечалось, отмечается и если Богу угодно, будет отмечаться во всю мою грешную жизнь, кроме торжественного богослужения и семейным, радостным празднеством.

Пять лет моего милого детства протекло в этом Богоспасаемом месте моего рождения – селе Лекме (что Лекомское).

Очень смутные воспоминания остались у меня из первых этих лет золотого времени о месте моей родины. Впоследствии, конечно, я неоднократно бывал там и любовался красивым местоположением, прекрасною и глубокою рекою Лекмой, в волнах коей часто купались мои родители и доставали немалое количество рыбы для своего пропитания, чудными, громадными, девственными лесами, где мать моя и сестры с особенным удовольствием гуляли за малиною, грибами и откуда вдоволь доставали дров на отопление и где легко мож-

но было и заблудиться и напасть на добродушного, но опасного порой «Мишку» – медведя, в немалом количестве попадавшегося в былое время отсталым и заблудившимся ягодникам и грибникам. Вероятно, в этих девственных лесах, покойная матушка моя, Мария Андреевна, впервые познала науку собирания грибов так что впоследствии этим искусством удивляла всех своих сверстников и сверстниц, ее конкурентов в этом деле, не говоря уже о простых смертных, звавших ее в шутку «профессором грибных дел»...

Но, как я уже и сказал, вначале моих воспоминаний, Господу Богу было не угодно оставить моих родителей в этой лекомской идиллии, в этом облюбованном ими местечке, со своим уже собственным, благоприобретенным домиком, приличным для псаломщика хозяйством, т.к. возложен был на них волею судеб Божиих новый крест, по утрате троих детей своих, - это приказ митрополита (как будто Исидора), первенствующего в Синоде, об увольнении всех сверхштатных дьячков (а родитель мой был как раз сверх штата) с места и о перемещении их на другие штатные места. Конечно, горько было моим скорбящим родителям пить эту новую чашу страданий, но что делать: люди молодые – вытерпят и... *volens-nolens* - распродав все свое хозяйственное добро вместе с домом, потянулись к моей незабвенной бабушке Пелагии Ивановне в с. Медяну, пока что до дальнейшей судьбы моих родителей.

Не помню я этого печального случая, вследствие произвола духовных властелинов, но знаю, что многих скорбей, страданий и слез стоил он особенно моей дорогой матери... Но что делать? «Ищите и обрящете, толцые и отверзется вам» – сказал Сладчайший Наш Спаситель. Удрученный скорбями отравляется мой родитель в Вятку к епископу (едва ли не «Неофиту»), и в результате - указ о назначении его штатным дьячком в с. *Салатакъял*, Уржумского уезда. Что же? «От Господа стопы человеческие исправляются» – сказано в Священном Писании. Утешенные сим назначением, оба мои родители, оставив в надежном месте всех своих детей, у незабвенной бабушки в Медяне, кроме, кажется, меня 5-ти летнего, направляются, по указанию Божию, в новую, неведомую, черемисскую страну, скрепя свое удрученное сердце.

Конечно, не знаю и не помню подробностей их путешествия до сего далекого места. Только... «свет не без добрых людей» – и здесь их радушно принял настоятель церкви *Салатакъяльской* какой-то о. Дрягин, портрет с коего вместе с его добродушной матушкой, помню, висел наряду с нашими родными. Тоже оба молодые, что и мои родители, они полюбили последних и жили душа в душу, приняв в

свое общение еще местного учителя с женою, тоже хороших компаньонов Петра Александровича Верещагина (супругу по имени и отчеству не помню) впоследствии своего рода исторической личности, как автора «пасхалии и вечного календаря», но и как дававшего знать о своих правах и достоинствах Вятской Духовной Консистории да подчас и самим епископам, ради чего в конце концов и пришлось ему уйти за штат. Кроме того, он нам лично стал хорошо известен как тесть моего дорогого друга, товарища и сослуживца (по Загарью) о. Ардалиона Степановича Овчинникова и следовательно родной отец его супруги Веры Петровны.

Но и здесь, несмотря на самые благоприятные условия жизни, которые создались здесь, казалось, к успокоению и радости наших страдальцев, недолго пришлось поблаженствовать и насладиться отдыхом и спокойствием.

Прошло должно быть не более 3-5 месяцев их безмятежного здесь жития, когда они готовились переселить сюда и все свое семейство из Медяны, как вдруг из последней сообщают, что там есть свободное место дьячка и, чего лучше, без перетряски и без перевозки в такую даль семьи и всего имущества, вернуться сюда им самим и обосноваться около своего семейного очага и около своих близких родных. С великой тугой на сердце расстались они с Салакъяльскими своими сослуживцами и друзьями и, с неопределенными чувствами и скорби и радости возвратились снова в свою Богом назначенную им Медяну, под сень Святой Троицы, Покрова Пресвятой Богородицы и Святого Великомученика Димитрия Солунского, туда, где была исконная родина моей дорогой матери, туда, где были первые шаги в жизни молодых супругов, обоих моих родителей, туда, где целые полвека с сердечною преданностью своему священному долгу и делу прослужил мой дорогой отец, туда, где оказалась и моя незабвенная, милая, дорогая по воспоминаниям вторая родина, вскормившая, возраставшая, просветившая и благословившая меня на мой настоящий жизненный путь.

Поистине, не о Лекме, а именно о Медяне я могу сказать, при воспоминании о прожитом в ней, вместе с поэтом:

*О! Родина Святая
Какое сердце не дрожит
Тебя благословляя!
За все твоё милое, приятное, дорогое, незабвенное!*

Ведь в ней, этой моей Медянской отчизне протекли милые дни моего золотого детства, беззаботного отрочества, пылкого юношества;

дни и суровых зим с их прелестями- катаньями; и серых осеней – с их дровами, грибами и проч., дни и радужной весны, а скольких веселых летних, незабвенных дней, с их красотами!

Мое детство и отрочество

продолжение

О! Ты, незабвенное, милое детство! Как ты было блаженно, хорошо! Хотя и бедно материально, но как богато ты духовно, благодаря разумным родителям и воспитателям твоим! Вот за что я преклоняюсь пред Божественным Провидением, давшим мне от младенческих пелен моих милых, хотя и простых и скромных, но разумных, патриархальных родителей, давших мне и жизнь физическую и сумевших дать и духовную, настолько только это от них зависело. Оглядываясь теперь, на склоне дней своих, назад, невольно с благоговением вспоминаешь свое детство, в связи с сопровождавшими его и лелеющими его моими незабвенными родителями. «Добрые и умные родители», говорит один из известных наших русских писателей Н. С. Лесков, «непреренно должны приготовить своих детей к уменью с достоинством жить в счастье и несчастье» – и эта истина, как нельзя более, выявилась в моих родителях. Вся наша семья – братья и сестры действительно в раннем детстве закалены были родителями к встрече и счастливых моментов жизни и к приему «без содрогания» – но стойчески, всяких жизненных ударов, даже до сего дне.

Жизнь в нужде, в борьбе за существование, когда, бывало, отец получал, как дьячок, по 150 рублей в год на всю семью из 7-ми человек, в лишениях, скорбях, но с проблеском и солнечных, счастливых лучей, удачных, праздничных дней, выработали из нас стойких, мужественных, и готовых ко всяким сюрпризам жизни людей, а если прибавить к этому еще и строгую патриархальность нашей семейной среды, в которой мы, братья и сестры, воспитывались и девизом которой были слова Св. Писания «Начало премудрости - страх Господень», то все мы, вышедшие из этого нравственного воспитания, действительно готовы были выступить в жизнь на всякие искушения, помня, по заветам наших дорогих родителей, что «без Бога не до порога» – все здесь, в этом суетном мире свершается по воле Божией – и всякая радость (непротивная нравственности) и всякое горе, всякая скорбь, всякое страдание...

Припоминая первые дни моего детства в Медяне, мне хочется описать по возможности все детали этого золотого, незабвенного времени, когда, кроме моих родителей, тут около меня, тогда беззаботного,

порхающего, как свободная, воздушная птичка Божия, «не знающая ни заботы, ни труда», была милая бабушка (в роде любимой Пушкинской няни Арины Родионовны) Пелагия Ивановна (Царство тебе, верю, праведнице, Небесное, за твои молитвы, быть может вместе с Свв., и живем мы свой век - слава Богу), добродушная, хотя и ворчливая тетья Анна Андреевна и др.

Как сейчас помню, квартира наша была внизу большого казенного церковного полукаменного дома, стоящего (кажется и теперь так) против храма на северной стороне (саженях в 40 от церковной ограды).

С западной стороны, через огород, принадлежавший нам, саженях в 50, стоял тоже двухэтажный деревянный дом Медянского земского начального училища, где судил господь Бог мне получить первоначальное, школьное образование; с восточной стороны, строений тогда никаких не было (впоследствии, еще при отце же Николае Зубареве был выстроен оригинальный, трехэтажный дом для нового причта, прибывшего на новооткрытую третью вакансию при с. Медяне), а в конце довольно обширной ограды, находился колодезь, с большим деревянным колесом для вычерпывания бадьей воды, загороженный досками и с крышей, в виде домика, к нему, к большой дороге примыкал небольшой огородик (осырок), обнесенный тыном, где батюшка о. Николай садил необходимые, скороспелые овощи; за колодезем, невдалеке, виднелось кладбище (погост), через поле, где впоследствии нашли себе вечное упокоение и дорогая бабушка и добродушная тетья Анна Андреевна и много других и близких и знакомых медянских, памятных мне личностей.

С северной стороны дома стояли сбоку службы (амбары, погребы, хлевы и сараи) и о. Николая и наши, а за ними на далекое пространство тянулись просторные, любимые наши поля, «кулиги», леса, речки и долины, где мы, бывало, по целым дням гуляли, особенно летом и осенью, за ягодами и грибами, наслаждаясь прекрасной природой, здоровым, ароматным воздухом и блеском золотистого, жгучего солнышка.

Около самого дома, метрах в 5-10, с южной стороны пролежала большая дорога в восточную сторону, в г. Вятку, отстоящий от нас в 28 верстах (круглым счетом считали 25 верст), уходящая за кладбищем вправо, а влево – была дорога в то самое, впоследствии мне Богом указанное с. Загарье, где судил мне Господь служить первые годы моего пастырства.

В западную сторону эта большая, проселочная дорога вела через с. Горохово Орловского (ныне Халтуринского) уезда в большое

историческое село Великорецкое (место явления чудотворной Великорецкой иконы Святителя и Чудотворца Николая), куда, бывало между 21 и 30 мая проходили мимо Медяны десятки тысяч богомольцев с различных, часто далеких-далеких местностей, разных племен и народов, коими так богата наша Вятская страна, разных классов и сословий.

По этой дороге, рядом с двухэтажным деревянным домом земского начального училища, первого моего этапа просвещения, домом, стоящим (через огород) рядом с нашим полукаменным, впоследствии был выстроен еще довольно поместительный одноэтажный, деревянный дом, устроенный старанием и, кажется, и иждивением знаменитого по Медяне о. Н. Зубарева, предназначенный для церковно-приходской школы, где учился мой родной брат (крестник о. Н. Зубарева) Александр, на первых порах своего школьного возраста.

Непосредственно за этой церковно-приходской школой шла дорога через полевые ворота, из села в северную сторону по направлению к с. Монастырскому, тоже Орловского (Халтуринского) уезда, отстоящему от с. Медяны в 12 верстах.

В конце села, через пространство сажен в 50 стояли: по правую сторону дом питейный («кабак») с симпатичным «целовальником» Космой Ивановичем, где по праздничным дням много было и комичных и ужасных сцен с побоищами и кровопролитием со стороны многочисленных, по русскому обычаю, поклонников неизменному богу - Бахусу. По левую сторону напротив «Кузмы Ивановича» были два дома владельцев крестьян: «Осихи» – помню здоровой, но беззубой бабы – вдовы, часто разделявшей оргии с постоянными завсегдатаями-пьяницами и опустившейся нравственно низко. Рядом с ее домом жили (и теперь вероятно живут) два брата крестьянина Василий Дмитриевич и Архипп его брат и мой в некотором отношении товарищ (как мой сверстник). Оба они были совершенно трезвые, несмотря на соблазнительное соседство кабака и его посетителей. Впрочем, у них нередко была квартира то урядника, то лесника и др. начальственных лиц, так что собственно ареною пьянства и драки был огород и поле за кабаком, или пространство между кабаком и селом.

Рядом с кабаком еще был дом некоего Ивана Тарасовича (фамилии вообще не помню) мужика тоже самостоятельного, который, хотя любил подчас и выпить, но как-то будто всегда в меру. Это был высокий, длинный, худощавый мужчина, впоследствии захворавший горлом так серьезно, что ему вырезали глотку и вставили металлическую «дудку», через которую он и питался и говорил...

Против церковно-приходской школы стоял другой «кабак», где «сидельцем» была «Саватеевна» – это бойкая женщина, ловкая, хитрая и еврейски практичная. Насколько Косма Иванович был основателем, прямодушен и не лицемерен, настолько эта Саватеевна была изворотлива, эластична и хитра.

Козьма Иванович содержал кабак от Александровых, а Саватеевна – от Савинцевых.

Это были знаменитые Вятские богачи-купцы, имевшие массу кабаков и винных заводов.

Таким образом, при существовании двух очагов просвещения были в Медяне и два очага развращения.

Рядом с этим кабаком стоял собственный дом вышеупомянутого священника с. Медяны о. Георгия Лопатина, после смерти коего - его жены Надежды Феодоровны, а впоследствии ее дочери - просфорницы Надежды Егоровны.

Возде этого дома спускалась большая проезжая дорога в ложбину, по правую сторону коей в саженях 30 от дома Лопатиных, стояла большая деревянная часовня, внутри которой был колодец, с прекрасным досчаным обрубом, где в установленные по церковному уставу дни: как-то в Крещение Господне, 1-го августа, Преполование и другие – торжественно, при крестном ходе из храма, освящалась вода и служили водосвятный молебен.

Позади этой часовни расстилался зеленый, прекрасный огород с хорошими овощами, за грядками которого был отличный сенокос, а за ними у самой изгороди заманчиво привлекали к себе красивые яблони, с дикими, любимыми не только детишками, но и взрослыми яблоками и широко разветвившиеся черемухи, с своими роскошными белыми, приятно пахнущими, в соединении еще с яблочными, тоже им не уступающими цветущей весной и своими черными, сладковязящими ягодами – все это было достоянием в течение многих времен и дедушки чтеца Андрея Яковлевича с бабушкой Пелагией Ивановной и потом моих родителей и моей усладой в часы отдыха, досуга и свободы от школьных занятий.

Непосредственно за часовней, по дороге, по правую сторону последней был пруд, вечно наполовину покрытый илом, хотя любимый селянами, как единственное место для полоскания белья, для мытья полов и пр. От него дорога шла в гору, на которой и была деревня, считавшаяся при селе (по-просту звали «Падеры»). О ней речь будет впереди. Теперь скажу только, что впоследствии, когда перенесено было Вязовское волостное правление, бывшее долгое время в дер. Зяблец (Вязовского волости прихода с. Загарья) – в 5-ти верстах от

Медяны, в с. Медяну, то для правления было устроено отличное двухэтажное здание в конце этой деревни Падеры и при нем дом одноэтажный со службами для волостного писаря, и, таким образом, появилось Медянское волостное правление. Это приблизительно в году 1893-94^м.

Эта большая дорога мимо часовни и (в конце) Правления вела на села: Подрелье и Чудиново тоже Орловского (Халтуринского) уезда.

Далее, по направлению к югу от дома Лопатиных (в селе) шел ряд базарных лавок, а среди них жилая лавка Коробова Сергея Филипповича, известного Медянского торгаша и его матери, известной по прозвищу «Окинтьевны» (очевидно по отчеству Иоакимфиевой). Живое помню как мы часто обращались за своими потребностями в эту лавку и, кажется, мои родители пользовались благоволением Сергея Филипповича, а особенно добродушной «Окинтьевны». Впоследствии, по смерти последней, Сергей Филиппович неудачно женился на племяннице кабатчицы Саватеевны и спился сам и опустилась и развратилась его Анна (жена) и он скоро умер, а она превратилась в распутную женщину-пьяницу...

Через несколько сажен (30-50) рядом стоял дом о. Евфимия Медведицына (против входа в храм - с колокольни), с службами, постройками и банею. В этом доме выросли и воспитались под опекой отца и его родной сестры Александры Евгеньевны (под старость оглохшей) его родные дети: Павел Евфимович (впоследствии священник с. Холуницко-Троицкого Слободского уезда и Пасегова Вятского уезда), Василий Евфимович (дьякон села Окальева Котельничского уезда, умерший от невоздержания, и погребенный на кладбище около нашей бабушки) и Мария Евфимовна, прекраснейшая из женщин, но понесшая свой тяжелый крест в жизни за известным алкоголиком А. Петропавловским.

Еще рядом с домом о. Евфимия сажен через 15-20 приютился в уголку казенный домик с многочисленными пристройками, в коем с площади проживали псаломщики одно время Иван Васильевич Костров, уехавший потом в Нолинский у., откуда инвалидом жил в с. Загарье у нашей просфорни Александры Ивановны, его родной дочери Костровой. По Медяне я не помню его, но родители сказывали, что бывало Иван Васильевич вместе со своей супругой Натальей Федоровной с горя ли с радости ли, так поклонялись Бахусу, что оба засыпали на целый день, чтобы к ночи опять на сон грядущий хватить до утра.

Плохо припоминаю и прибывшего на его место псаломщика Зотика Ивановича Сычугова (брата знаменитого Верховского врача-

народника Савватия Ивановича Сычугова.) Вспоминаю только, что оба они и Зотик Иванович и супруга его (не помню имени и отчества) были люди очень скромные и незаметные. Жили кажется тоже недолго и Зотик Иванович уехал куда-то на дьяконское место. Впоследствии, когда в задней стороне этого дома жили мои родители, с площади поселился дьякон (бывший мой печальной памяти учитель местной Медянской земской школы) Иван Димитриевич Леонтиев, со своей необразованной, некультурной, невежественной и тяжелой для совместной жизни супругой Людмилой Ивановной, оставившей тяжелый осадок на сердце своим отношением и злобой к нашей семье. Об этом будет, впрочем, речь впереди.

Далее рядом, сажен через 20-30, стоял дом псаломщика Александра Яковлевича Тихоновых, впоследствии купленный моими родителями, где я и проводил лучшие дни своего юношества. Этот Александр Яковлевич насколько помню пользовался настолько большим уважением в приходе, что на этой почве, помню, создался целый конфликт между приходом и настоятелем о. Николаем Зубаревым. Прихожане настаивали, чтобы Александр Яковлевич был дьяконом, а о. Николаю почему-то было его не надо. И не из-за этого ли Александр Яковлевич, как только умерла у него мать (помню Гавриловна, а имени не помню) переехал в с. Чуудиново, Орловского уезда, где и жил до последнего времени в сане дьякона. Это был человек, помню, по-видимому скромный, трезвый, аккуратный, но почему он не ладил с о. Николаем – не знаю. Жена у него – Тимофеевна, тоже ничем не выдававшаяся из сельских женщин. Кроме того у него была родная сестра – девица Ироида Яковлевна. Вот это помню, что эта особа была популярная далеко по окрестности нашей, как собеседница «по Божьему слову» и певица. Она часто устраивала религиозные собрания, где кроме нее фигурировали многие ученики и ученицы Филейского подвижника о. Стефана, в роде из деревни Осиновицы (Загарского прихода) Дарии Николаевны Загоскиной (тоже старой девы), местного впоследствии исторического церковника Маманта Ивановича Койкова и др., где любила бывать одно время и моя покойная мамаша, ради ее беззаветной любви к пению. На этих собраниях читалось Слово Божие, Четьи-Минеи, духовные, назидательные беседы, сочинения о. Стефана Филейского и подолгу распевались его духовные канты и стихотворения. Как сейчас помню моей матери особенно нравилось стихотворение «Слава, слава в вышних Богу, дух мой радостно воспой». Быть может и коснусь этого еще ниже...

Этот дом завершал собою ряд жилых домов и стоял в южной стороне против храма. Возле него шла небольшая летом тропа, а зи-

мой дорожка в ближайшую деревню Малые Мясниковы, по направлению на Медянскую фабрику (малая дорога).

Далее через дорожку эту, в саженях 15-20 стоял небольшой казенный, церковный амбар, в котором хранился собранный в приходе казенный хлеб – рожь, овес, а также и лен и другие принадлежности.

Еще далее, на таком же расстоянии на юге (от храма) стоял двухэтажный амбар для склада железа, красок и разного рода церковного материала. Он стоял уже почти у самой дороги (большой и проезжей в г. Вятку и Загарье).

Тут в детстве и юношестве мы, молодежь, любили порезвиться и поиграть и в горелки и в лапту и в чиж и другие игры.

Впоследствии, тут при о. Василии Вл. Зубареве устроена была прекрасная церковно-приходская школа.

Вот и весь вид моей незабвенной Медяны. Но за то какие чудные были окрестности, виды и пейзажи, что не хотелось порой уходить с улицы, особенно в благоухающие, прекрасные майские, июньские дни.

Вот, с восточной стороны, за сельским полем, полем духовенства, виден небольшой хвойный лесок, а там.. за ним в перспективе.. виднеется чудная панорама - зеленеющих лугов и лесов и среди них писчебумажная фабрика Первушина с высокою, белою, красивою каменною трубою, а там еще выше на горизонте блестит своими золотыми куполами г. Вятка, село Макарье, с. Бобино, а вправо от Вятки, от Медянской фабрики, на целых верст на 30-40 – простым глазом вы можете следить за красивым белым лебедем-пароходом, плывущим от фабрики и до пристани «Гольцы». А вот в южной стороне вы видите на зеленом фоне густых, хвойных лесов два белых, каменных столбика – то вырисовывается ясно, отчетливо, красиво село Бахта, стоящее от Медяны за рекой Вяткой и от г. Вятки в 17 верстах, а еще далее, следя за плывущим пароходом-красавцем по направлению к западу, далеко на горизонте видишь стоящее как бы на горе с. Быстрицу Орловского уезда. А стоит только взойти на колокольню, чтобы придти в восхищение от того чудесного вида, какой представляется вашему взору при взгляде на все окрестности, во все четыре стороны света. Воистину, чудные пейзажи, достойные кисти великого художника. Вот правее с. Быстрицы виднеется крутая гора, правый берег реки Вятки у пристани Гольцы, у села Подрелья Орловского уезда, где пароход уже исчезает из глаз наблюдателя. Еще правее, среди густого леса приютилось село Чудиново, Орловского уезда; еще правее – вырисовываются три величественные столбика – то знаменитое в истории Вятского края, по месту явления Святой Чудотворной Иконы Святителя и Чудотворца Николая, село Великая Река Орлов-

ского уезда. Тут же рядом с ним на западе, высоко на горе виднеется солидный по архитектуре (хотя вблизи обыкновенный) храм села Горохова Орловского уезда.

Продолжая окидывать с интересом своим взглядом живописные окрестности еще далее на север чуть-чуть усматриваешь (и то рельефнее в солнечный день) совсем в котловане одноглавую церковь с. Монастырщины (Монастырское тож), Орловского уезда, а там, далеко на горизонте в северо-восточной стороне, высоко над окрестностями виднеется церковь с. Анкушина Слободского уезда (Трехключинское тож), а за ним, где-то вдали, чуть-чуть усматриваешь белое пятнышко моей первой родины с. Лекмы, Слободского уезда. Зато, при взгляде на восток, первое, что бросается в глаза (с колокольни или с горы около деревни Сидоровщины в 1/2 версты от села) это громаднейший и солиднейший двухэтажный храм того незабвенного для меня села Загарья, где судил мне Господь Бог начать свою пастырскую жизнь и деятельность и приобрести на всю жизнь пастырский и жизненный опыт в течении целых 17-и лет там нашей с супругою жизни, где почти все детки, кроме Колюши, получили начало своему бытию и проводили золотые дни своего незабвенного детства.

И в довершении этого красивого вида и чудных пейзажей и окрестностей, еще правее от Загарья рельефно, хотя и далеко (30 верст от Медяны) виднеется село Бобино Вятского уезда.

А что говорить о ближайших к селу окрестностях, о красоте их, когда особенно созерцаешь их с высоты – кажется не оторвался бы глазами от них – так прекрасно, так восхитительно! Вот почему наша Медяна так привлекала к себе всякого посетителя ее и вот, вероятно, почему и священно-церковнослужители ее обычно жили тут подолгу, а то и всю жизнь свою, как приснопамятные о. Николай Зубарев и о. Евфимий Медведицын.

Такова моя вторая, всегда памятная золотая родина Медяна по своему внешнему положению. Кругом ее, близко одна от другой расположилась масса многочисленных деревень, больших и маленьких починков, кругом верст на 15, что и составляло приход с. Медяны на 3-х священников, хотя годами справлялись и двое, при дьяконе и 2-х псаломщиках (дьячках, причетниках).

По большой Вятской дороге были деревни нашего прихода, (т.е. части о. Николая и моего родителя) - в 1/2 версте, вправо от дороги и от кладбища дер. Сидоровщина (стояло перпендикулярно большой дороге домов 20), далее в 1 версте - дер. Ольковы (почти вся состоявшая из старообрядцев-безпоповцев), через 1/4 версты от неё Сорокины (домов 40-50 с примесью тоже старообрядцев),

далее – 1/2 версты Лучинины (перпендикулярно дороге) домов 15-20 и еще через 1/2 версты Домрачевы (такого же расположения, что и Лучинины, домов 30-40), а от нее 1/2 версты Медянская писчебумажная фабрика Первушиных, красиво расположенная при впадении речки Медянки в р. Вятку, на берегу которой была пристань для Вятских пароходов, идущих по р. Вятке в г. Казань. О фабрике речь будет впереди.

В южную сторону от Сорокиных в 1 версте дер. Колышманы (домов 15-20, тоже с примесью старообрядцев), непосредственно с ней через несколько сажен дер. Максимовы – центр Медянской беспоповщины, вся из старообрядцев, во главе с начетчиком – при мне Федулom. От Максимовых к Медяне в 1 версте дер. Ложкины (домов 15-20) и к самому селу Малые Мясниковы – деревня бедная, имевшая заработок главным образом у духовенства, по обработке их полей. К югу от Ложкиных – большие Мясниковы в 1 версте, правее – Коробовы, где были наши общие друзья (отца и матери и бабушки) Захар Артемьевич и его Лукерья Никитична Коробовы – прекрасные, бездетные души – Царство им Небесное! С ними встретимся, наверное, впереди и откуда был и лавочник Сергей Филиппович Коробов с Окintьевной...

А за этими деревнями роскошные окрестности полей и лугов на берегу р. Вятки, услаждающей взоры любопытных своими пароходами, шитиками (большие пассажирские лодки), баржами, баркасами и пр. Следуя от Коробов[ых] на запад ближе к селу, встречаешь деревню Койково большое – своего рода деревня историческая для Медяны, т.к. в ней родился известный по Медяне церковник и звонарь и печник и переплетчик Мамонт Иванович Койков, о коем подробно, насколько возможно, будет речь впереди.

Начиная с Мясниковых все эти и последующие деревни были прихода уже о. Евфимия. Далее к западу от Койковых, насколько знаю и помню по направлению к пристани Гольцы были деревни Малое Чуроково и Большое Чуроково – деревни громадные, особенно большое Чуроково (домов до 100-150), тут же Лаптевы все они верстах в 4-5 от Гольцей и 5-6 от с. Медяны, около последней и недалеко от Койковых расположилась на горе д. Бакины-Огорелыши (название данное им после пожара) домов 20-30. К западу по дороге от волостного правления к с. Чудинову, идут деревни (какие помню) прихода все бывшие о. Евфимия, починок Федора Суслова – 1 верста от села, дер. Даньки – в 2-х-3-х верстах и, пожалуй, более не помню; в сторону с. Великой Реки прихода тоже не о. Николая Зубарева – малые Койковы – 1/2 версты от села, починок Копылиха –

3 версты, Бастенькая березка в 5 верстах, Таранта – в 4-х верстах, Ременщина – в 7 верстах (в 5 верстах от Горохова) и тоже пожалуй более не помню, кроме разве таких далее знаменитых как Бакины Устиновичи – богатая деревня кузнецов и Никольщина, в которой со временем выстроена была церковь-школа и в которой в одно время служил учителем мой родной брат Александр Вл. – впоследствии отделившаяся от с. Медяны и ставшая селом Никольским (в 9 верстах от Медяны).

Зато хорошо представляю деревни прихода о. Н. Зубарева и моего папаша. Это во-первых будет к северо-западу по дороге в с. Великую Реку – дер. Бакины-Гавриловичи, тоже кузнецы, - в 2-х верстах от Медяны по дороге в с. Монастырщину к северу – Бакины Веретёна – 2 версты (домов 20) – деревня бедная, из нее у нас в Загарье жила прислуга Стефанида, а у родителей в Медяне известная нам Авдотья, тетка Стефаниды; рядом с этой деревней у дороги проселочной в 1/2 версте деревня Туманы, далее идя по дороге через 1/2 версты Евсины через несколько сажен Казаковы (домов 50), версты через 3 – Малое Высоково (домов 50), Большое Высоково – действительно на высокой горе, видная на далекое пространство (домов до 100) и около самой Монастырщины (версты 3) – деревня Колчаны и Колышманы (домов по 40-50); в стороне от Высоковых (версты на 3) – починок ....., с которым через поле расположилась деревня Бакины-Кириловичи, одна из лучших деревень с. Медяны, где тоже были все зажиточные кузнецы кос; в сторону от них в верстах 3-х починок Кошаги.

К северо-востоку от Медяны тотчас за кладбищем и за церковным лесом стояла дер. Запольцы, помню много вредившая духовенству своим хищением дров из казенного и причтового леса и часто вступающая в конфликты с причтом; за ней верстах в 2-х была дер. Сычево, правее от нее – Пашневы, ниже этого дер. _____. По Загарской дороге к востоку – д. Нагоряне и через поле Слекши, обе деревни бедные.

По Вятской дороге - я уже описал выше, только в стороне от Лучининых – в правой – дер. Боярки, Лени, Бызовка, а в левой – Брюханы. Вот приблизительно, насколько помнится, был приход с. Медяны; конечно много еще упустил, как например громадную деревню по Загарской дороге Чашки, Подгорцы, Осиновица и др.

Описав вкратце все дальние и ближние окрестности моей дорогой второй родины – Медяны, остановлюсь теперь на внутренней жизни ее, как она было в мое золотое детство, отрочество и юношество.

Прежде всего, как сейчас помню, первая квартира наша была внизу большого, 2-х этажного полукаменного дома (церковного). Как для дьячка-псаломщика (или как тогда называли причетника) она была очень просторная. Может такое счастье было некоторое для моих родителей и потому, что состав причта был двухштатный. При входе в сени одна вправо дверь вела в нашу квартиру, другая влево в бабушкину – Пелагии Ивановны, которая тогда была в Медяне просфорницей.

При входе в дом у нас была первая кухня, приблизительно 6х7 аршин, влево стояла русская печка – челом в огород, к Земской школе. Влево между печкой и стеной был узкий проход в комнаты – переднюю – раздевальню, где вправо стояла голландская печь, а за ней небольшая спальная; прямо из передней вход в зал (приблизительно 8х9) вправо – еще маленькая комнатка – детская, а влево дверь, временами запечатываемая, в квартиру бабушки. У последней квартира состояла из кухни размером с нашу же и залы (приблизительно 5х6), вполне приличной для двоих с тетей Анной Андреевой. О! Как же было нам хорошо, как чувствовалось тепло в таком тесном родственном кругу, под крылом добрых родителей и незабвенной милой бабушки, выводившейся над всеми нами сестрами и братьями и добродушной ворчуньи-тетушки.

Жизнь казалась особенно приятною тогда еще и потому, что вся наша семья пользовалась особым благоволением приснопамятного нашего о. настоятеля с. Медяны о. Николая Михайловича Зубарева, занимавшего весь верхний этаж, хотя и жил он вдовым, имея у себя только экономку Александру Егоровну и раскосую, типичную, бойкую стряпку-прислугу Акулину.

Снаружи, над нашим крыльцом, на трех деревянный столбах, висела терраса-балкон, куда в часы досуга часто выходил добродушный о. Николай отдохнуть от своих кабинетных занятий и откуда часто гремел его бархатный бас, шутивно беседуя с кем-нибудь или из наших в ограде или с посторонними, часто заходившими с большой дороги.

Удивительно, неизгладимое приятное впечатление оставил в наших сердцах, да, кажется в сердцах и всех, соприкасавшихся с ним в жизни, за исключением немногих, этот недюжинный, талантливый, умный, тактичный и добродушно-жизнерадостный пастырь Церкви Христовой, проповедник, организатор, администратор, строитель, певец и практик...

Замечательно, что он почти всю жизнь свою посвятил благоустройству своей любимой и указанной ему Самим Провидением Медя-

ны и ея особенно близкого и дорогого его сердцу храма. Ввиду того обстоятельства, что его жизнь в селе Медяне тесно связана с жизнью нашей семьи я почитаю своим священным долгом остановиться на этой незабвенной для нас личности подробно. Правда, биографию его молодости я детально не знаю, чей он был сын, каково было его детство, где он тогда жил. Буду говорить о нем то, что мне о нем известно.

Окончил курс о. Николай Зубарев в 60-х годах в Вятской Духовной Семинарии, в то же время или несколько ранее, окончили курс этой же семинарии и родные братья его, впоследствии протоиерей в г. Орлове – отец Дмитрий Михайлович Зубарев, о. Иоанн Михайлович Зубарев и о. Семен Михайлович – где служил о. Иоанн не знаю, а знал о Семене тоже впоследствии вдового, бывшего священником в с. Монастырщине, вследствие чего он и бывал нередко у братца своего в Медяне. Этот брат о. Николая как-то ничем не был похож на своего энергичного и видного брата о. Николая ни своим внешним видом, ни по душевному своему складу. Небольшого роста, сухощавый, он был в противоположность своему брату о. Николаю мрачный, неприветливый, а главное, как потом оказалось, человек большой страсти к алкоголю, ради чего он не стал пользоваться уважением от своих Монастырщинских прихожан, и, кажется, попал под дело (едва ли не при нем был пожар храма) и как то скоро исчез с нашего горизонта. Хорошо помню его единственного сына Василия Семеновича Зубарева, нередко бывавшего у своего дяди о. Николая и тут, вероятно, находившего для себя отдых и наслаждение, забывая домашние с отцом неприятности. Мне очень нравился этот высокий, солидный, красивый юноша, окончивший потом курс в Вятской Духовной Семинарии и бывший в последствии служащим в Земском кустарном складе г. Вятки, а с 1905 г. и он исчез с моих глаз.

Длинное слово теперь должно быть о великом для Медяны, историческом - незабвенном ее пастыре, организаторе и строителе о. Николае Михайловиче Зубареве. Тотчас после окончания им Вятской Духовной Семинарии в 60-х гг. он, как один из выдающихся басов был привлечен в певцы архиерейского хора, под руководством знаменитого и тогда и после регента и композитора Вятского Осокина. С ним, с о. Николаем, вместе пел в хору и его брат Иван, бывший, оказывается, первым басом- солистом у Осокина.

Этот Осокинский архиерейский хор гремел тогда далеко и за пределами Вятки, включительно до Петербурга, куда этот хор сопровождал своего святителя архиепископа Аполлоса, отбывавшего там в свое время свою чреду служения и где обратил на себя внимание

«высочайших сфер» кроме хора и молодой протодиакон (тоже из Осокинской стаи соколов) Михаил Николаевич Добрынин (впоследствии протоиерей Спасского собора г. Вятки), обладавший феноменальным, звучным, сильным, красивым басом, с громадным диапазоном кверху и книзу до роскошнейшей октавы. До него был невероятный по октаве и по силе голоса протодиакон Никита Беневитский, о котором с восхищением рассказывал покойный родитель, но у него не было той выдержки, какая получилась у протодиакона Добрынина и того вида, ибо он был хотя и импозантный, но низкорослый и простоватый; Добрынина же я еще застал протодьяконом, когда пел в Архиерейском хоре у Любимова (о чем подробная речь должна быть впереди), хотя уже не с тем голосом, но что это была за солидность, что за выходка, что хотелось и смотреть и слушать его: высокий, стройный, импозантный, красивая, естественная протодьяконская походка, выдержанность, словом церковная красота - вот впечатление неизгладимое, которое на всех производил этот протодьякон. Нечего было говорить о его роскошном богослужении.

Да! Недаром в то время Вятка далеко гремела своими и протодьяконами и своим чудным пением архиерейского хора, под руководством своего композитора Осокина. И вот в числе этих-то знаменитых певцов-басов, был и наш медянский о. Н.М. Зубарев. Действительно, он всю свою жизнь обладал этим могучим, бархатистым, звучным и красивым басом, чарующим каждого при встрече с ним, а особенно во время богослужения и проповеди... Долго-ли, коротко-ли он находился в рядах певцов архиерейского хора, только в этих же 60-х годах, как мы знаем, он является священником с. Кленовицы Орловского уезда. Женат он был на Марии Ивановне Сычуговой, родной сестры в свое время знаменитого и популярного врача народника Верховского Савватия Ивановича Сычугова и родной сестры Афанасии Ивановны, вышедшей впоследствии в замужество за о. Михаила Филиппева, бывшего священником кажется в с. Верховине, дети которого по Духовной Семинарии были особенно близки, кроме старших Николая и Сергия – недоучек, Владимир – мой душевный кум и собрат, Иван – мой товарищ, Александр, умерший священником в молодых годах, после разных приключений его жизни за смертью его доброй супруги, Мария - одновременно с нами кончавшая, вышедшая в замужество за прекрасного по характеру и энергичного священника о. Петра Васильевича Замятина, тоже безвременно умершим в годы революции и Екатерина – в замужестве за о. Георгием Павловичем Осокиным, хорошо известным нам по селу Волкову и тоже безвременно умершего в ссылке. Хотя все братья и

сестры и все их дети были вполне нормальными и умными и просвещенными (как Савватий Иванович), но матушка о. Н.М. Зубарева была какая-то неудачная и ненормальная. говорила с шепелявостью, была наивна, как ребенок и родители мои, часто вспоминая ее, жалели о.Николая, что он такой крепыш, живой, жизнерадостный, полный кипучих сил и здоровья и так страдал при жизни матушки. Но, при всем этом, не слышно было, чтобы он не любил ее до самой ее смерти, последовавшей в молодых годах, ее, не оставившей ему ни одного потомка. Где он овдовел, в Кленовице-ли, Орловского уезда, где он служил первые 3-5 лет его священства, или в Медяне, что-то я не поинтересовался у своих родителей. Но только мы видим его в Медяне терпеливо и мужественно взявшим на свои могучие рамена свой от Бога данный крест и взявшимся за рало и кормило пастырства на пользу и славу Церкви Божией и на долголетнее процветание приходской жизни вверенной ему Господом и любимой им до смерти Медяне. Не предавшись ни отчаянию, ни обычным страстям грешной мирской жизни - алкоголизму, нравственной распущенности, как это обычно бывало и бывает с вдовцами, он все свое внимание устремил на делание Господне, на пастырскую ниву и всю жизнь свою, можно сказать, отдал на неусыпные труды Церкви Божией, своему детищу храму и приходу и, действительно, честно, беспорочно и энергично «право правил слово истины»...

Высокого роста, видный, импозантный, осанистый, солидный, коренастый, с открытым приятным лицом, добродушным видом, с большою солидною бородою и большими усами, внушительный, с громким басовым голосом, приветливый и когда и где можно шуточный, с оттенком остроумия, а где нужно и с оттенком сарказма, в то же время – где и за что следует – строгий и основательный – такой внешний вид этого незабвенного о. Николая Зубарева, производившего всегда необыкновенно сильное и приятное впечатление на каждого встречающегося с ним впервые человека. Соответственно этому внешнему образу мне казалось, что столь же величественен его и нравственный облик и особенно высок и авторитетен его облик пастырский. Я помню, что вместе с моими родителями я буквально благоговел перед этой величавою личностью. Быть может еще и потому, что он особенно хорошо относился к моим родителям и любил искренно всю нашу семью, в том числе и бабушку Пелагею Ивановну, много времени служившей в Медяне просфорницей и тетушку (ее дочь) Анну Андреевну, тоже после смерти бабушки все время, почти до смерти о. Николая служившей на месте бабушки. Конечно и они все вполне заслуживали его расположение своею аккуратностью, каж-

дый в своем деле, своею скромностью и послушанием, что о. Николай особенно и ценил.

Я живо вспоминаю, например, такой конкретный факт послушания моего покойного родителя: по какому-нибудь даже неважному делу зовет о. Николай моего отца, который в это время или пьет чай, или обедает, в церковь. Сторож, посланный о. Николаем лишь успеет только произнести: «Владимир Яковлевич, тебя в церковь зовет о. Николай», как наш папаша оставляет недопитый чай или даже немного недоконченный обед, поспешно идет, часто наперед посланного, на зов о. Николая и своею скромностью и послушанием еще более приобретает расположение своего настоятеля. Правда, нередко, бывало, о. Николай давал и нотации и папаше и другим членам причта, а ровно и сторожам, часто очень строгие за какое-нибудь, по его мнению, упущение по храму, или по канцелярии и если кто-либо что-либо пробовал возражать ему, мой родитель обычно со смирением выслушивал реплики своего настоятеля, и, если был прав, спокойно объяснял своему администратору суть дела. А уж администратор о. Н. Зубарев, действительно был образцово-авторитетный. Причем с рассудительностью и глубоким умом соединялась симпатичная задушевность, добродушие и спокойствие, хотя он был очень серьезен и строг к людям непорядочным, нетрезвым и непослушным.

Я не знаю и не помню, что можно бы было отнести к отрицательной стороне в его внешней жизни; о внутренней – кто может знать в человеке, по апостолу, кроме духа Человека, живущего в нем. Правда, с гостями он позволял себе выпить и даже покурить (на что, впрочем, у него была сильная воля, ибо часто покуривая месяц, два, он вдруг объявлял: «более курить не буду» и выдерживая часто до года, когда разрешал опять ради какого-нибудь торжественного случая), но так осторожно, что в то строгое время для пастыря он нигде и никогда не производил соблазна в приходе и прихожане лишь только обожали своего дорогого «бачка о.Миколая».

Маленький штрих из его жизни разве можно отнести к обычной человеческой немощи – это его строгая подчас экономия, как будто порой казавшаяся скупостью; но потом, когда я стал возрастным и хорошо знал его неутомимую пастырскую деятельность, я понял эту экономию его как точность и порядок во всем и как сбережение лишних средств для его будущих благотворительных и церковных [дел] и храму. Бывало, казалось смешным, как он продавал вареное молоко какой либо просительнице: берет у нее ведро, ставит на пол и приказывает или своей экономке, или прислуге лить в это ведро молока, а просительница просит продать ей 1/2 ведра, причем выме-

ряет ведро лучинкой, переломит последнюю пополам и держит в ведре до тех пор, пока молока не сравняется с верхом лучинки и с его пальцем, придерживающим ее, когда и скамандует: «довольно», или вечером при зажженной лампе он часто для курения не употреблял больше одной спички, а все ее зажигал от лампы, пока она не сгорала до конца; или, например, как экономил он бумагу, которой, однако, сколько угодно и в любое время можно было всегда достать ему бесплатно, т.к. писчебумажная фабрика Первушиных была в 6 верстах от Медяны и откуда о. Николаю давали действительно бумагу целыми стопами, у него каждый клочочик бумажки применялся к письму и после смерти его нашли много исписанных таких клочков бумаги очень важными изречениями, а также исписанных книг, на их пустых местах, разных грамот, похвальный листов (на обороте) и проч. мелким красивым и разборчивым почерком - причем таким убористым, что часто целые беседы, поучения и речи уписывались на $1/2$ — $1/4$ листа, а оставшиеся пустые места заполнялись разными изречениями и афоризмами из разных мест Священного Писания, Предания, истории, литературы, газет и прочего, включительно до выписок характера комического.

Но, в результате все эти кажущиеся отрицательными качества о. Николая выявились в огромное благотворительное дело, когда он весь свой таким образом в следствие такой экономии накопленный капитал почти полностью вложил на расширение Медянского храма, на устройство церковно-приходской школы, на ее содержание и даже жалованье учительниц, а потом и на помощь вдовам, сиротам и разным нуждающимся лицам.

Конечно, эта его выдающаяся пастырская деятельность и благотворительность не могла быть незамеченною Вятским Епархиальным начальством и училищным советом, которые и отмечали его и наградами и грамотами и, наконец, в печати и духовной — в Вятских Епархиальных Ведомостях, центральных — Церковном чтении, Церковном вестнике и других и даже светской — местной Вятской «Известиях» и др. В числе частных лиц, коим он, о. Николай, благотворил и помогал были, можно сказать, первыми мои родители, особенно тогда, когда я начал учиться в Вятском Духовном Училище...

Вследствие крайней нужды, при многочисленной семье (из 5-ти человек детей) и при скудных доходах (когда приходилось получать по 150 рублей в год), естественно мои родители так и не могли дать образование своим дочерям, а моим родным сестрам, Ольге и Антонине, почему последние часто сетовали на них и, помню, с покойной мамашей часто вступали в конфликт, боясь в то же время сказать

что-либо по этому вопросу строгому отцу, но во что бы то ни стало решили дать образование своему первенцу сыну, поставив на карту, что называется, все свое добро..... И вот, тут-то и спасал их, бывало тот же незабвенный о. Николай, который ценя услуги и можно сказать рабское послушание своего любимого простеца-псаломщика, настолько привязан был к нашей семье, что при появлении на свет моих родных братьев Александра и Василия, согласился быть крестным отцом их при Святом крещении.

Как пастырь в отношении к своим пасомым он был, поистине, «добрым, глашающим всех своих овец по имени, и овцы гласа его слушали» и пред ним благоговели. А как он прекрасно, величественно и торжественно служил пред престолом Божиим в своем любимом храме – истово, благоговейно, чётко, громогласно, пленяя своим приятным, бархатистым, внушительным басом каждого молящегося в Медянском храме. Что-то поистине авторитетное, возвышенное, священное и восторженное чувствовалось всякий раз, когда, бывало, присутствуешь при торжественном богослужении о. Николая. Не менее приятное впечатление производил он и своими, самым составленными проповедями, который осталось от него в письменном виде до 150-200 поучений на разнообразные темы, большинство которых осталось у меня. Говорил поучения обычно нечередной, не служащий священник и вот, бывало, в свою очередь о. Николай выходит за причастным стихом на амвон, где уже всегда к этому времени ставится аналой, торжественно делает три поясных поклона пред царскими дверями и обратившись к народу, положе предварительно свою писанную мелко-мелко, как бисером проповедку на аналогий, громко и внушительно произносит с крестным знаменем «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа» и пленяет своей дикцией и содержанием, вполне прировненным к простому народу, молящихся, и часто до слез умиляющихся его проповедью слушателей.

Большинство этих поучений сохранилось у меня после смерти о. Николая, переданные мне для напечатания некролога о. Николая в местных епархиальных ведомостях, но, к сожалению, последнее мне не удалось осуществить по разным и зависящим и независящим от меня обстоятельствам. Слова и поучения (кроме его поучений есть поучения и брата его орловского иерея (г. Орлова) о. Димитрия Зубарева, а также есть семинарские сочинения самого о. Николая) о. Николая были на разнообразные темы и в разнообразнейших формах – и в виде слов, и в виде простых поучений и в виде катехизических бесед, причем во всех этих поучениях чувствуется продуманность, современность, картинность, образность, самостоятельность (редко

плагиат), авторитетность и подход к сердцу и к чувствам слушателей, особенно простых прихожан. Местами встречаются в его произведениях чисто местные, простые, крестьянские выражения, но вполне приличные и не оскорбляющие слух и Слово Божие. Особенно сильное впечатление он, о. Николай, производил своей дикцией и часто самым простым повидимому несложным поучением исторгал слезы у слушателей и заставлял вздыхать и каяться в своей нехристианской жизни своих прихожан.

Большое утешение у о. Николая было это чтение им духовных журналов и светских книг философско-литературных и газет, за которыми он проводил все свое досужее время, для чего он много выписывал на церковный счет журналов, как например, «Душеполезное чтение», «Миссионерское чтение», «Православное обозрение», а газету, кажется всю жизнь он выписывал одну – это «Свет» под редакцией В.В. Комарова, без приложений.

Всякий полученный с почты номерок, он сам разрезывал, тщательно прочитывал, важные места, по его мнению, или остроумные, или практически жизненные – он подчеркивал и часто приписывал карандашом против этих мест или свои впечатления, или наставления братии и вообще читателям, а чаще всего писал просто: «Зри» – т.е. смотри, а бывали и такие надписи, которые писались по адресу того лица, какого прочитанная заметка касалась, например: «Зри, Владимир Яковлевич и поступи также в таком-то деле» и много таких интересных замечаний он писал карандашом на полях журналов и газет, которые обычно принимались к сведению читающими. Дня через два он исправно посылал номер журнала или газеты для прочтения братии, часто с просьбой не задерживать долго у себя, чтобы иметь возможность прочесть всем без исключения членам причта.

Будучи семинаристом в это золотое время настоятельства о. Николая, я с большим удовольствием читал все журналы и газету «Свет» – с приписками его. Удачно выбрана была о. Николаем и эта маленькая газетка «Свет» – под редакцией Виссариона Виссарионовича Комарова, ибо тут всего было понемногу и изложенное в сжатом, красноречивом виде. В начале – политическая передовица, обычно толково и красноречиво изложенная, далее хроника – «по городам и селам», сообщающая о сенсационных событиях в России, затем – за границей, - сведения о заграничной жизни, еще далее «отголоски» – это исторический отдел то из жизни царей, то великих людей – писателей, артистов и др., а в конце какое-нибудь прекрасное стихотворение и «смесь и брызги» – обычно прекомические выражения или стихотворение, вроде «раёшника», в стихотворной форме проду-

вавшего какие-нибудь современные события или у нас, или за границей, разные анекдоты и прочее.

И мне кажется едва ли найдется, или вернее теперь сказать, едва ли была одна книга, или даже один номер газеты, которые не были бы проштудированы любознательным о. Николаем в церковной Мещанской библиотеке, а книг, журналов и газет в последней было немало... Я припоминаю, как будучи подростком, даже еще дошкольником я любил ходить к о. Николаю по какому-нибудь поручению моих родителей. Придешь, бывало, к нему, поднявшись по высокой лестнице, с каким-то особенным трепетно-благоговейным чувством, входишь в кухню. Бойкая, раскосая и некрасивая его прислуга Акулина спрашивает: «О, Коленька, чего к батюшку?» И тотчас докладывает Александре Егоровне. Это была пожилая экономка о. Николая. Кто она такая, откуда, была ли она родственница о. Николая – я так и не узнал и от своих родителей, только знаю, что она жила у о. Николая, как его доверенная, до самой своей смерти, последовавшей, помню, от какого-то мучительного рака. Я и мои родители и родственники точно также относились к ней с большим уважением, как к приветливой и доброй женщине. Так вот, эта Александра Егоровна в свою очередь докладывает о. Николаю о моем приходе и... вдруг слышится добродушный, ласковый и шуточный, густо басистый голос о. Николая – «Ну, иди, иди, Коля, сюда, в чем дело, зачем пришел?». Сообщаешь ему о своем поручении и он, прежде чем исполнить мою просьбу, бывало начнет шутить, или экзаменовать меня, отдыхая со мной от только что прерванной мною его серьезной работы, серьезного чтения или какого-нибудь письма... И так обласканный, довольный, бежишь, бывало, обратно домой, не чуя под собою ног...

В дальнейшем мне, вероятно еще не раз придется писать об этом большом человеке – пастыре, как игравшем большую роль в жизни нашей семьи и влиявшем в добрую сторону на нас и на родителей наших.

Хорошо и спокойно, видимо, жилось моим родителям в этом полукаменном, казенном, церковном доме, тем более вместе со своими – бабушкой Пелагией Ивановной и тетушкой Анной Андреевной.

Счастливым в мире почитал себя и я в это золотое время моего незабвенного детства и отрочества. Как сейчас помню, бывало, прекрасною летнею порою лишь только проснешься, наскоро умоешься, помолишься своею детскою молитвою (а за этим строго наблюдали мои патриархальные, религиозные родители), подкрепишься чайком, молочком и бежишь во двор (ограду) и здесь весело резвишься на роскошном лоне природы большей частью один (сверстников и свер-

стниц в то время у меня не было) как вдруг с балкона раздается, бывало, громовый, но ласково-шутливый басистый голос: «А ты чего тут Коля делаешь?» То был о. Николай. И начнет, бывало остро вышучивать меня и мои наивные ответы и мое детское сердце, чужая особенную простоту, ласку этого великого для меня человека, умевшего с детьми и говорить детским языком, испытывало настолько приятное наслаждение, что как-то не хотелось мириться с той минутой когда он снова уходил с балкона к себе домой, наговорившись и пошутивши со многими и нашими и посторонними, случайно проходившими двором лицами, чтобы снова отдаться своей кабинетной работе...

А то, бывало, вдруг слышишь с балкона нечленораздельные имитационные звуки - га-га-га, то тот же о. Николай, в часы досуга, выйдя на тот же балкон подышать свежим воздухом, не видя никого из людей, поддразнивает стадо его и наших гусей, и, что замечательно, всякий раз гуси отвечали ему, как бы разговаривали с ним. Словом, этот великий и физически и духовно, с чисто русской богатырской мощью, умел, что называется, говорить не только с людьми, но и с животным миром и с природой. Недаром, поэтому, все его и любили и уважали и пред ним благоговели.

Конечно, в мире нет людей без греха, «еще и один день жития человека», была быть может и у о. Николая своя оборотная сторона, не ведомая никому, интимная, но по крайней мере за все время моего отрочества и юношества, не говоря пастырства при нем, до рокового его смертного часа, я не знаю ни одного случая из жизни приснопамятного о. Николая, который бы компрометировал его и произвел бы какой-нибудь «соблазн», о чем особенно строго сказал Наш Пастыреначальник Господь Иисус Христос: «Горе миру от соблазна, но горе тому человеку, им же соблазн приходит». А как недалек этот ужасный грех от нашего брата пастыря! И сколько таких несчастных случаев опущения и развращения самих пастырей, соблазвивших и развративших своих овец - пасомых! Конкретных примеров не занимать стать, чем и пользуются, на чем и базируются наши неверующие, разного рода еретики, сектанты и скептики. Они не хотят видеть положительные типы, которых во всяком звании немного, а берут во внимание только отрицательные и, по близорукости своей, а то и с явным намерением дискредитировать религию, нападают с особенной силой и рвением на последнюю и подобными конкретными примерами успевают делать свое гнусное, лживое дело.

Еще раз говоря об отношении о. Николая к нашей семье, я должен и еще раз засвидетельствовать его особенное уважение к нашей

всей семье и к бабушке с тетушкой, как исправных просфорниц. Отмечал всегда все именины их и считая своим нравственным долгом бывать на них, причем в день именин папаши (15 июля) чуть ли не всякий раз приносил бутылку рому, что считалось особенной роскошью (пить в накладку с чаем – пунш) и что любили пить все наши старички.

О. Николай настолько был расположен к нашей семье, что согласился быть кумом наших родителей, при рождении моих братьев Александра и Василия и впоследствии, как крестный отец, строго наблюдал за ними, особенно при начальном их образовании, для чего требовал, чтобы их отдали учиться в заведующую им женскую церковно-приходскую школу, а не в земскую мужскую. Припоминается случай первых шагов обучения младшего брата Василия. Когда начал учиться брат Александр, запросился и Василий, а ему было только 6,5 лет, да он в это время еще не выговаривал буквы «р» и даже «л». Это впрочем, зависело от того, что в один памятный для меня день брат Василий, резвясь и играя, вздумал изобразить колокольный звон, который, кстати сказать, все мы очень любили и с удовольствием, даже с наслаждением звонили. Звон этот он устроил на сеновале, привязав колокольчики к перекладине сеновала, а сам сел на маленьком детском стульчике на доски, прикрывавшей большое отверстие во хлев, чрез которое кидали корове сено. И вот в разгаре своего звона, вдруг удовольствие его сменяется страшным воплем и рыданием. Оказалось, что от сильного движения его доски раздвинулись и он со стулом провалился в отверстие, в ясли и едва не откусил себе язык. Понятно, много было крови, много было опасений за его язычок, но дело ограничилось, благодарение Богу, только тем, что он долгое время, кажется, до 8-9 лет был нем на некоторые буквы. И вот когда он запросился учиться с Саней, как он его называл, брата Александра, родители его, не пуская, замечали ему – ты еще плохо выговариваешь некоторые слова. И когда Вася был настойчив в своем желании, помню, родители спрашивали его: «А ну-ка скажи брат». «Бат» – торжественно выпаливал брат. «Скажи лопата». «Опата» – смешил всех Вася. Однако, несмотря на все это, видя его непреодолимое желание ходить вместе с Саней в школу, крестный о. Николай разрешил посещать школу и ему, хотя лично при нем и выразился: «Не будем с него много требовать – он ведь мал еще...». И вот, как сейчас помню, приснопамятный о. Николай приходит к нам как раз на именины к папаше 15 июля и рассказывает комичную историю с Васей на уроке Закона Божия. «Я, говорит о. Николай, заставил Васю выучить «Молитву Господню» с моих слов. Все шло хорошо; вдруг он зале-

нился, видимо ему надоело, малышу. Я и говорю ему: «А ты, что это не запоминаешь и старое забываешь» А он мне в ответ: «А я мал ишшо»... Картинка. Причем сам о. Николай неподражаемо копировал Васю, выставив грудь вперед, а руки назад и комично гремел своим громовым басом: «А я мал ишшо». Ему уж очень нравилась подобная неожиданность от детей и у самого у него пропадала тогда всякая серьезность...

Словом, много приятных воспоминаний, связанных с высокой личностью этого медянского «могикана»...

В этой квартире нашей (внизу под о. Николаем в полукаменном доме) в общем мы жили благодушно. Весело проводили святки, семейные праздники, Пасхальные дни и др., когда собирались гости пожилые и молодые, причем, после чаю, первые усаживались в стороне и щелкали орехи, а кавалеры Павел Ефимович, Василий Ефимович Медведицыны (первый священник с. Пасегова, второй умер дьяконом с. Окатьева Котельнического уезда), Василий Егорович Лопатин (был где-то дьяконом), и барышни: дочери умершего священника о. Георгия Лопатина Екатерина Георгиевна (учительница Медянского Земского училища, у которой учился и я во 2-м отделении), Александра Егоровна, оставшаяся девицею либеральных взглядов и мужефобка, служившая тогда все-таки учительницей Медянской церковно-приходской школы, и что странно, под заведыванием о. Николая Зубарева, была руководительницей церковного Медянского хора; Мария Егоровна, вышедшая в замуж впоследствии за священника о. Аркадия Рутова с. Слудки Орловского уезда, две сестры мои Антонина и Ольга и Мария Евфимовна Медведицына – эта идеальнейшая барышня, несчастно впоследствии вышедшая в замуж за горького пьяницу священника Александра Петропавловского и жившая своими детьми (которых у нея было, кажется, человек до семи) как своим единственным утешением, отрадою и надеждою. Оправдались ли ее эти упования, оценились ли ее детьми впоследствии ее все туги, скорби и страдания при воспитании их – мне неизвестно, хотя некоторых из ее сыновей и дочек я видел мельком уже достаточно взрослыми; однако в то же время слышал, что она последнее время жила при своем муже-алкоголике просфорницей в с. Вонданке Котельнического уезда.

Вот вся эта незабвенная компания молодёжи медянской интеллигентной и собиралась в табельные дни друг у друга и забывалась в танцах, песнях и играх. Мы, ребяташки, любили, бывало, эти вечера и с восхищением смотрели на эти танцы, игры до тех пор, пока не засыпали почти сидя на своих местах наблюдения. Пели, помню, с

исполнениями в играх - «вкруг столба-ли я хожу», причем при конечных словах - «поцелуй же меня» - кто-либо из круга выходит и целуя «столба» (кавалера или даму) становится сам «столбом», «А мы просо сеяли» и др. Словом как-то было идиллично, непринужденно, свободно, отрадно и весело...

Отца и мать мы, все дети, обычно звали «тятинька» и «маминька» до моего перехода из Духовного Училища в Духовную Семинарию, когда уже мы с сестрой Антониной условились называть их папаша и мамаша (сестра Ольга уже была замужем). Воспитание наше было чисто патриархальное. Каждое воскресенье и каждый праздник за редкими исключениями вместе с родителями мы были почти все, кроме одной какой-нибудь «домовницы» в храме Божьем с самого малого возраста, вследствие чего я, например, так привык, так пристрастился к храму Божьему (вечная благодарность моим дорогим родителям), что с нетерпением, бывало, ждал этих незабвенных и теперь великих и желанных для меня праздничных дней, чтобы быть при о. Николае и при родителях, поющих на клиросе, и с особым удовольствием пономарить при службе Божьей, и в самом раннем возрасте (7-8 лет) петь и читать на клиросе.. Строго соблюдались у нас в семье посты и постные дни. Особо отмечались дни рождения и дни именин всей семьи и бабушки - литургией и торжественным молебствием, а затем мы с удовольствием кушали чай с особыми белыми постряпушками или с пресными ватрушками (или как называли у нас шаньгами) и сочными жирномасляными, поздравляя виновников всего этого с день рождения или с днем Ангела. В общем, жизнь текла как-то особенно мирно, идиллично, просто и непринужденно-отрадно. Бывали, конечно, в семье и разлады то между родителями, то между сестрами и матерью, но все это часто объяснялось условиями бедной, псаломщической жизни, условиями подчас крайней нужды, вследствие чего и сестры мои не имели возможности получить среднее образование. Надо было сестрам какую-нибудь обновку, денег у отца нет, они на мать, а чего же было и спрашивать с родителей, когда они с такой семьей (пять человек детей, да двое сами), получали в год дохода денежного до 150 рублей?! А много приходилось терпеть родителям от этой нужды и связанным с ней недовольством сестер, особенно бедной, беззащитной матери. Конечно, быть может, была передана и наследственность ей от отца, как брату ея Якову, а скорее всего эта подчас безисходная нужда, постоянные упреки и жалобы сестер, горячность и требовательность, особенно в нетрезвом виде (что бывало в молодости - или по нужде, или по невольному «компанейству») самого родителя-отца, матушка моя, при

таких условиях сама допускала себе выпить подчас лишнюю дозу алкоголя, чтобы утишить в себе скорбные, переживаемые чувства скорби, обиды и досады. Я живо помню, когда я подрастал и своею живостью и проказами раздражал своих сестер, они обе напускались на мать и упрекали в лице ея обоих родителей за то, что они не дали им образования, а вот мне, этому вольному и бойкому проказнику-мальчишке собираются дать образование. Впрочем, старшая моя сестра Ольга скоро отходила, как имевшая скорее бабушкин характер (Пелагии Ивановны), и в душе, видимо, каялась за свои поступки непочтения к родителям, а ко мне относилась больше с добрым расположением, чем сестра Антонина. Будучи золотушным, я с малых лет страдал гноетечением из ушей. Местная медицина предписала родителям моим промывать мои уши ежедневно особенною ушною машиною. И кто мне регулярно, помню, ежедневно, производил эту операцию – это моя добрая сестрица Олинька. Она скоро забывала все мои проказы и, где нужно, оказывала мне свое родственное, братское благоволение.

Не то была моя другая сестра Антонина. Конечно и она не сколько по злобе на меня, сколько по обиде, досаде и по моим проказам, точила меня при всяком удобном случае и долго, долго в глазах ея я был ни кто иной, как «жулик», «остолоп», «ослопина», «странь» и т.п. Да и правду сказать, рос то я уж очень живым, бойким, шаловливым проказником, за что неплохо и доставалось мне от строгого немолимого моего родителя. Лишь только стоит кому-нибудь пожаловаться ему на меня, как смотришь, берет отец свою ременную трехвостку, плетку, снимает с меня штанишки, и, уж нечего сказать, бьет меня прилежно. И кто знает, быть может это были спасительные для меня минуты, самим Богом благословенные дни и часы, когда я посредством этих суровых, подчас ежедневных наказаний (недаром, помню, эта трехвостка к семинарскому учению моему превратилась в однохвостку), познавал чрез страх своих родителей Страх Божий, а ведь это по Святому Писанию, начало премудрости и восходил от силы в силу и от совершенства к совершенству. Во всяком случае, я благодарю вседейственное обо мне Провидение Божие и признателен своему строгому родителю, что последний не без воли Божией, хранящей и каждый волос на голове человека, так сурово и строго наказывал меня, приучая меня к строгой дисциплине, а ведь давно признано, что дисциплина – душа порядка...

Вот почему я лично до сих пор остаюсь с тем убеждением, что внушили мне мои дорогие родители и что достаточно проверено мною и жизненным опытом и чего не отрицают даже такие великие

писатели, как Ф.М. Достоевский, что при воспитании необходимы и телесные наказания в умеренном виде. «Пока ребеночек-то лежит поперек лавки, то и исправляй его лозой» – так часто и верно говорили мои добрые родители, давая совет деревенским родителям.

В самом деле самая жизнь свидетельствует о правильности такого воспитания: где оба родителя балуют ребенка, тем самым портят его и уже никак не смогут с ним справиться даже в школьном его возрасте; где оба строги чересчур к ребенку, тем скорее забивают его и выходит последний вялым, неразвитым и т.д.

Между тем, так премудро Господь устроил и самый брак мужчины и женщины, что первый является для детей правосудием, а вторая – любовью – из сочетания этих супружеских качеств и расцветают нормальные, серьезные, развитые, любящие и отрадные для родителей дети, для церкви – христиане и для отечества – граждане...

Конечно, такой режим воспитания своих детей у моего дорогого отца отчасти объясняется и самой эпохой времени, в которой он сам жил и воспитывался, он учился в Вятском Духовном Училище в свое время, как я сказал уже выше, лишь один год, но и за этот самый кратковременный период времени, он видел и пережил ту ужасную и суровую дисциплину, какая царствовала всюду и везде в России при императоре Николае I, а также и в пресловутой Помяловской бурсе. Бывало папаша рассказывал, как неистовствовали педагоги в отношении отданных им на расправу бедных и несчастных бурсаков в Вятском Духовном училище в его время. Особенным зверством, как передавал родитель, в его время отличались два протопопа: один – Александро-Невского Вятского собора о. Иван Редников и недавно умерший протопоп слободы Кукарки (Советска) о. Добрынский. «Вот», - говорил папаша, – «мы, бурсаки, со страхом и трепетом смотрим из окна училища, на какой лошади (рысаке) едет в училище о. Редников; если на черной вороной, то значит (накануне проигрался в карты) – горе бурсакам; если же на белой – то «ура» - сегодня будет относительная милость с его стороны. Занимались-де обычно так: спрашивает ученика урок учитель и... редко ученик, по мнению наставника, знает урок. Слышится зловещее прикание: «Пару лоз»... Бедный бурсак выходит из-за парты за кафедру учителя, где так называемые «экзекуторы» во исполнение приказания дерут (бьют) вдвое сложенными прутьями несчастного преступника. Особенно же, когда о. Редников приезжал на вороной, то очень-де нередко схватывал ученика за волосы и вытаскивал таким образом несчастного сам для экзекуции во время учебных занятий...

Точно также, впрочем еще злее, занимался о. Добрынский, о котором папаша с ужасом рассказывал, как он, в порыве своего бешенства, во время занятий захвостал, в собственном смысле этого слова, некоего ученика Катаева, единственного сына у бедной вдовы-матери и.. конечно, поплатился за это тем, что всю остальную жизнь несчастной матери кормил и обеспечивал ее до самой смерти...

Таковы были ужасы бурсы в это время учения моего покойного родителя (1850 - 52 гг.), так хорошо и правдиво описанные известным писателем Помяловским в его «очерках бурсы», которую еще и я отчасти застал, когда учился в Духовном училище, о чем речь будет ниже.

Дух этого воспитания несомненно сказался и на моем отце, так строго воспитывавшим и меня, своего первенца... Но да благословенно будет имя его за тот строгий режим воспитания, какой он проявил в отношении ко мне. Именно мне, как отроку с сангвинистическим живым темпераментом, бойкому, подвижному, необходим был тогда такой режим, дабы не погибнуть в дальнейшем водовороте бурсацкой жизни, в дальнейшей Помяловской среде в сообществе с моими многими и плохими товарищами. И в этом я усматриваю всегда действие Промыслительной Десницы Божией за глубокую веру моих простых родителей. Не будь бы у меня в это время такого строгого отца, такого подчас и сурового режима воспитания, кто знает, что бы из меня вышло при моей впечатлительной натуре, быть может я погиб бы в юношеском возрасте, как случилось со многими из моих товарищей, тем более, что я был любимец матери, которая бы своею излишнею любовью и слабостию избаловала бы меня и не справилась бы со мною при излишней свободе моей и потворстве моим детским страстишкам...

Лет 5-6 я научился уже читать, а 7 лет, когда я начал ходить уже в начальное Медянское народное училище, я уже отлично читал не только по-русски, но и по-славянски.

Моей первой учительницей в начальном училище была некто Клавдия Федоровна Ермолина, пожилая девица, очевидно из духовного звания, так как впоследствии я узнал ее брата, окончившего года на три ранее меня в Вятской Духовной Семинарии, прекрасного тенора, производившего большое впечатление в семинарском хору на нас, бывало, восхищавшихся хорошими голосами-солистами. И здесь, при встрече моей именно с этой учительницей, я усматриваю опять-таки действие Промысла Божия. Царство ей, незабвенной Клавдии Федоровне, Небесное!

Как раз, так сказать, в *pendant* к дошкольному моему строгому воспитанию, я попал и в школу к серьезной, строгой и основательной учительнице («наставнице» как в то время звали учительниц) этой именно Клавдии Федоровне. Хорошо помню, как она усердно и основательно взялась за меня и в результате была в восхищении от моего чтения по-русски и по-славянски, но за то немало огорчений причинял я ей своими неудачами по арифметике; и в дальнейшем моем образовании много горя, скорбей и слез и для меня лично причиняла эта не дававшаяся мне арифметика. Конечно, если бы дело моего обучения продолжала все время эта симпатичная и основательная Клавдия Федоровна, тогда, пожалуй, одолел бы я так для меня впоследствии и не завоеванную твердыню, но, к сожалению, в следующих классах я учился у плохих для меня учителей и, благодаря этому, я был все время слаб в этой отрасли включительно до семинарии. Эта арифметика для меня всякий раз была «танталовыми муками»... Сколько мучений было и моей двоюродной сестре Глафире Ивановне Медведицыной, тоже уже опытной учительнице, бравшейся меня подготовить и подогнать к знаниям моих сверстников. Хорошо помню, как мне попадало от нее, как она выходила из себя при моем непонимании часто элементарных правил арифметики и как часто употребляла даже физическое воздействие на меня, пользуясь нерасположением ко мне и сестер моих, почитавших меня хулиганом и матерьям баловнем. Мало этого, потеряв терпение, она жаловалась опять-таки моему батюшке, а последний опять прибавлял мне ума-разума все той же трехвосткой... И о, как же мне ненавистна была эта арифметика, изводившая меня вконец!

Но зато я ликовал, когда не находил себе соперников по чтению и по русскому и по славянскому языку, вследствие чего я уже 7-ми лет читал в церкви на клиросе даже шестопсалмие.... А когда к этому присоединилось мое знание церковного пения, тут уж я нередко был предметом зависти для своих сверстников, товарищей по школе.

Знанием же пения я исключительно обязан своей незабвенной, дорогой родительнице мамаше. У папаши не было музыкального слуха для пения. Он пел понаслышке, по привычке, по тренировке приснопамятного о. Николая Зубарева, причем если он уже запевал в известной тональности, то перевести его в другую – стоило больших трудов, так что уже обычно его не исправляли, а применялись, принаравливались к нему, в какой бы тон он не начал. В этом отношении не то была наша музыкальная мать. У нее был удивительно тонкий слух, прекрасный голос сопрано, прекрасная музыкальная память, удивительная сноровка пристать своим голосом к какому угодно певцу и

без слуха... Вот где собственно был источник, из которого впоследствии произошёл тот музыкально-певческий, наследственный родник, который вот уже десятки лет течёт среди нас, родных братьев и наших деток, вполне обязанный и должен быть благодарным своему первоисточнику. Живю помню, как всегда ставала наша певица-мать на клирос и прекрасно умела петь все песнопения Всенощного бдения, а тем более Божественной Литургии. Знала великолепно песнопения праздников и песнопения великопостные и пела их с особенным подъёмом и с глубоким чувством...

К сожалению, ради каких-то недоразумений и сплетен, ввиду посещения клироса кроме ее и многих других женщин и девиц некоторых молодых мужчин, папаша в одно неприятное для нее и для меня время воспретил ей ставать на клирос и она с большою тугою на сердце должна была покинуть свой излюбленный клирос и дорогое ее сердцу церковное пение. Зато она часто улучала времячко во время досуга, особенно в сумерках, когда и ради экономии керосина и вообще ради, так сказать, идиллии «посумерничать», где-нибудь около горящего камина или на печке среди нас всех детей, мирно сидящих кругом ее, чтобы от души попеть все и церковные песнопения и светские канты и песни, какие только ей были известны и нравились. Вот это была первая, незабвенная для нас школа пения, где мы и учились и наслаждались и забывались и забывали свои нужды, свою бедность, свои невзгоды, свою нервозность, свои ссоры и были все объединены своею певицею мамашею.

Живю помню эти длинные, зимние, вечерние сумерки. Отца дома нет: он уехал в приход «за ругой» (т.е. по сбору хлеба - ржи, овса; шерсти, льна и т.п.). Тихо потрескивает наша голландская печка. Около нее собрались мы всей своей семьей – три брата и две сестры около матери и вот она родимая наша вдруг затягивает: «Помощник и покровитель», подхватывает тотчас же старшая, тоже музыкальная, милая наша сестра Олинька, за ней тянется и сестра Антонина (а у ней не было слуха – она в отца) – затем «Богородице Дево», «Отче наш», «Достойно», что впоследствии распевали с ними и мы, подросшие братья, а там - после церковного пения - запеваёт наша неутомимая, бывало, родная певица «Стонет сизый голубочек», «Среди долины ровныя», «Буря мглою небо кроет», «Небо чисто, небо ясно», «Скажи мне, ветка Палестины», «Лучина, лучинушка», «Под вечер осенью ненастной» и прочее прочее... Какая это была семейная идиллия, когда забывались всякие дневные дразги, ссоры, брани, неприятности из-за меня, постоянно надоедавшего сестрам своими мальчишескими выходками, какое это для нас детей было блаженство, когда

мы и сами научились в конце концов подтягивать своему родному хору своими детскими голосишками.

Как сейчас помню, как брат Александр, будучи лет 5-ти усвоив мотив песни-стихотворения: «Скажи мне, ветка Палестины», но не понимал и не знал слов этой песни, курьезно распевал: «Скажи мне, ветка болести»...

И эта идиллия, правда, была по преимуществу в отсутствие отца, которому, правда, постоянно приходилось в борьбе за существование отлучаться из дома – то за сбором по приходу, то за дровами, то за кормом для скота и т.п.

И как сейчас помню, бывало, в тихих сумерках, при вспыхивающем теплом огоньке голландской печки сидим мы все около своей родимой матери, запевающей различные песнопения церковные или стихотворения и песенки, сестры пристают к ней и дружно поют с ней, припеваем и мы с ними что знаем, сидим, блаженствуем, забываемся, вдруг раздается стук в сенях и поэзия сразу заменяется житейской прозой: то приехал родитель и тотчас начинается семейная суета: мама зажигает огонь, сестры выходят на помощь отцу, выносят в амбар мешки с рожью или овсом (если он прибыл с сбора) или складывают дрова в одно место, если он привез из леса дров; а бывало и так, что папаша прибудет, как он сам покойный выражался «еле можаху» откуда-нибудь из зажиточной деревни, вроде Бакиных-Кириловичей, где любили его и угостить и тогда вся работа по выгрузке с саней мешков и по уборке лошади ложилась всецело на заботу сестер, а родитель, пожурился кого-нибудь за что-нибудь по его мнению неправильное и ненормальное скоро успокаивался и ложился спать... И опять жизнь текла мирно, спокойно, и хотя бедно, но жизнерадостно и часто, часто озарялась подобными идиллиями незабвенных певческих сумерек, этих первых наших дорогих музыкально-певческих дошкольных материнских уроков.

Таким образом мы росли в церковной и музыкально-певческой атмосфере с самого раннего возраста, чем постепенно облагораживались наши сердца, смягчались наши души, которые могли загубить под влиянием бедной жизни, грубой деревенской среды и нелегких, вообще, условиях нашей жизни.

Лет пяти с половиной - шести я сначала с матерью стал вставать на клирос и пел с нею обычно в унисон своим звонким дискантиком, но с течением времени я уже один самостоятельно настолько привык к церковному пению, что отлично подпевал на все гласы все церковные песнопения, кроме разве ирмосов: причем, конечно, не знал еще смысла и перевода по-русски многих молитв, вследствие чего, как

сейчас помню, долго недоумевал – что это такое за предложение, которое, бывало, в конце «заутрени» (как называли в Медяне утреннее богослужение), певал мой отец: «тебе подобает без Бога (как мне слышалось), вместо «песнь Богу»... Годов 7–7,5 уже в школьный возраст я читал часы, а затем и шестопсалмие и др., отлично знал пономарское дело и можно было действительно про меня сказать известной скороговоркой: «нашего пономаря не перепономаривать стать», и все это церковное дело для меня с ранних лет было стихией.

Бывало, раным-рано поднимался я в праздники вместе с родителями часов в 5-6 утра, чтобы вовремя поспеть к началу утрени и подготовить кадило и все прочее, чтобы с первым же ударом колокола все было готово и у отца и на клиросе и у меня в пономарской. Так что к 8-ми годам я настолько изощрился в чтении, пении и пономарстве церковном, что был настоящим церковником и предметом внимания и удивления молящихся. Мой звонкий дискантик далеко разносился по сводам храма и производил приятное впечатление на посещающих святой храм.

Видимо, доволен был мной и восхищался в душе моей способностью прекрасно читать, петь и пономарить и настоятель храма наш любимый о. Николай Зубарев. Как сейчас помню, как отцом моим, так и мной всегда руководил он в церковном чтении, пении и пономарстве и какое было для меня, малыша, счастье – это внимание ко мне этого большого, авторитетного человека-пастыря.

Бывало, после литургии, я уже знал и любил читать в алтаре благодарственные «молитвы после причащения» и читал их с особенным усердием и отчетливостью, пока потреблял о. Николай святые дары, после чего я, закончив молитвы отпуском и испытывал особенное, ребяческое наслаждение, когда о. Николай торжественно похвалив меня, или дав, наоборот, какое-нибудь замечание по поводу неверности чего-нибудь из прочитанного, отдавал мне порядочную часть «антидора» с наведенной церковным вином теплотой. А наставления, замечания, различные советы, своего рода экзамены всегда сопровождали меня при всякой удобной с ним встрече. Вот, например, истоплена у о. Николая совместно с нами баня. Отец Николай идет в баню и всегда в сопровождении моего родителя, который обычно помогал ему и тут, чтобы приготовить в общий таз воды, потереть спину, «бздануть» на каменку градусов до 40... Когда и я стал своего рода церковным человеком, то обычно и меня, с разрешения о. Николая, брал родитель мой с собой в баню, где я с ними обоими мылся вместе из общего таза, а на момент их «паре-

нья» или уходил домой, закончив свое мытье, или же спускался вниз с «полка» и наблюдал, припав от жары к полу, как на полке нещадно хвостали себя жаркими вениками один по тучному, другой по худому своему организму вплоть до изнеможения, после чего сходили оба книзу, открывали холодный душник и смывали холодной водой налипшие от веника листья, похваливая «жарок» и побрякивая от удовольствия после «поправки косточек», после чего уже обкатывались набело водой и, обтершись полотенцем, осеяли себя крестным знаменем, целовали свой нагрудный крестик и, благославляя свою рубашку (а родитель крестя) одевались и, вполне удовлетворенные своей «банькой», уходили домой с особенным удовольствием тотчас же попить чайку. И весь этот процесс омовения в бане для меня никогда не был прозаичным, а, наоборот, мне всякий раз хотелось долее бы, долее сидеть и мыться в этой приятной для меня и родимой среде, так как ни одного случая не было, чтобы не было среди них какого-нибудь интересного разговора среди омовения или же какого-нибудь искуссительного, экзаменационного вопроса, обращенного ко мне часто в то время, когда о. Николай мылит себе голову, или натирает мылом тело: «А ну-ка, Коля, скажи - сколько в сажени аршин? а в пуде - фунтов? а как разделить 20 яблоков на пятерых и т.д. и т.п. И так досадно было, когда быстро проходило это время и приходилось уходить домой.

По какому случаю и когда пришлось оставить нам эту уютную, прекрасную квартиру, под квартирой нашего доброго о. Николая - я не помню. То ли открылся вновь третий штат в Медяне (когда-то закрытый), и квартира необходима была для третьего священника, то ли была какая другая, неизвестная мне причина, только свершился факт, что мои родители вынуждены были оставить эту удобную квартиру и переехать на противоположную сторону, за церковь (в угол) - с северной на южную сторону, тоже в казенный дом, но уже далеко не так удобный и уютный, из какого нас выжили⁵. Здесь-то и прожил я большую часть своего детства и отрочества со всеми их радостями и скорбями в борьбе за существование вместе со своими родителями...

Еще успели в старой квартире торжественно спраздновать свадьбу моей старшей сестры Ольги с Алексеем Евгеньевичем Анисимовым. Смутно помню самый пир и гостей его, но каким образом Алексей Евгеньевич, живший в городе Глазове за 200-300 верст, оказался женихом моей сестры, я узнал уже потом. Оказывается, что его, Алексея Евгеньевича, родная сестра Евдокия Евгеньевна была в замужестве за

волостным писарем нашего волостного правления Михаилом Константиновичем Наймушиным и хорошо знала нашу скромную семью и, конечно, мою сестру Ольгу, как невесту скромного и мягкого характера, честную и хозяйственную. В результате – сосватались и устроили веселый пир... Далее, не помню только вскоре ли после этой свадьбы или уже вдолге у нас в семье было большое горе, едва не закончившееся трагическим концом для родителя. Приехал к нам в гости из Бобина наш двоюродный брат-фельдшер (известный в окрестностях Медяны и Загарья и популярный в свое время, родом из деревни Моргуново, Медянского прихода) Архипп Владимирович (о. Николай оспаривал, что Всеволодович) Кощеев вместе со своей супругой – двоюродной сестрой Екатериной Дмитриевной (бывшей Трониной), Прибыли они к нам на паре сытых, откормленных лошадей и вот, помню, когда гости собрались уже к отъезду, одна лошадь, кажется, коренная, стояла все время беспокойно. Папаша, всегда смелый и мужественный, подошел к лошади и начал успокаивать ее, глядя по голове ее. В это время садились пассажиры, оба грузные, плюс - ямщик, в громадную, тяжелую повозку - сани, как вдруг коренная лошадь встала на дыбы, подмяла под себя родителя, рванула, за ней пристяжная, ямщик растерялся, не успел остановить их во время и ... о, ужас – все лошадиные копыта, вся грузная повозка с тучными пассажирами прошла и прокатилась по тщедушному организму нашего героя-родителя. К счастью, что пассажир-то был фельдшер, и опытный, принял меры и очень энергичные и, Божию милостью, привели отца в чувство... А что было?! Как сейчас помню, ведут под руки нашего папашу, склонившего свою разбитую голову, по растрепавшимся волосам которой потоками льется кровь, кладут затем его в кровать и начинаются энергичные меры к приведению расшибленного, жестоко помятого родителя в чувство. Долго после этого случая у него сказывалась спина и много отнялось у него с той поры той физической силы, какой он отличался до этого времени. «Все у меня там, в спине, как-то отвалилось и отстало». Со временем, правда, он достаточно окреп, но все же жаловался на боль свою в спине.

В связи с этой квартирой ещё сохранилось у меня одно неприятное воспоминание, по поводу существовавшего в свое время скверного обычая в некоторых селах и приходах поить вином в Пасху прихожан-мужиков за то, что они «одевают духовенство “осённым” и “ругой”» (сборы по приходу). Долго боролись с этим скверным обычаем и медянцы и много на первые годы пострадали они материально, когда объявили решительную борьбу с этим злом, но все же одержали верх... А что было и когда - в первый день Пасхи! Это

была сплошная мука... Как сейчас помню: полная кухня пьяных мужиков, уже выпивших у о. Николая и у дьякона. Стоит шум и гвалт, как в прежнем кабаке. В воздухе стоит скверный водочный запах. Около стола стоит папаша с большим графином водки. Наливает стакан. Подносит к мужику со словами: «Ну, пей, Илья Стефанович! Тебе спасибо, ты и баба твоя всегда хорошо меня одеяете! А тебе, Петр, не подам, ты лучше не думай, твоя баба все спрячется и ныне еще ни разу меня вы не оделили». Начинается скандал, часто оканчивающийся таким финалом: отец мой, хотя имел Закхеев рост, но физически всегда сильный и по характеру смелый и мужественный, берет за шиворот скандального пьяного мужика и торжественно вышибает его на улицу.

Как омрачались эти Великие Светлые Пасхальные дни такими темными неприятными картинками! Весьма тяжелое впечатление производили эти мрачные явления на наши детские сердчишки, иногда мы видели кругом сплошное пьянство и небезопасное для родителя хулиганство за его отказ в угощении и как жаль было нам отца, терявшего такое драгоценное Пасхальное время, как первый Светлый день, на такое гадкое дело, по независящим от него обстоятельствам, вместо того, чтобы с радостью и отрадой, после утомительных служб Страстной седмицы и бессонной Пасхальной ночи, отдохнуть и насладиться покоем вместе со своею семьею. Я, помню, тоже должен был отдать дань этому скверному обычаю, разделяя заботы и хлопоты своих родителей и служить передаточным пунктом между отцом, подающим водку избранным прихожанам, и матерью, передававшую из комнаты резервную водку мне на печку, откуда уже я подавал отцу. Но! Слава Богу! Вскоре же после этого времени духовенство с. Медяны во главе с приснопамятным о. Николаем объявило решительную борьбу с этим дурным обычаем и он, наконец, отошел в область преданий.

Последним воспоминанием из моего детства, в связи с этой квартирой является тяжелая картина болезни нашей милой, любимой бабушки-няни Пелагии Ивановны. Живо припоминаю, как лежала она, бедная, на кровати вся распухшая от водянки и тяжело, но тихо-терпеливо стонавшая. Долго болела она, долго крепкий и выносливый организм, выдавший разные виды нужды, скорбей, невзгод и печалей сопротивлялся этой смертельной болезни, долго и энергично боролся с ее болезнью и наш популярный и опытный родич -фельдшер Архипп Владимирович, постоянно простригая ее кожу и выпускал из нея мучившую ее воду и лечил доступными ему мерами и средствами, но все же пришел, наконец, роковой день и час для нея – 11 февраля

1888 года, когда она на 75 (или на 76) году отошла от нас в вечность в мое отсутствие, когда я уже учился в 1-м классе Вятского Духовного училища.

Подсобным доходом к скудному бюджету моих родителей между прочим служило и занятие их крестьянским хозяйством, чем занимались они почти всю жизнь, причем лично работали они только в огородах, где сами садили овощи и сеяли хлебные злаки, вроде полбы, чечевицы и др. и пр., поля же они обычно или нанимали «оглом» (т.е. за все работы вообще) или нанимали «исполу» (т.е. из половины). Половина всего урожая нанимателю и половина нанимающемуся; причем родитель, бывало, сам все время следил за работами, сам принимал активное участие в работах, особенно в уборке сена (чтобы сохранить от дождя), снопов, причем мы, ребяташки, любили кататься на лошадях и сидеть на возах. Особенно много затрачивалось энергии, как у родителей, так и у сестер, по заготовке дров. Правда, лес был казенный, но много трудов было по рубке, по пилке дров, по собиранию хвороста (сучьев) и пр.

Принимал деятельное участие, особенно по сбору хвороста, и я – зато как было приятно и весело на душе, когда, по окончании заготовки дров, сидишь на возу дров или сучьев и, с сознанием исполненного своего долга, управляешь лошадкой по направлению к дому. И с каким аппетитом потом покушаешь, после физической работы и заснешь на ночь богатырским сном...

Как помню, за все время жизни моих родителей в Медяне у нас всегда в хозяйстве были и лошадка и коровка, мелкого скота почему-то не держали. Были куры, временами разных пород - и кохинхины, и цыцарки и др., порой и утки, и гуси, и индейки.

На лошадке родители и сестры кроме хозяйственных работ выезжали в г. Вятку (за 25 верст) и в другие села, а также по приходу за сбором петровского (сбор яицами, маслом и сметаной; причем яйца пересышались или мякиной или мукой, прилагаемых к яицам, осенного (сбор овсом и льном) и руги (сбор рожью и шерстью). Путешествовали на лошадке с папашей и мы и в дальние края, например к бабушке в с. Архангельское Котельничского уезда за 150 верст от Медяны, или в с. Ежево Глазовского у. за 200-250 верст к родной сестре Ольге, где муж ее, а наш зять Алексей Евгеньевич Анисимов имел свои 2 дома (а один в г. Глазове).

Любил я эти дальние путешествия вместе с моим родителем, который брал меня всегда с собой «отворять кстати полевые ворота» (там, где скот пасут не за пастухом, ставится на всех полях изгородь (“огород”) и для проезда по дорогам устраиваются ворота.

Помню маршрут в с. Архангельское у нас был такой: с. Чудиново Орловского уезда, г. Орлов, с. Колково Орловского уезда, Тохтино того же уезда, Курино уже Котельнического уезда (в стороне Матюги), Макарье Котельнического уезда (или сначала Макарье, а потом Курино), кажется далее Высокогорье, Черновское Вологодской губ[ернии] и Архангельское.

Маршрут в с. Ежево помню отчетливо: г. Вятка, с. Кстинино, Бурмакино, с. Просница, Волма, Филипово, Ржаной Полом, Суна уже Слободского уезда, Святица уже Глазовского уезда, где останавливались у дядюшки Василия Андреевича Тронина, Укан и Ежево.

Всякая поездка с моими родителями куда бы то ни было на своей лошадке для меня составляла целое счастливое событие, хотя, бывало, и не без приключений, иногда для меня довольно и серьезных.

Помню два случая. Один, когда мне было лет шесть и поехали мы с отцом и матерью в Архангельское. Дело было летом. Я с особенным удовольствием выскакивал из телеги, когда нужно было отворять для проезда полевые ворота. И вот, на обратном пути из Архангельского, когда бабушка между прочим подарила мне глиняную птичку-свистушку, которую я берег дорогой, как зеницу ока. И надо же было случиться такому казусу, когда я в одном месте, отворив тугие ворота и пропустив экипаж с родителями, быстро побежал не затворив ворота, которые, оказалось, так быстро затворились сами собой, что я не успел убежать от них и они настигли меня, сшибли с ног. Я упал, ударившись носом в дорогу, а главное, что было досаднее всего моему сердчишку, разбилась моя глиняная птичка, бабушкин подарок и я, весь в крови, только и оплакивал горько свой ценный подарок.

Второй случай был далеко серьезнее и пожалуй угрожал мне и моей жизни смертельной катастрофой. Приблизительно в этом же отроческом возрасте я напросился у отца поехать с ним по деревням прихода за сбором «Петровского». Лошадка у родителя тогда была маленькая, вороная, но необыкновенно быстрая в ходу, за что отец не чаял в ней души; но один был в ней серьезный недостаток, угрожавший несколько раз жизни и самого хозяина ее, это по медянскому выражению «урос». Лошадка с «уросом», т.е. с капризом – захочет иной раз не слушаться седока и не пойдет, несмотря на все меры ямщика и крутые и слабые, а то понесется во всю рысь и не остановишь. При всем том, родитель мой очень любил эту лошадку за необыкновенный ход ее и сам умел подойти к ней и умел управлять ею, имея сильные мускулы, чтобы вовремя обуздать ее; никто из женщин

не осмеливался ездить на ней, тем более, что она чувствовала слабые руки на вожжах и проявляла себя, как ей надо, а не как слабому ямщику. Вот, «урос» этой-то лошадки испытал в одно прекрасное время и я на себе, будучи еще лет 7-8. Дело было летом во время Петрова поста. Поехал мой родитель по приходу за сбором «Петровского» (сбор яицами, маслом или сметаной). Попросился и я у него «отворять ворота» (на севере скот пасется не за пастухом, а отгораживается изгородью, вследствие чего у каждой деревни и у каждого поля существуют ворота на проезжей дороге). Ездили мы с ним почти целый день и все было благополучно. Лошадка слушалась и боялась своего хозяина, а я исправлял свое дело: в деревне, привязав лошадку среди деревни, отец обходил дома и постукивая бичиком в окно, оповещал хозяев-прихожан: «есть ли кто дома-то? Оделите меня, псаломщика, петровским. И пока обходит деревню – в это время бабы, редко мужчины выносят кто яичек одних (от 5 до 10), кто - масла, кто сметаны (с оговоркой – извини, Владимир Яковлевич, нет маслица-то – было немного, да продала), а я пока не придет родитель обычно принимал приносимое и складывал яички в корзинку с мякинами, масло – в кадку и сметану в бурачек (берестовый красивый, цилиндрический сосудец с деревянной крышкой). Потом, бывало, подойдет родитель к телеге и бабы (вообще прихожане) долго не расходились и весело балагурили с ним, а то нередко толковали о чем-нибудь и серьезном. Отец, бывало, и пошутит с ними и даст практические советы и назидания, где пропишет свое лекарство больному, где выскажет упрек за неправильный образ действий кого-нибудь в отношении к своим и прочее и часто уж все и наделят его «петровским», а долго не дают ему уехать, с удовольствием беседуя с ним (а он пользовался любовью не только православных, а даже и старообрядцев, которых было до 300 душ в приходе – у Максимовых – вся деревня (и он бывал у них за сбором), у Кольшман, у Сорокиных, Ольковых (вся деревня), у Ложкиных в Большом и Малом Чуроковых и др.).

И вот в этот злополучный для меня день (о коем я выше начал свой рассказ), мы порядочно объехав деревень, ехали под вечерок (часов в 6 вечера), как сейчас помню, по направлению к дому через Осиновицу, и не доезжая до этой деревни версты за полторы, встретились нам в маленьком волоке (это густой лес, хвойный или лиственный), иногда тянущийся на несколько верст, а в Глазовском крае даже на сотни верст) полевые ворота.

Папаша, успокоенный тем, что любимая, живая и уросливая его лошадка за день успела уже утомиться, вздумал сам отворить на сей

раз ворота (кстати и по своей нужде). Лишь только отворил он ворота, «воронко» (как он называл черных лошадей), почуяв мои слабые руки, бросился из всех сил бежать по дороге своею быстрейшею рысью. Я со страху опустил вожжи, встал в телеге на ноги, зарыдал и закричал во весь лес, но этим еще хуже раззадоривал безумно скачущую лошадь. Незаметно для себя я попал в корзину с яйцами, дорога к тому же оказалась тряской от настланных в некоторых проминках деревьев и... к счастью, впереди ехали «дровяники» с дровами и один из них осмелился стать поперек дороги и быстро взять лошадь под уздцы и остановить. Результаты, конечно, были плачевные для родителей. Более 250 яиц пришлось родителю выбросить, как смешавшихся с мякиною и уже негодных, и, разумеется, благодаря бешенству этого капризного воронка, подорвать лишний доход папаши и нанести значительный ущерб и так скромному бюджету бедного, семейного дьячка.

Еще припоминается мне в этом возрасте одно курьезное обстоятельство, случившееся со мной. Любил к нам бывать один крестьянин, меновщик лошадей (с которым бывали дела по этому случаю и с отцом и часто последнего надувал первый, за что родители его и недолюбливали (некто Терентий от Малых Зоновых, звали обычно «Тереха»). И вот, в одно время, он мне заявляет: «Надо ли тебе, Колянька, лапти?». Я заинтересовался этим предложением и с удовольствием согласился и даже настойчиво просил, чтобы Терентий принес мне лапти. И вот - мое желание исполнено. Приносит мне этот Терентий лапти новые и аккуратные на мою детскую ногу. Взял я эти лапти и от радости попрыгиваю и не замечаю, что сзади меня отворено подполье, куда ушли за провизией к обеду мать ли или одна из сестер, не помню. Как вдруг я с этими новыми лаптями в руках я лечу спиной в подполье и... что тут было - я не помню. Мне, конечно, больно достались эти лапти, а маме и сестрам попало от строгого отца (конечно словами - я не помню, чтобы отец допустил какое-либо физическое воздействие в отношении к взрослым, кроме розги для нас, малышей). Вот все, что я помню о нашей жизни в связи с той квартирой, которая была у нас внизу под квартирой о.Николая Зубарева.

Вторым священником в то время был другой, прекрасный бесребреник - пастырь-миссионер о. Евфимий Евгеньевич Медведицын, родной старший брат моего лекомского крестного отца - диакона Николая Евгеньевича Медведицына, и, кажется, тоже родной брат Иоанна Медведицына - священника, женой которого и была одна из старших сестер моей матери Надежда Андреевна (по воспитанию

Васильевна) и дети которых Сергей Иванович, Глафира Ивановна и Мария Ивановна и были с нами в тесной связи. Таким образом, о. Евфимий и наш недалекий родственник.

Подробную биографию его жизни я не знаю и в своем отрочестве я застал его в Медяне уже вдовым, пожилым, имевшим свой собственный дом против входа в храм с западной стороны. Имею сведения, что он, как и о. Николай Зубарев, некоторое время священствовал в с. Кленовицы Орловского уезда. Вероятно там и овдовел. Когда он прибыл в Медяны – не знаю. Знаю, что на некоторое время он опять уезжал из Медяны, но скоро вернулся и жил здесь уже до самой смерти.

Это был мой духовный отец (хотя в отрочестве в дошкольном я был у исповеди у о. Николая Зубарева) и любимый законоучитель в школе. В семействе у него были два взрослых сына: Павел Ефимович и Василий Ефимович. Оба были первые кавалеры в тогдашнем сельском, интеллигентном обществе, прекрасно по тому времени игравшие на гармонике. Павел Ефимович, кажется, ушел из 3-го класса Вятской Духовной Семинарии, а Василий из 1-го класса. Первый впоследствии был священником в с. Холуницко-Ильинском Слободского уезда, а в последнее время в с. Пасегове, когда я видел его уже старцем, но все еще не потерявшим былую бодрость и живость, каковая сообщилась по наследству и его двум, знакомым мне, сыновьям Владимиру и Александру, где-то служившим в самом г. Вятке, причем Владимир выступал еще и в качестве регента, имевшего хор в какой-то Вятской церкви. Симпатичная была эта семья о. Евфимия, как я запомнил в своем отрочестве, но неотразимое и незабвенное впечатление на моем детском сердце однако оставила родная сестра их, а следовательно родная, единственная дочка о. Евфимия Мария Ефимовна. Это действительно была воплощенная доброта. Она не была красивою, но просто симпатичная и своею душевною редкою красотой в ее возрасте (17-18 лет, а мне было 7-8 лет) она настолько зачаровывала всех, что кажется все в селе и старики и старушки и мы дети и ребята души в ней не чаяли. Простая, добрая, приветливая, скромная, в то же время образованная (окончила Вятское Епархиальное женское училище), умная и чистая - безукоризненная девушка Мария Ефимовна - славилась на всю нашу окрестность. Она умела занять и старого и малого, причем так ласково, так искренно смотрела и беседовала, что не хотелось расставаться с ней. При этом она очень недурно пела и имела богатый музыкальный слух... И каким, помню, ошеломляющим для нас всех старых и малых горем было, когда мы узнали, что «Машеньку Ефимовну» (как обычно звали ее) просвата-

ли замуж, и за кого? Хотя и за окончившего курс в Вятской Духовной Семинарии некоего Александра Александровича Петропавловского, но ставшего впоследствии, хотя и пастырем, но и горьким пьяницей. Я помню, как страдали и наши детские сердчишки при вести о неудачном замужестве такой идеальной девушки. Впоследствии мне было известно, что она, терпеливо неся свой тяжелый крест жизни, ни мало не унывала, живя надеждой на своих детей, которых сумела всех воспитать и дать образование. В последнее время, перед революцией, я слышал, что она жила в Вонданке, Котельнического уезда, [служба] просфорницей, поддерживая свое существование и своего опустившегося мужа, вышедшего, кажется, уже в запят.

Василий Ефимович служил некоторое время в Медяне псаломщиком, причем, помню, в противоположность своей сестре Марии Ефимовне, слуха не имел и петь не умел, а пел, как Господь на душу положит. Благо служил он со своим отцом и все у него сходило. Вероятно, от безделья, научился пить и настолько втянулся в алкоголизм, что, будучи потом диаконом в с. Окатьево Котельнического уезда, нажил от этого чахотку и умер в средних годах еще при жизни отца.

В общем все это семейство во главе с отцом осталось в моей памяти, как симпатичное, приветливое и ласкающее.

В качестве хозяйки и экономки жила у них старушка - тетка Александра Евгеньевна. Ей обязаны все дети о. Евфимия своим воспитанием и своим образованием. Она, по смерти матери, вырастила всех и любила их всех как своих детей. Я знаю ее как уже глухую старуху, однако всегда любопытную, всем интересующуюся, часто верившую всяким сплетням, ходившим по селу, любившую побеседовать со всяким собеседником и выпытать от него всякие новости. Хотя она была и старая дева, но не была злою, слишком ворчливою и в общем, в рендант семье о. Евфимия, производила приятное впечатление.

Из остальных членов причта в период моего дошкольного возраста припоминается мне скромнейший псаломщик Зотик Иванович Филиппев, родственник (шурин) о. Николая Зубарева. Он был бездетным и жил со своей тоже скромной супругой (кажется Ольгой Ивановной) в доме казенном, рядом с домом о. Евфимия в углу (где впоследствии поселились и мы). Ничего из его пребывания в Медяне не осталось в моей памяти, быть может потому, что он, вероятно, жил там недолго и куда-то уехал, но куда - не знаю и как-то не было разговора о нем ни с кем из моих старших родных.

После него (кажется) тут же жил некоторое время другой псаломщик Иван Васильевич Костров со своей супругою Натальей Фе-

доровной. Хотя и плохо я его запомнил в этот свой детский период времени, но слабо помню, что, в противоположность Зотику Ивановичу, он, Иван Васильевич, был человек беспокойный, недовольный своим местом и положением, к тому же был любителем сильных ощущений, к чему, очевидно, нередко склонял и свою супругу, т.к. говорили мои родичи, что, бывало, в большие праздники оба супруга так отдавали дань Бахусу, что оба валялись под столом. Кстати Наталья Федоровна была родная сестра того священника о. Михаила Утробина, который когда-то служил с папашей в с. Лекме. У них (Костровых) была семья, состоящая из сына Александра, дочерей Александры и Юлии. Впоследствии, после смерти самого Ивана Васильевича, служившего всю жизнь псаломщиком в Нолинском уезде (уехавшего из Медяны вследствие своего сутяжничества - а он не любил уступить и любил и умел писать жалобы в различные учреждения), вся семья его встретила потом во время уже моего служения в Загарье, где девица Александра была не совсем угожей просфорницей, а Юлия жила с ней и была оспопрививательницей по Загарской волости, впоследствии вышла замуж за вдовца машиниста железнодорожной водокачки Андрея Николаевича Нестерова (на семью из 4-х человек), а Александр, уже из Загарья поступил в псаломщики, кажется, в с. Городищенское, Яранского уезда. Как у него, та и у сестёр его в характере был оттенок характера их батюшки, хотя Юлия была далеко помягче. Александр унаследовал привычку отца и выпить иной раз «до зела рыках», как любил выражаться о таких личностях мой родитель. Наталья Федоровна была тогда уже хилая старушка и полуслепая и была скромною и незаметною для людей.

Еще более памятно, в это мое дошкольное время, одно довольно историческое для Медяны лицо – это псаломщик Александр Яковлевич Тихоновых. У него был свой собственный, старенький, деревянный дом за церковью (впоследствии купленный моими родителями, где и проведены были мои золотые дни отрочества и юношества). В семье у него была родная мать Гавриловна (имени не помню), жена Тимофеевна (тоже не помню имени) и тоже своего рода историческое для Медяны лицо, его родная сестра - девица Ироида Яковлевна Тихоновых. Александр Яковлевич, хотя был человек очень кроткий, смиренный, трезвый, аккуратный, благоговейный, но своего рода дипломатичный. Умел подойти ко всем своим приветливым обхождением, помня русскую пословицу, которую часто твердил и мой родитель: «Ласковое дитя две матки сосет», особенно к прихожанам, которые так полюбили этого «дьячка», что, естественно, возбудили ревность в других членах причта, начиная с

настоятеля о. Николая Зубарева, т.к. всего больше, особенно натурой, несли Александру Яковлевичу.

На этой-то почве, помню, и возникло целое дело, после которого, вероятно, Александр Яковлевич и уехал из Медяны в с. Чудиново Орловского уезда (в 20 верстах от Медяны).

В одно прекрасное время, прихожане, помимо согласия о. Настоятеля и других членов причта вздумали самочинно сделать штатным дьяконом Александра Яковлевича и по поводу этого вопроса в одно из воскресений собрались в храме и после литургии начали составлять приговор о посвящении в сам диакона Александра Яковлевича. Живо помню тот случай, как многие ярые горланы - приверженцы Александра Яковлевича подняли гвалт и шум и демонстрацию в храме против о. Николая, высказавшего протест от членов причта против кандидатуры в дьяконы Александра Яковлевича. По адресу о. Николая высказывали многие из приверженцев Тихоновых угрозы лишить места даже самого о. Николая. Чем весь этот конфликт закончился не помню, толь Александр Яковлевич сан дьякона в Медяне не получил, а должно быть вскоре после этого продал дом моим родителям и уехал в с. Чудиново Орловского уезда (в 20 верстах от Медяны) и там жил все время вплоть до революции. Жив ли он сейчас, там ли – мне не известно. У меня лично осталось о нем впечатление, как о скромном, трезвом и образцовом псаломщике. Что уж было причиной конфликта у него с причтом – не знаю. Думаю, что тут сказалась ревность причта в отношении к Александру Яковлевичу, который своим подходом к прихожанам (быть может и дипломатичным и в ущерб причту) завоевал большую симпатию и популярность в приходе, а тут еще для привлечения к нему, в его дом, большого количества прихожан сыграла большую роль и его родная, благочестивая сестра девица Ироида Яковлевна. Это была своего рода «мироносица», которая вместе с другою, такою же крестьянской старой девицей из деревни Осиновица Дарией Николаевной (кажется Загоскиной) собирала около себя всех благочестивых баб и мужиков и устраивала собеседования с ними. На этих беседах читалось с благоговением, с молитвою и воздыханиями Слово Божие, Свято-отеческие Творения, Четьи-Минеи, причем чтение сопровождалось и пением и церковно-богослужебных молитв и песнопений и особого рода кантами, составленными или на Афоне, или неким старцем о. Стефаном Филейским, учениками и последователями которого и были и Ироида Яковлевна и Дарья Николаевна и еще две исторические личности по Медяне – это некто Мамант Иванович Койков и Никита Иванович Зверев со своею женою Вассою.

Были и другие последователи о. Стефана, часто посещавшие его и назидаемые им. По его-то благословию и собирались то там, то здесь все его ученики и ученицы и занимались душеполезными беседами. Но, конечно, во всяком деле, говорят, бывает и своя обратная сторона. Подобно тому, как при Апостоле Павле были на собраниях и дурные обычаи, каковые он и обличал и говорил, что «тлят добро обычаи злы», подобно тому, как и у первых христиан на «агапах» (вечерах любви) происходили и появлялись злоупотребления, так точно и на этих медянских «беседах» появились дурные люди с дурными наклонностями, стали распространяться сплетни, вследствие чего моя родительница-мать, всегда с особенною любовью приветствовавшая всякую подобную беседу и особенно (ее конёк) пение, вынуждена была, по категорическому запрещению отца, оставить эти беседы и распевать все эти молитвы - канты только лишь дома со своею семьею. Помню, она особенно любила петь один из кантов – это «Слава, слава в Вышних Богу, дух мой радостно воспой».

Что это было за историческое лицо по нашей окрестности старец о. Стефан Филейский, я должен здесь несколько остановиться на этой интересной личности и вкратце поведать его биографию. (Подробная его биография написана в особой книжке, имевшейся у многих вятчан, почитавших его.) Отец Стефан (в мире Семен Куртеев) по происхождению был сын крестьянина дер. Куртеевых, близ с. Филейки (в 1 версте) отстоящего от Вятки (ныне Кирова) в 7 верстах. Родители его, очевидно, были люди зажиточные, т.к. дали ему образование в Вятской гимназии, откуда он уволился из 6-го класса, кажется, по болезни. Очевидно, еще родителями воспитанный в религиозно-нравственном духе, о. Стефан, будучи еще юношей, уже был настроен мистически, духовно и рано почувствовал влечение к монашеской, созерцательной жизни. Живя с родителями и помогая им в их крестьянских работах, он все свободное время посвящал молитве, Богомыслию, чтению Священного Писания, душеспасительных книг, избегая всяких мирских удовольствий и порочной среды легкомысленных товарищей и помня слова Священного Писания «С преподобными преподобен будеши, а с нечестивыми развратишися» согласно и нашей русской пословице: «с кем поведешься, от того и наберешься», что показывает нам и наша жизнь и наш опыт. Затем о. Стефан чаще и чаще стал удаляться из дома для молитвы и богомыслия в близ лежащий от деревни густой и девственный лес, или же на крутой берег реки Вятки, где впоследствии выкопал в самой крутизне, над водой пещерку, верстах в 2-3-х от с. Филейки. Долго ли он пребывал в последней пещерке, не знаю, а только потом он оконча-

тельно уже облюбовал для себя и своих отшельнических подвигов этот густой, недалеко от своей родной деревни лес, где вначале тоже выкопал себе пещерку, едва вмещающую одного человека и здесь-то по образу многих святых подвижников он начал свою аскетическую жизнь, вероятно, уже после смерти своих родителей.

С течением времени, по русской пословице «Свято место - не будет пусто» – сюда, к нему, о. Стефану стали стекаться богомольцы в большом количестве, вследствие чего на о. Стефана обратили внимание административные лица, а более всего местный Вятский епископ Сергей (Серафимов), который был в то время особенно авторитетен и особенно суров. Видимо, он категорически запретил о. Стефану принимать к себе богомольцев, а последние, очевидно не обращали внимание на это святительское запрещение, только, в результате, о. Стефан был заключен в Вятский мужской Трифонов монастырь и жил там в отдельном двухэтажном деревянном здании, под наблюдением игумена монастыря. Вот тут-то, помню, и мы, ученики Духовного училища, бывали у о. Стефана за благословением и придавали ему большое значение в деле наших учебных занятий.

Благословляя о. Стефан, помню, привлекал нас к себе своею ласкою и приветом, также своими подарками в виде религиозно-нравственных брошюр, книжек и листочков. Много говорили о нем, как о святом, праведном и прозорливом. Долго ли, коротко ли он был в заключении монастырском, только все-таки впоследствии он был возвращен на свое подвижническое место и на сем месте устроен был сначала малый деревянный храм, потом побольше и, наконец, каменный собор, когда образовался мужской монастырь во главе с игуменом, а потом и архимандритом.

Сам о. Стефан не был во главе своей обители и скончался в схиме с тем же именем.

Попутно об этой обители будем говорить далее, когда будет случай писать о посещении ее мною лично впоследствии.

Вот от этого-то филейского подвижника о. Стефана (память о коем у меня священна) и появилось множество последователей и последовательниц, учеников его и учениц, которые, подражая ему на местах стали устраивать религиозно-нравственные беседы с чтением Священного Писания, Отцов и Учителей Церкви, Четы-Миней, сопровождаемым пением церковных песнопений и духовных стихотворений, особенно из сочинений и собраний и разных сборников самого отца Стефана, о чем я уже и писал выше.

Попутно теперь сообщу несколько биографических данных об интересной личности, своего рода исторической для с. Медяны тоже

было ученика о. Стефана, но не выдержавшего впоследствии «искуса» мира сего - это о Мамонте Иваныче Койкове.

Невдалеке от с. Медяны в северной стороне за красивым еловым лесом (верстах в 2-х) приютилась маленькая деревенька домов в 25-30 по названию «Малые Койковы». Здесь, проживая в бедности и питаясь милостыней, стоя на церковной паперти, находилась некая, невзрачная, маленькая, низкорослая не то девица, не то вдова, по имени Мавра. То ли ее бедное, нудное положение, то ли скверная, дурная среда, в которой она, как беспризорная, вращалась, вынудило ее так опуститься, что в одно прекрасное время она оказалась «в положении» и произвела на свет Божий «внебрачного, незаконнорожденного» младенца, нареченного поэтому первым попавшимся в святцах именем «Мамонт». Конечно, находясь в таких условиях, в каких жила его мать и этот Маврин Мамонт в отроческом своем возрасте уже стоял вместе со своей нищей-матерью и собирал милостыню. Но вот, достигши школьного возраста, он начал ходить в школу и, очевидно, поддерживаемый и нравственно и материально добрейшим бессребреником о. Евфимием Медведицыным, он скоро обнаружил свои недюжинные таланты в чтении и церковном пении и, подбодряемый о. Евфимием, а впоследствии и о. Н. Зубаревым, сделался постоянным посетителем храма Божия, где пономарил, читал и пел на клиросе. Наконец, достигши юношеского возраста, он окончательно почувствовал исключительное влечение к храму Божию, к слову Божию, к чтению и церковному пению и к благочестивой жизни. В это же время в г. Вятке приснопамятный, исторический первый противостарообрядческий миссионер прот. о. Стефан Кашменский открыл противораскольническую школу братства Святителя и Чудотворца Николая, куда стал принимать всех желающих изучать раскол и обличение его, преимущественно же из среды крестьянства.

Со временем, особенно по смерти о. С. Кашменского при протоиерее Мышкине и особенно при прот. Николае Тихвинском эта школа явилась рассадницей учителей-миссионеров и из них священников-миссионеров, много принесших и пользы Святой Церкви, но немало и зла среди духовенства, пред которым они, эти братчики, не мало кичились своими миссионерскими знаниями и при о. Тихвинском создали из себя что-то вроде «ордена иезуитов», главой которого был сам о. Тихвинский, как Игнатий Лойола, в конце концов, в революцию, ушедший из православия, «на страну далече» в обновленчество подкупленный либеральным «артистом» - злокрасноречивым бывшим Епископом Евдокимом и укрепленный другим «соловьем-разбойником» современным московским краснобаем-обновлен-

цем Введенским, подвизающийся где-то на Урале (кажется в Нижнем Тагиле) в роли громовержца-епископа, бесстыдно остающийся в своем евдокимовском заблуждении.

Вот в эту-то братскую противораскольническую школу и поступил, по призванию, наш исторический Мамонт Иванович. Учился он там, видимо, очень усердно и успешно, в то же время нашел себе на писчебумажной Медянской фабрике и подругу жизни и начал было жить семейною жизнью. Но едва ли он еще успел кончить курс в братской школе, как вероломная его супруга, видимо, нашла себе более лучшего друга, чем Мамонт Иванович, тем более, что и в Медяне не увидела себе удобного приюта и хорошего общества, а наоборот нашла нищенские условия, вскоре безвозвратно оставила своего неудачного супруга и исчезла с медянского горизонта. Это обстоятельство окончательно вынудило нашего Маманта Ивановича, по образу о. Стефана Филейского «уйти от грешного мира, мира печали и слез» и предаться к созерцательной отшельнической жизни. С этою целию Мамонт Иванович удаляется из своей деревни Койковы и между своей деревней и селом (в 1/2 версте от села) устраивает себе келью, с особой катакомбой (подпольем) в густом лесу и в этой катакомбе начинает спасаться и подражать преподобным подвижникам.

Помню, когда я еще был юным отроком, как гремело имя Мамонта Ивановича по Медяне и окрестности, как «медянского подвижника».

К нему начали стекаться благочестивые богомольцы и богомолки, вместе с ним молились и пели священные псалмы и песнопения, выслушивали от него назидания и наставления и утешения. В заключение, на стене его келлии была повешена корзина и кружка с подписью: «Кто пожелает принести пожертвования в пользу мою, пусть влагает в эту кружку и корзинку»...

Хорошо помню, как мои сестры Ольга и Антонина с Марьей Ефимовной, собравшись однажды за грибами, хотя и шутя, но как бы предчувствуя курьезный исход этого подвижничества, вложили в его корзину целый блин коровьего помета, на что Марья Ефимовна серьезно реагировала, говоря: «Что вы делаете, ведь он, быть может, на самом деле святой человек...». Но вся беда Мамонта Ивановича была в том, что он, будучи молодым, цветущим человеком, слишком был самонадеян, не испробовал своих сил духовных под руководством хотя бы того же о. Стефана, вздумал спасаться сразу не один и не в затворе, а с целым обществом, особенно женщин и это-то его погубило, ибо диавол в этом отношении очень лукав, так как и пословица мудрая гласит: «Где он сам не сможет, там бабу пошлет». Так и слу-

чилось. В одно прекрасное время приходит к нему молодая женщина, по имени Ольга, в качестве богомолки и собеседницы и... настолько увлекает собой нашего подвижника и отшельника, что он оставляет ее у себя в келлии на один день, потом на два, три и т.д., а в результате, по песенке: «ах жаль, ах жаль, что я монах», бросает свои монашеские подвиги, закрывает свою катакомбу, прекращает прием благочестивых посетителей, превращает свою келлию в мирский брачный чертог и без всякого церковного брака вступает в связь с этой девицей Ольгой и производит от нее целое потомство детей, никак человек в шесть – всё сыновей - и становится полумирским, полудуховным церковником, каковым я и застаю его юношей, учась в Духовной Семинарии.

С этой поры Мамонт Иванович становится служащим при храме с. Медяны церковником, храмовым уборщиком, довольно хорошим печником и образцовым звонарем. Своим искусством звона он положительно приводил в восторг всякого слушающего его художественную музыку и удивлял всех своей неутомимостью в этом искусстве. Бывало, в торжественных случаях, например, в храмовые праздники, при встрече святых икон или епископа, он прозванивал по 1,5 - 2 часа и все время с одинаковым искусством, чем особенно поражал всех. Много было его подражателей, но никто не мог так долго звонить, как неутомимый наш Мамонт Иванович. Много Мамонт Иванович и читал из церковной библиотеки с. Медяны, сделался популярным человеком, как церковник, как печник, как практик, среди окрестных жителей.

В церкви громовый его тенор слышан был в самом отдаленном уголку; правда, музыкальный слух его был не лучше псаломщика Василия Ефимовича, если еще не хуже, но его преимущество перед последним заключалось в том, что он никогда не смущался тем, врет ли он или правильно поет: если приходилось ему петь с таким же певцом, как и он сам, то нередко попадая певцу в квинту, он так и тянул до конца, заботясь лишь только о том, чтобы громко петь и выговаривать правильно слова. Действительно, бывали чисто «кошачьи концерты», когда соберутся припевающие ему, подобные ему в искусстве пения. Все же, в общем, он производил на всех приятное впечатление своею церковностью, знанием церковного чтения и своеобразного пения, своими услугами всем и каждому, своей предупредительностью и проч., хотя в его характере чувствовался подчас каприз, упорство и некоторое самомнение. Темперамент его был вполне холерический. По внешнему виду Мамонт Иванович был худощавый, низкого роста, с полуинтеллигентно-духовной внешностью, всегда в

подрянике, с серьезно-открытым взглядом голубых глаз, с примазанными волосами, остриженными почти «под польку».

Когда я был уже священником в с. Загарье, Мамант Иванович играл видную роль в Медяне как старожил-церковник и пользовался большим почетом у духовенства, будучи у него не как у о. Николая Зубарева, подчиненным, а как равноправным. Наряду с членами причта он пользовался сборами по приходу, чем и поддерживал свою семью. Но вся погибель его была в том, что он приобрел большую страсть к спиртным напиткам, вследствие чего и закончил жизнь свою трагически: в одно прекрасное время, зимою, он, уехав «за ругой» в приход, долго не возвращался и, наконец, под вечер, ставший для него роковым, лошадка привозит его в село уже застывшим на веки для сей жизни и распростертым на мешках своего воза, бездыханным трупом. Так закончилась эпопея этого исторического лица нашего с. Медяны Маманта Ивановича, начавшего жизнь свою «о здравии» и кончившего «за упокой». Все же «оставления грехов его и прегрешений дай, Господи, и Царство Небесное, подобно мытарю, блудному сыну и разбойнику за его искреннюю, верную и нелицемерную службу Церкви Божией! Вечная тебе память, неугомонный неудачник своеобразный медянский герой своего времени, нелицемерный паракк-лисиарх своего села и прихода, достопамятный чтец, певец, звонарь, пономарь, печник, истопник, увы и ах, неудавшийся монах, но зато верный церкви мирянин и добрый сердцем семьянин Мамант Иванович. Да не вменит тебе Господь Бог твои вольные и невольные грехи и заменит их Своим милосердием за твои добрые дела для своих ближних, а их было у тебя немало: кому подашь свой посильный совет, кому напишешь писемце, заявление, «памятку» (паметку), где над усопшим прочтешь псалтирь и прочее и прочее.

Отрочество. Школьный период

Не помню как мои родители, отслужив предварительно молебствие Господу Богу, Матери Божией, Святителю Николаю Чудотворцу и покровителям просвещения святым равноапостольным Кириллу и Мефодию, преподобному Сергию и Святому апостолу евангелисту Иоанну Богослову и пророку Науму, сдали меня в первый класс Медянского мужского земского начального училища. Вспоминаю, что мне тогда было всего 7 лет. Как уже выше было сказано, попал я «под начал» к строгой, серьезной и основательной учительнице Клавдии Федоровне Ермолиной. Это была высокая, стройная,

пожилая девица, всегда просто, но прилично одетая. По внешнему виду типичная учительница, с отпечатком серьезности и деловитости на ее строгом, всегда озабоченном личике. Хотя она была и строга ко мне, но, видимо, любила меня, особенно за то, что я уже прекрасно читал по-русски и по-славянски, причем всегда живо, бойко, звонко, ясно и отчетливо, особенно когда поучился у Клавдии с 1/2 года и я был предметом зависти многих моих сверстников, далеко от меня отстававших, особенно когда я натренировался в чтении славянского языка, читая в церкви даже шестопсалмие. Но вся беда и горе как Клавдии Федоровны, так особенно моя была в том, что, насколько я успешен был в чтении, настолько положительно слаб в арифметике. Почему не далась мне последняя, несмотря на такую основательную мою первую учительницу, а позднее еще основательнее и строже на мою двоюродную сестру, тоже незаурядно-опытную учительницу Глафиру Ивановну Медведицыну, которая прямо выходила из себя при занятии со мной по арифметике, когда, бывало гостила у нас летом, - до сих пор не отдаю себе отчета. Только эту арифметику я всегда считал своим врагом, много исторгнувшей из моих очей горьких, обидных слез, включительно до самой Семинарии, где наконец-то она сменилась приятной алгеброй и математикой с интересной затем геометрией. Часто моя выбившаяся из сил Клавдия Федоровна жаловалась на мою арифметическую неспособность родителям. А так как я был живой мальчишка, порой включительно до проказ, то родитель мой часто бичевал меня «прилежно» в надежде внедрить в меня эти способности. Но нет! Что уж не вышло, так не вышло.

Сделав из меня впоследствии мальчика благоразумного, он все-таки не мог достичь, чтобы я был хорошим и математиком. А уж шалунишка я был в то время отменный. Я как то скоро забывал об отцовской строгости и мало не мало опять проказничал: то надоешь сестрам, матери, бабушке, тетке Анне Андреевне, подразнивая их, то отколотишь какого-нибудь слабого товарища - ученика - словом, был большой непоседа. И что было бы со мной, если бы не своевременная родительская «лоза» (собственно трехвостка, оставшаяся к семинарии об одном ремешке). И как убедительна эта дисциплина из опыта и на основании слова Божия: «его же убо любит, бьет прилежно» (Премуд. Сол.), «бьет» не в смысле бить, а в смысле уменья воспитывать (ввремя любовь, ввремя правосудие). Не потому ли Господь Бог сотворил мужа (правосудие) и жену (любовь), чтобы в семье была гармония из сочетания этих двух добродетелей? Вот почему, где нет этой гармонии, там и семья ненормальная, ибо одно правосудие (строгость) ожесточает детей, а одна любовь (потворство)

балует их и делает их «маменькиными» детьми. Этот же метод воспитания должен быть и в школах наших, если мы не желаем хулиганства.

«Вичка (лоза) никогда не искалечит, а ума-разума прибавит», - так справедливо говаривал часто мой покойный родитель. «Вот пока твой сынок поперек лавочки лежит, ты и наказывай его, а потом уж будет поздно», - наставляли оба мои родители родителей крестьян, приходивших к нам за советом.

Факты воспитания без дисциплины налицо – масса хулиганства, преступлений, проказ и безнравственных поступков, начиная с табакокурения и кончая гнусными фактами, в школах, особенно смешанного типа. Многие резонеры воспитатели утверждают, что наказание вообще ожесточают людей. На это я отвечаю – да, если наказывать в духе воспитателей Помяловской бурсы, или времени учения моего отца, который утверждал, что преподаватели духовного училища (Вятского) в его время наказывали поркой даже отличных учеников, просто потому, что он лучший ученик, еще не испытал порки и пусть-де попробует. Это уже не дисциплина и правосудие, а зверокровный садизм. У нас вообще на Руси всегда были и есть крайности, что подмечено и писателями и поэтами: «Коль рубнуть, так уж с плеча, коль ругнуть, так сгоряча, коль сердиться – не на шутку, коль любить, так без рассудка» и т.д. То проповедуется снисхождение до слабостей и потворств (царствование Александра I), то розги и дубина без пощады – царство Николая I и так из века в век...

Мои детские шалости и проказы часто огорчали мою незабвенную добрую няню-бабушку Пелагию Ивановну, которая, можно сказать, выводилась над всеми нами тремя братьями и сестрами и любила всех нас своею беззаветною, простою, искреннею любовью.

Милый, внешний и нравственный облик ея, описанный выше, очень напоминал мне впоследствии облик Пушкинской няни Родионовны, горячо любившей своего баловня, нередко также огорчавшего ее своими детскими проказами. Я не помню случая, когда бы добродушно-терпеливая бабушка Пелагия Ивановна сама пожаловалась на мои проказы моему строгому отцу, зная последствия этих жалоб и жалея меня, проказника; но не щадила меня тетя Анна Андреевна и особенно почившая сестра Антонина. Из-за них, из-за их жалоб на меня, мне очень часто жестоко приходилось расплачиваться за свои шалости и проказы. Сестрица Ольга была мягче и сострадательнее в отношении ко мне и хотя журила меня и упрекала мать лишней раз за то, что собираются они с отцом дать мне образование, такому сорванцу, но редко сама жаловалась «тятиньке», как называли мы тог-

да своего отца. Зато уж Антонина не щадила меня, а я, как назло, как будто из мести ей, особенно надоедал ей: то ее подразнишь, то мешаешь ей мести пол, то вообще на ее грубость ответишь ей еще большей грубостью, и за это за все она награждала меня различными бранными эпитетами, вроде: «Фу, ты странь, ослопина, дубина, скотина, харя и т.п. И что из этого жулика выйдет, нас не хотели поучить, - опять лишний упрек матери (отцу они не смели так говорить), - а этого дурака так хотите везти в Вятку».

Сама матушка меня, видимо, как первого живого сынка, беззаветно любила меня и, хотя часто бывало, выйдя из терпения моими проказами, и пожалуется отцу, но во время жестокой экзекуции за это со стороны отца, защищала меня и упрекала отца со слезами на глазах, за его жестокое наказание меня. Потом, часто я попадал под розги и из-за своих малолетних братцев или из-за своих сверстников-школьников, стоявших у нас на квартире: то им насолишь чем-нибудь, то ударишь, то толкнешь, то доведешь их до слез - и опять жалоба и... экзекуция трехременной треххвосткой.

Вспоминая все это, невольно опять волнуется моя грудь от чувств глубокой признательности моему правосудному родителю, что он ввремя ограничивал меня в моих детских шалостях и проказах, благодаря чему я не сделался баловнем и «маменькиным сынком», что было бы неизбежно при воспитании меня одной матерью.

Совершенно не представляю, как я учился у Клавдии Федоровны в 1-м классе, только помню, что на 2-й год я перешел во 2-й класс к другой учительнице Екатерине Егоровне Лопатиной (о коей речь была выше), впоследствии вышедшей в замужество за священника с. Подрелья Орловского уезда о. Павла Красноперова. Эта учительница, в противоположность Клавдии Федоровне Ермолиной была слишком мягкая, снисходительная до слабости, благодаря чему ребята-ученики ее не слушались, шалили, производили шум и беспорядок во время самых занятий и она, по-видимому, часто опускала руки. Словом, дисциплина отсутствовала. И если, вообще нужно сказать, второе отделение начальной школы, как-то всегда было «козлом отпущения», то, в частности, у слабой Екатерины Егоровны была у нас целая ученическая шаловливая «вакханалия»... И как я учился у ней не помню, только знаю, что был у ней одним из первостепенных шалунов.

В третьем же классе в это время был учителем и заведующим школой основательный педагог некто Константин Иванович Зеленин. Передавали, что у него выходили из школы прекрасно подготовленные ученики. Я лично, конечно, лелеял мечту поучиться у него, а родители мои особенно, надеясь на его подготовку меня к сдаче в Вятс-

кое Духовное училище. Но, к великому сожалению моему и моих родителей как раз именно в это-то время, когда мне предстояло учиться в последнем 3 отделении (классе), который должен был готовить меня к духовному училищу, и уходит всеми почитаемый учитель Константин Иванович и назначается на его место сухой, флегматичный педант и формалист, некто Иван Дмитриевич Леонтьев, впоследствии ставший дьяконом, а потом священником в селе Медяне, совершенно противоположный прекрасному, живому, доброму и энергичному Константину Ивановичу, своему должно быть шурину, так как Иван Дмитриевич женат был на Людмиле Ивановне Зелениной. Вот этот то злополучный для меня учитель до сих пор памятен мне как оригинально-странный тип старого учителя времен Помяловского. Солоно он достался мне, тем более, как нелюбимому и проказнику, по его мнению, вероятно никуда-де не годному отбросу-хулигану ученика, которого если не пороть розгами времен Очакова и Помяловского, так, по крайней мере, часами держать на коленях, да еще в сенях и, бывало, зимой. Таким образом, у него, у этого педанта, сурового и бездушного, хотя и скромного, тихого на вид, я был «отребием миру» и не только ничего не получил от него никаких знаний, но даже выколочены были и все старые, приобретенные мною у дорогой, первой моей учительницы Клавдии Федоровны.

Я хорошо помню, что в 3-м отделении (выпускном) я от 1 единицы и до 100 мог писать, а обратно уже списывал у товарищей. Правда, я был мало способен к арифметике, но, чтобы иметь такие скудные знания по ней в 3-м отделении, во всяком случае, непростительно было учителю.

Помню, бывало, выгонит меня Иван Дмитриевич из класса на целый час в сени на колени, а сам ведет уроки арифметики без меня – естественно, что от ней оставалось у меня. Были, помню, хорошие товарищи, жалеющие меня и помогавшие мне решать задачи, но я ничего не понимал, т.к. они объяснить мне сами не могли, а учитель меня презирал. И вот, бывало, стою я на коленях в коридоре около комнаты учителя, выходит его жена Людмила Ивановна: «Что, Колянька, опять на коленях?!» И так почти изо дня в день. Я уже и не помню, был ли мне экзамен и какой при выпуске из школы, только после окончания курса в этой начальной школе, меня «взяла в руки» двоюродная сестра, тоже старая, строгая, но основательная учительница, приехавшая к нам на летние каникулы и уж школила же она меня, особенно по арифметике. Помню, немало было и слез пролито из-за этой ненавистной мне было учебы и энергии потрачено, а все-таки успеха было мало. Не понимал я, особенно задачи на все дей-

ствия и никак они мне не давались, также как в последствии и в Духовном училище.

Одно утешение мое и любимое занятие и всех моих товарищей по школе в 3-м отделении – это были уроки по Закону Божьему добрейшего и приветливейшего о. Евфимия Медведицына. Чисто по отечески, по домашнему, бывало, садился он среди класса, на парту и, окруженный нами, наивными детишками, как словно пастыреначальник Иисус Христос со Своими Учениками или детьми, при благословении Им последних, просто, задушевно, искренне и благоговейно вел беседы по Закону Божьему, Священной истории и мы, забыв все шалости и все на свете, с особенным умилением слушали его задушевные уроки, впоследствии им письменно изложенные в его поучениях и беседах и отпечатанные во многих экземплярах, которые он сдавал потом и на продажу духовным книжным фирмам. Там просто, коротенько и занимательно изложен и Катехизис и Богослужение.

Кроме этого им были напечатаны поучения против старообрядцев, которых он любил обличать и с церковной кафедры и лично, в качестве миссионера, одно время назначенного епархиальным начальством. И с нами, школьниками, у него действительно была скорее домашняя пастырская беседа с детьми, чем формальные, сухие педантичные занятия, какие обычно были у нового учителя со шпаргалкой и И. Д. Леонтиева. И любили мы дети как самого доброго и ласкового о. Евфимия, так и его сердечные беседы по Закону Божию. За уроками он и пошутит с нами и пожурит кого следует. И я не помню, чтобы были какие-нибудь проказы с нашей стороны во время его занятий, которые бы его очень огорчали. Так всегда чует детское сердце ласковое сердце учителя и воспитателя и так невольно инстинктивно оно отворачивается от всякого сухого, черствого и сурового педантизма, чем заполнена была душа И. Д. Леонтиева. Это был мужчина выше среднего роста, курчавый, замкнутый, вечно серьёзный и угрюмый, официальный и сухой. Правда, он был хорош для способных и передовых учеников, которых он и приближал к себе и делал их своими фаворитами, но совершенно ничего от него не получали ученики со способностями даже средними, не говоря уже об отсталых, вроде меня, каким я «козлом отпущения» был у него. Одно я помню, что я больше стоял на коленях и даже не в классе, а или в коридоре или даже в сенях и даже в зимнее время. Не понимаю, как я еще уцелел и не подвергался, видимо, никаким заболеваниям. Вот с такой-то «педагогической» подготовкой я и должен был поступать для дальнейшего образования уже в Духовное училище г. Вятки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Распоряжение было, кажется, митрополита Исидора такого рода, чтобы всех дьяконов перечислить на псаломщицкие вакансии, а лишних псаломщиков-дьячков переместить в другие села. Мой отец оказался лишним в селе Лекма и вынужден был уехать.

2. наша фамилия Агафоникиев по-гречески «Добропобедов» и потому пишется не через φ, а через θ — «ἀγάθος» и «νίκη»...

3. Еще памятен и мне один бывший сослуживец родителей по с. Лекме некто священник о. Михаил Утробин. Памятен потому, что, живя впоследствии в с. Пышаке Орловского уезда, он нередко наезжал к нам в с. Медяну, мимо коей он часто проезжал в г. Вятку (когда я был отроком) и, помню, был очень нежелательным гостем для родителей, т.к. сам он был очень скуп, а когда придет к нам на ночь, то приприсит и для своего ямщика все удобства и для него и для лошади. Вообще, помню я, все мы его не любили за его несимпатичные черты в его характере: хитрости, скупоности, подхалимства и пр. как аттестовали его и родители по с. Лекме; но многочисленная семья его была удивительно симпатична в лице его дочерей: Александры Михайловны, бывшей в замужестве за Виолентовым (чиновником, кажется, банка), где я из духовного училища нередко с удовольствием бывал с Михаилом Васильевичем Бельским, ее племянником; последний был сын Агнии Михайловны, бывшей в замужестве за помощником инспектора Вятской Духовной Семинарии В. Бельским (академиком), рано умершего от чахотки и оставившим ей единственного сына Михаила Васильевича, с которым я все время и учения и до последнего времени был в дружественных отношениях. Тоже скончался очень рано, лет 35-ти, от наследственной чахотки. Был по окончании Киевской Духовной Академии преподавателем греческого языка в Вятском Духовном училище; в революцию – секретарем в разных учреждениях Отдела народного образования. Из остальных дочерей о. Михаила Утробина припоминаю барышню Катиньку, очень симпатичную, кажется так и оставшейся девицею – учительницею.

4. Крещение мое совершал, очевидно, сам Настоятель, протоиерей Иоанн, а восприемником моим был сослуживец отца, местный дьякон Николай Евгеньевич Медведицын (родной брат о. Евфимия Евг. Медведицына, моего бывшего духовного отца и законоучителя в с. Медяне, о коем речь будет ниже, о коем было сказано в самом начале).

5. Занял нашу квартиру под о. Николаем, кажется, о. Владимир Павлович Трапицын (посвященный в священника к медянской церкви 9.8.1887 и прибывший в село 23.8.1887. 9.9.1889 перемещен в с. Кленовицу Орловского у. – прим. В.К.), оставивший по себе у нас недобрую память, как человек не совсем уживчивый, гордоватый и недовольный. Недоволен он вскоре оказался и этой квартирой и в собственном смысле этого слова выгнал мою тетушку, просфорню Анну Андреевну Трину, самовольно сложив все ее имение на свою лошадь и отправив к моим родителям, жившим уже в своем собственном доме за церковью и, кажется, вопреки желанию о. настоятеля о. Николая Зубарева. В дальнейшем нам пришлось встретиться со всей семьей этих Трапицыных, начиная с отца их Павла, и получить много горьких пилюлей. (В течение первых двух лет пастырства о. Николая диакон о. Павел, а его сын Александр, диакон на псаломщицкой вакансии, и долее, были его сослуживцами. Этот период жизни отражен в дневнике автора воспоминаний (записи до середины 1901 г., когда о. Павел из с. Загарья Вятского у. был перемещен в с. Лопьял Уржумского у.) – В.К.)

Поступление в духовное училище

Дальнейшие мои воспоминания пойдут приблизительно по плану воспоминаний и заметок нашего ученого земляка, магистра Богословия, заведующего канцелярией училищного совета при Св. Синоде (в свое время) Павла Николаевича Луппова, напечатанных в его брошюре «В духовном училище», т.к. я застал это духовное училище почти в том же виде и почти с теми же лицами и с тем же содержанием, как описано в брошюре.

О духовном училище до своего в него поступления я решительно не имел никаких сведений и мечтал о нем, как о чем-то очень высоком и для меня недостижимом.

Зная мою подготовку, особенно плохую по арифметике, мои родители не предполагали и не надеялись сдать меня в 1-й класс духовного училища, что вообще для родителей всегда было заманчиво в видах и экономических (не платить за содержание лишней год), а думали как бы сдать меня в приготовительный класс, существовавший при духовном училище, в особом деревянном корпусе, в ограде училища, с тем же объемом курса, какой существовал в обычной сельской начальной школе, только вполне приспособленный к курсу духовного училища. Конечно, как оказалось впоследствии, для меня было бы лучше поучиться в приготовительном классе, но, волею Божиею, не так вышло, как думали и родители. К великому их удивлению и вместе с тем к радости их, я великолепно и торжественно сдал экзамен на первый класс. То ли я произвел впечатление на экзаменаторов своим бойким чтением по русскому и славянскому языкам, то ли хорошей подготовкой и по Закону Божию, только я каким-то образом прошел Сциллу и Харибду для меня и моей ненавистной арифметики (помню, спросили что-то вычесть из одной суммы другую) и торжественно был принят в 1^й класс Вятского Духовного Училища: думаю, что в этом случае на приемном экзамене сыграло большую роль мое искусство чтения по русскому и славянскому языкам, так как я прекрасно владел ими, особенно последним, когда, так сказать, натренировался на нем в церкви, где читал с успехом даже шестопсалмие, а затем и по арифметике я хорошо знал таблицу умножения, в которой меня часто упражняли, кроме учительниц да и мои родители и покойный о. Николай Зубарев при всяком удобном случае, почему, быть может, я и отыгрался на экзамене.. В общем, все-таки я попал в 1-й класс Духовного училища. Но все же плохая подготовка в начальной школе по арифметике отразилась впоследствии на моих

успехах по ней - все время в 1-м классе я учился по ней плохо и должен быть в результате, впоследствии остаться на повторительный курс в этом же 1-м классе.

Поступив в Духовное училище я, однако же, не сразу сделался «бурсаком», чего опасались и родители, особенно отец, зная по себе «Помяловскую бурсу», остатки от коей царили и тогда, при моем поступлении. Они решили поставить меня на квартиру своих знакомых по селу Лекме, неким Евсегнию Осиповичу и Евгении Алексеевне Тороповым, у которых я и обосновался для обучения в Духовном училище.

Помню, что у этих Тороповых была семья, кажется, из троих малых деток — сыновей. Сама хозяйка Евгения Алексеевна была женщина строгая и, помню, мне доставалось от нее, т.к. я был мальчик бойкий, проказный. Живо припоминается мне, как она отучивала меня от сельских выражений, стараясь привить мне городские - благородные. «Куда девал, Коля, ты клюку?», — например, спрашивает меня она. Я отвечаю: «Я запихал ее под печку». — «Что это за выражение «запихал»? Ух, ты, деревенщина». И поправляла меня: «Нужно говорить «затолкал», а не «запихал». В общем, видимо, нелегко мне жилось и в нравственном отношении на этой квартире, т.к. простояв тут до Рождества Христова, во второй период времени я уже поселился в «бурсе».

Родители мои разошлись с Тороповыми и из экономических расчетов. Привозили часто и много из дому на меня провизии, чего мне хватило бы надолго, и Тороповы львиную долю забирали себе и расходовали на себя. Кроме того, очень нередко эксплуатировали меня, посылая в город по своим нуждам за разными покупками, часто отрывая меня от занятий и распоряжаясь мною, как своим служкой.

Евсегний Осипович сам служил всё время официантом в разных ресторанах, а впоследствии буфетчиком на пароходах. Толстый, низкого роста, с широким добродушным лицом, с тоненьким дискантовым голоском, он был дипломатичным человеком в своем звании и положении, умел ко всем подойти, подслужиться, за что и любили его толстосумы-купцы и нередко приглашали его в качестве и повара и буфетчика, и официанта на свои семейные вечера, свадьбы, похороны и т.п., где он нередко фигурировал во фраке, в белых перчатках.

Солидный, с открытым, деловитым видом, со слащавым, вкрадчивым, с дискантовым тембром, голоском, он, в общем, производил симпатичное впечатление на всякого встречного человека и умел подкупить любого своею внешностью в свою пользу и выгоду; словом Ев-

сегний Осипович был человек века сего. Мое общее впечатление от него осталось как о добродушном человеке.

Несколько другого характера была его супруга Евгения Алексеевна. В противоположность Евсегнию Осиповичу - она была худощавая, стройная, с симпатичным личиком, хорошая хозяйка, супруга и мать, довольно строгая, выдержанная, благородная, хотя не прочь была извлечь для себя пользу и выгоду, где можно.

Сами они жили на квартире в доме Ковырзиных - двух старушек, кажется, двух старых дев, по обычаю, все знающих, что творится в городе, все замечающих, всех осуждающих, хотя очень добрых, ласковых и приветливых. Домик их, с моей квартирой внизу, стоял на самом краю берега р. Хлыновки и Вятки. Вид на реку и окрестности за рекой к селу Макарью и Никуличину был очаровательный. Ходить в Духовное училище мне было близко и по тротуарам (деревянными), и короче по берегу, но последний путь был для нас, слабосильных учеников, небезопасен, т.к. в последнем доме к училищу, доме, помню, какой-то Навалихиной жили и бурсаки старших классов и «жулики» - вероятно дети хозяев - хулиганы, которые часто ни за что, ни про что били учеников младших классов, проходящих мимо их, или вообще допускали себе хулиганские выходки.

Наша квартира дом Ковырзиной, была на Орловской улице, в конце которой за Александровской площадью стояла пожарная, каменная каланча.

Вместе со мною в зале стоял на квартире у Тороповых некто Иван Иванович Предтеченский. Это был холостой, высокий, худощавый мужчина, очень солидный, с продолговатым лицом, добродушным видом, говорящий густым басом. Служил он, кажется, в казенной палате, вроде что-то делопроизводителя. Откуда и какого он рода, я остался в неизвестности. Помню, что ко мне он относился хорошо, хотя был чаще деловит и серьезен и редко шутил, но зато уж гремел своим басовым тембром на всю комнату.

Словом, мое общее впечатление от жизни первого моего периода в квартире Тороповых осталось хорошее, хотя в результате к Рождеству Христову этого (кажется 1887) года пришлось по воле родителей оставить эту квартиру и перейти в училищную бурсу. Вышел у моих родителей с Тороповыми конфликт, конечно, на экономической почве, ибо первые привозили от своих нужд на мое иждивение все, что требовалось для моего прожиточного минимума, а хозяева львиную долю всего этого поедали сами. И воленс-ноленс меня мои бед-

ные родители, скрепя сердце, должны были поместить в училищную бурсу, о чем теперь и будут дальнейшие воспоминания.

В начале по брошюрке П.Н.Луппова, т.к. его описание училища вполне совпадает и с моим временем.

Училищные здания

На Высоком берегу реки Хлыновки (в прежние времена под горой протекала река Вятка, а с XIX столетия она отошла дальше к востоку, уступив здесь место ничтожному притоку - речке Хлыновке), против Александро-Невского собора - создания знаменитого архитектора Витберга, жившего в Вятке в 1830-х годах (говорят, посланного сюда за то, что не смог осуществить свой грандиозный проект храма Христа Спасителя в Москве и случилась при постройке какая-то катастрофа, за что он и выслан был в Вятку, где решил осуществить свой проект в миниатюре в виде величественного в Вятке, подобие бывшего храма Христа Спасителя, Александро-Невского собора), против этого собора расположилась целая группа зданий, принадлежавших Вятскому Духовному училищу (здания эти выстроены, по свидетельству П. Н. Луппова, в 1830-х годах при ректоре училища прот. Орлове) и выходявших частью на соборную площадь, частью на берег реки, а именно: 1) главное (трёхэтажное каменное здание, в котором помещались ученики училища с надписью под крышей: «Вятское Духовное Училище»); влево от этого корпуса: 2) двухэтажный каменный дом (с квартирами смотрителя вверху, помощника его во 2-м этаже и 3) одноэтажная, небольшая, деревянная больница. К югу от главного корпуса, на берегу реки Хлыновки (в сажнях 150), находилось двухэтажное деревянное здание приготовительного училища (или класса), учеников которого бурсаки обычно звали «приготовишки», с квартирой для учителя (каким был при мне, помнится, Владимир Николаевич Мышкин, прозванный бурсой «Иудой», но почему не знаю - по внешнему виду, однако, благообразный, статный, в очках, пожилой, лет 35). Устроен этот деревянный корпус приготовительного класса, по свидетельству П.Н.Луппова, в 1881 году. Внизу была квартира отца эконома училища, коим в мое время был смиренный иерей о. Рафаил Стефанов.

По задней линии училищного двора - на одной линии с корпусом приготовительного училища, расположена баня, одноэтажная, каменная, деревянный сарай и дровяник. Весь двор училища обнесен был деревянным, довольно высоким забором, выкрашенным желтой краской. Среди двора, недалеко от главного корпуса было небольшое деревянное сооружение - башня-колокольня, в которой помещались колокола, один сравнительно большой (пудов 50-60), и, кажется, три малых. Между колокольней и зданием приготовительного училища была устроена гимнастика: высокий перекид, к которому приделана доска, по который любили лазить до верха ученики, кольца на веревках, трапеция, две висячие палки и несколько поодаль «гиганты» - для упражнения.

В таком общем виде училищные здания сохранялись все время моего обучения в училище, Впоследствии был сооружен еще деревянный двухэтажный корпус между главным корпусом и дровяником для квартир эконома и, кажется, надзирателя.

С берега училищного открывался великолепный вид на заречную часть, которая весной на много верст покрывалась водой при разливе реки Вятки, соединявшаяся тогда и с речкой Хлыновкой. Пароходы оживленно сновали и ежедневно из Вятки в Слободской (и даже в Глазов) и обратно. Интересно было наблюдать, когда плыли целыми рядами, гуськом, так называемые «коломенки» (род высочайшей, грузной баржи), предоставленные самим себе, основательно нагруженные, как говорили, железом из Холуницкого завода, а также небезынтересно было смотреть на «плоты», плывшие часто на большом протяжении и нередко застревавшие на мелях при внезапном спаде воды, когда и из пароходов ходила до Слободского одна лишь Тырышкинская «Малютка» (маленький мелководный пароходик). Красиво было смотреть на речные суда и плоты особенно вечером, в полутьме, когда на них зажигались сигнальные огоньки.

В трех верстах виднелось село Макарье, с белою, высокою каменною церковию и колокольнею и вблизи от него в 1/4 версты с. Богородское, с деревянною церковию (приписною к с. Макарью); верстах в 15 красиво выделялось стоящее на высокой, крутой горе, на берегу реки Вятки с. Никулицкое с солидным каменным храмом и колокольнею, бывшее некогда историческим для Вятки городком Болвановым, одним из первых поселений в Вятском крае. Вправо от села Никулицы виднелась на высокой горе каменная белая часовня с. Чепцы. Совсем вправо, где кончался горизонт реки Вятки, на берегу ее было видно с. Красное (в 5 верстах от г. Вятки) с белыми камен-

ными зданиями храма и колокольни. Влево от села Макарья, где-то в низине виднелось с. Бобино с богатым каменным храмом и колокольнею, а еще левее - как на ладонке, на горе был виден отчетливо солиднейший двухэтажный храм с колокольнею впоследствии моего милого и незабвенного села Загарья. Было ли какое-нибудь предчувствие моего детского сердечиска тогда в бытность мою в духовном училище, что это дорогое село будет моим первым пастырским местом служения - не помню.

Внутреннее расположение помещений в главном корпусе было таково. Во всех трёх этажах, во всю длину здания (с севера на юг) шел широкий коридор, по бокам которого расположены были комнаты, выходящие дверями в коридор. В верхнем этаже была помещена по одну сторону коридора «церковь». Это - большой квадратный зал с паркетным полом и одной ступенькой к алтарю, окна которого выходили на двор, правая сторона храма тоже на двор, а левая - на площадь Александр-Невского собора. Храм очень симпатичный, уютный, чистенький, с прекрасным иконостасом, посвященным Свв. мученицам Софии, Вере, Надежде и Любви 17 сентября. Этот праздник всегда особенно отличался торжественностью, с обычным архиерейским служением и с чудным пением архиерейского хора, под руководством незабвенного регента, пока Божией милостию и ныне здравствующего в Вятке, моего дорогого учителя Никанора Стефановича Любимова.

К церкви, с правой стороны, примыкал довольно большой зал, предназначавшийся для молящихся в большие праздники, а в простое время служивший рекреационным залом для учащихся. Далее по правую и левую стороны коридора были расположены классы, помнится, 4-го класса нормального отделения, 4-го параллельного отделения и 1-го класса нормального и 1-го параллельного отделения. 3-й параллельный и 3-й нормальный; против входа в церковь была учительская комната, где собирались перед уроками учителя училища; в середине коридора был парадный вход, против которого было правление Духовного училища, где постоянно сидел, как называли учителя «скриба» (латинское *scriba*) писец - письмоводитель, в наше время нанятый светский человек (не помню кто); временами для занятий ходил туда смотритель и инспектор училища.

Во втором этаже - по одну сторону были два класса - 2-й класс параллельного отделения и 2-й класс нормального отделения, в середине коридора было отверстие, в которое видна была парадная лестница и в конце - громадный рекреационный зал, где бывали торже-

ственные собрания, гимнастика, сборы учащихся для следования парами в церковь и пр., по другую сторону - три спальни.

В нижнем этаже: три спальни, столовая, по другую сторону - гардеробная, пекарня, швейцарская, откуда учителя шли на занятия по парадному ходу, а квартирные ученики - через нижний коридор, и, кажется, тоже гардеробная (в конце коридора); в южной части здания, выдававшейся к востоку, помещались всередине громадные лестницы, причем в верхнем этаже была библиотека, а за нею надзирательская, где жили четыре надзирателя училища; в среднем - гардеробная и большой ретирад; в нижнем - умывальня, ретирад и поварня с черным ходом, выходящим на училищный двор...

Состав училища

В мое время Вятское Духовное училище было одно из самых многолюдных училищ в Вятской губернии. За все 5 лет моего пребывания в училище число учащихся не спускалось ниже 300 учащихся.

В каждый класс, за исключением приготовительного, имел по 2 отделения: нормальное и параллельное. «Нормальщики» и «параллельщики» - так величали друг друга ученики. В каждом классе было неодинаково число учащихся, обычно от 35 до 40.

Во главе училища ко времени моего поступления был светский человек Александр Стефанович Верещагин (смотритель училища). Это был в свое время известный вятский историк и археолог Вятской страны, оставивший после себя много ценных сочинений по описанию древностей Вятского края. Высокий ростом, коренастый, с большой умной головой, с копной кудреватых черных волос, в очках с золотой оправой, с суровым видом по внешности (в действительности же он был очень добродушный) - он казался нам каким-то особым существом, пред которым можно только благоговеть и страшиться.

Ученики прозвали его «шагалом», вероятно, потому, что он ходил (шагал) всегда большими, крупными, уверенными шагами. В общем, его и его к нам отношения я смутно представляю, так как учился я при нем один лишь год. Не знаю его биографии и его жизни. Как смотритель Духовного училища он, видимо, был человек авторитетный, решительный и основательный, как администратор. Не знаю почему он и ушел со своего ответственного поста, только он оставил по

себе память, как авторитетный, основательный и энергичный смотритель училища, и у меня остался в памяти, как образцовый смотритель, сдавший свои полномочия на другой год моего обучения в Духовном училище не менее образцовому, как смотрителю, Алексею Стефановичу Израилеву. Он был преподавателем Вятской Духовной семинарии, откуда и был назначен смотрителем Вятского Духовного училища вместо ушедшего его предшественника Александра Стефановича Верещагина. Кажется, кандидат богословия Московской Духовной Академии.. Как смотритель, он был вполне подходящий педагог и руководитель воспитания учеников Духовного училища. По характеру мягкий, благородный, деликатный и сердечный. Хотя сам он был и бездетный, со своей благородной и симпатичной, кажется, крещённой немке (из фамилии Ге) Марией Эдуардовной, однако как-то он умел подойти к нам, детям, и мы все, кажется, любили его, уважали и боялись оскорблять его своим поведением. С преподавательским персоналом и надзирателями он, видимо, был дипломатичен и обходителен, так что как вверенное ему дело воспитания нас, юных отроков, и обучения, а также и вообще управления Духовным училищем у него было поставлено очень хорошо, хотя, конечно, остатки бурсы Помяловской искоренить до основания было трудно. Хорошо помню, как Алексей Стефанович в торжественных случаях приказывал надзирателям собрать нас, всех учеников, в большую рекреационную залу и там обращался к нам с сердечно-искреннею речью, вполне понятною для нас, учащих детей и отроков, очень часто сопровождающеюся в патетических местах даже слезами, что особенно действовало на наши юные сердца и, умиляя нас, еще более располагало нас, учащих в пользу нашего уважаемого смотрителя. Живо помню, как Алексей Стефанович, при извещении, напечатанном в газетах, о чудесном спасении императора Александра III Александровича и его Августейшего семейства при крушении поезда на станции Борки 1887 года, приказал собрать нас в зал и, явившись сюда сам, сказал прочувствованную нам речь и своими слезами заставил и нас, очень многих из учащих, заплакать вместе с ним, после чего торжественно парами всех нас повели в церковь, где было устроено торжественное благодарственное молебствие с провозглашением многолетия спасенному Провидением Царю и его Августейшей семье. В общем, Алексей Стефанович, как смотритель, добрый, приветливый, благородный, авторитетный - был вполне на месте. И лучше бы, казалось, ему все время быть на этом посту, как вполне подходящему человеку в роли смотрителя Духовного училища (как и его предшественни-

ку А.С. Верещагину), и было бы лучше для него и для дела воспитания в Духовном училище, но он впоследствии, приняв сан протоиерея, стал во главе Вятской Духовной семинарии в качестве ректора её, где уже не сумел поставить себя так, как в Духовном училище и не пользовался таким авторитетом, как там, вследствие чего ему и пришлось, помнится, при покойном, убиенном Епископе Никоне (Софийском) потерпеть мытарства, пока он не попал в кафедральные протоиереи при соборе г. Вятки. О дальнейшей его жизни и деятельности будет еще речь впереди, а также и о его мученической кончине в 1918 году.

Помощником смотрителя в наше время был Николай Анемподистович Чемоданов (он же и инспектор). На учительской службе состоял с 1862 г. Место помощника смотрителя он унаследовал от своего тестя протоиерея Платона Куртиева (впоследствии бывшего протоиерея Слободского Вознесенского собора (Екатерининской церкви)). Николай Анемподистович был энергичный инспектор. Будучи вдовым и имея одного только сына Александра («Санка» - как звали его ученики), как раз учившегося вместе с нами (один год в 1 классе учился и я вместе с ним). Николай Анемподистович все свое время и все свои силы отдавал училищу. Являлся он и ранним утром на утреннюю молитву в училище и во время уроков, для наблюдения за порядком и для руководства надзирателям, и во время уроков, и на ужин и, наконец, на вечерней молитве. Очень любил он церковное пение и все общие песнопения обычно запевал сам своим сиповатым тенорком. Толстый, с большой, полуплешивой, круглой головой, с большим животом, всегда с решительной быстрой походкой, причем голова его была несколько откинута набок, он производил впечатление авторитетного начальника. Ученики его очень боялись и уважали, хотя это не мешало им, по обычаю бурсы, дать прозвище «плешь». Вообще нужно сказать, что это в духе и обычае русского народа, а особенно бурсы, давать людям прозвища. Еще наш великий русский писатель Н.В. Гоголь заметил это в нравах русского народа: «Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно» («Вечера на хуторе близ Диканьки»). Так оно было, есть и будет в русских людях, что мне пришлось наблюдать и впоследствии. Н.А. Чемоданов был большой любитель внешнего порядка: любил, чтобы ученики, где они были вместе, располагались по росту, причем классы все смешивались; правда, в столовой и в классах все были по классам, но в церкви, в залах, куда собирались ученики в табельные дни, все подведены были к одному росту.

Но заботясь о внешнем порядке в училище, Н.А. не стремился особенно к изучению внутренней жизни учеников, мало заботился об искоренении остатков «бурсы Помяловского», которая еще глубоко гнездилась во внутренней жизни учеников. Правда, он постоянно был среди учащихся, был нередко беспощаден в отношении, по его мнению, негодяев, часто садил в карцер (это была тюремная комната, внизу под квартирой его), на «голодный стол» (это был стол, поставленный в столовой, среди больших столов, за который садили провинившихся на один хлеб и воду, одновременно со всеми учениками, которые в то же время обедали, и эти «голодные» должны были сидеть до окончания обеда все при одном своем кушаньи хлебе и воде).

Бывало Н.А. во гневе и в раздражении на какого-нибудь провинившегося ученика драл его за уши (как помню, раз подвергся этому наказанию и я за то, что идя на обед в столовую вместе с другими учениками скакал среди товарищей и, прыгая, не заметил инспектора, стоявшего у дверей столовой и наблюдавшего за порядком). В общем, ученики все же довольно сильно побаивались Н.А. и, бывало, как завидят его массивную фигуру с головкой набочок, мало прикрытой волосами, тотчас начинают приводить себя в порядок, или разбегаются с криком «плешь идет», впрочем, так, чтобы не бросалось ему в глаза. За то уж кто попадет ему, с визгом набросится на него, и горе ему, если он неоднократно уж замечен инспектором и находится - числится в его кондуите, как плохой по поведению ученик.

Впоследствии Н.А. после долговременной службы в качестве помощника смотрителя (инспектора) в Духовном училище, перешел на службу епархиального наблюдателя церковно-приходских школ, кажется, в 1898 году и служил лет пять, после чего вышел в отставку, на пенсию. Будучи уже священником я встречался с ним по Загарью, как уже с епархиальным наблюдателем, а потом вдолге после этого уже в Вятке встречал его, как отставного пенсионера, таким же бодрым и крепким человеком, с тою же знакомою мощною его фигурою, с тою же головкою набочок и с тем же серьезным видом и настроением.

Встречал и его «Николаевну» - его экономку, все время жившую с ним и в училище. Она была все тою же толстою и здоровою женщиною, какую я помнил в училище.

Теперь Николай Ан., наверное, уже приложился ad patres, а где его «Николаевна» - потерял из вида. Единственный сын Н.А. «Санко» учился при мне на «отлично» в Духовном училище. Помню его по училищу, как искусного конькобежца и гимнаста. Впоследствии он известен был в семинарии, как специалист-психолог, хорошо изу-

чивший и знавший прекрасно психологию, на почве которой он, кажется, вел даже дискуссии с преподавателями семинарии по этому предмету. Куда потом он поступил для продолжения образования и где он теперь - не знаю.

Училищная корпорация преподавателей состояла почти исключительно из лиц, получивших среднее образование в местной духовной семинарии, как например, отец Иаков Самуилович Гаркунов, протоиерей Александро-Невского собора, отец Владимир Петрович Дрягин, в мое время бывший протоиерей приюта; его родной брат Николай Петрович Дрягин, Василий Николаевич Моломин, Александр Михайлович Овчинников, протоиерей Иоанн Сунцов, Владимир Александрович Князев и только Алексей Иванович Пешков был, кажется, с высшим университет[ским] образованием; в нормальных классах: Алексей Александрович Усольцев, Аркадий Сидорович Воскресенский, не помню какого образования был Александр Николаевич Вечтомов. Точно так же и надзиратели училища все были с семинарским образованием: Михаил Михайлович Суторихин, Никанор Иванович Кибардин, Виктор Иванович Ложкин, Димитрий Андреевский и учитель и надзиратель приготовительного класса Владимир Николаевич Мышкин...¹

Таким образом, с высшим образованием были, кажется, только смотритель Алексей Стефанович Израилев да Алексей Иванович Пешков и кроме них все были вятичи и подолгу состояли на своих местах, вплоть до пенсии...

Между прочим, почему не шли в преподаватели люди с высшим образованием, так это объясняется тем обстоятельством, что жалование-то учителей по штату было очень небольшое - большинство получали 420 р. в год, а учитель приготовительного [класса] училища получал 22 р. в месяц.

Ассигнованием на весь бюджет училища обыкновенно заведовал окружный ежегодный съезд духовенства, пред которым обычно и отчитывался смотритель училища, причем последний всегда старался увеличить сумму бюджета, а съезд - ограничить. Например, окружным съездом духовенства 7 учителям назначены были квартирные деньги, в сумме 60 р. в год каждому. Как ни дешева была в то время жизнь в Вятке, однако, тяжело было семейному человеку существовать на 40 р. в месяц. Эта скудость содержания и побуждала одних учителей искать дополнительных уроков в Епархиальном женском

училище, а других священников и протоиереев совмещать учительство с епархиальной пастырской службой.

В отдельности о преподавателях будет речь впереди - при изложении учебной стороны в училище, также как и о надзирателях, наблюдавших за внутреннею стороною жизни воспитанников, за жизнью внеклассною домашнею.

Учебная сторона в училище

Согласно Уставу 1867 года в круг учебных предметов училищного курса входили: 1) Священная история Ветхого и Нового Заветов; 2) Катехизис (вопросно-ответное изложение в кратком, но основательном виде православно-христианского учения по книжке Филарета - митрополита Московского и Коломенского; 3) Изъяснение православного богослужения; 4) Русский и церковно-славянский язык; 5) Греческий язык; 6) Латинский язык; 7) Арифметика; 8) География; 9) Чистописание и 10) Пение.

Что проходило по каждому из этих предметов:

Священная история – (по 3 урока в 1 и 2 классах) проходила по учебнику протоиерея Д. Соколова. Учебник довольно подробный для нас был интересный, особенно при преподавании такого законоучителя каким был незабвенный, дорогой, приветливый, добродушный и добросердечный всеобщий любимец наш о. протоиерей Владимир Петрович Дрягин. Царство ему небесное и вечная благодарность за его умелые задушевные беседы и уроки по закону Божию, священной истории, которые неизгладимо остались навсегда в моей памяти. Я помню с каким упоением, с какою жадностью мы слушали его всегда простые, задушевные, льющиеся прямо из его ласкового сердца речи и рассказы из священной истории и переливающиеся в наши любящие его сердца, чувствующие лично к нему глубочайшее уважение, как к своему родному отцу. О! Как бы были счастливы все ученики, если бы они имели таких отцов-учителей, умевших так близко подходить к детскому сердцу (как и завещал всем Наш Бессмертный Учитель и Спаситель Господь Иисус Христос), каким был неоцененный наш отец Владимир П.

Его занятия по священной истории, а равно и по катехизису и богослужению, замечательны были еще и тем, что он посредством этих своих занятий воспитывал в нас, с одной стороны, чувство глубокого благоговения к предмету Закона Божия, а, с другой стороны,

разнообразил эти уроки, когда, конечно, спрашивал учеников и различными шутливыми и остроумными фразами по адресу отвечающих. И здесь сказывалась его мудрость в деле обращения с нами - детьми, как известно опытным педагогам и психологам, требующим разнообразия в течение даже одного часа.

Невольно при этом вспоминается рассказ об одном подвижнике — игумене, который среди подвигов поста и молитвы вдруг давал полную свободу и себе и своим ученикам-сподвижникам, допуская даже шутки и вольные движения и на удивления по поводу этого мирских лиц игумен отвечал: что будет в конце концов с тою тетивою (из которой пускается стрела), которая все время будет в напряжении у охотника и тогда, когда он будет дома, не на охоте? А будет то, что она не вытерпит и лопнет, порвется. То же и с человеком: если все время его держать в напряжении, то у него в конце концов не хватит терпения и он впадет во искушение. Такова же должна быть психология и воспитателя в отношении к вверенным ему детским душам. Таковым образцовым воспитателем и преподавателем и был незабвенный наш законоучитель о.Вл.П.Дрягин. Он, помню, и в обращении-то с нами всегда был как отец к детям и называл нас «ребятами». Наоборот, я не помню ни одного случая, когда бы о. Владимир отнесся к кому-либо из учеников сурово или бы наказал его. Как-то все его так уважали, что как будто боялись оскорбить его какими-нибудь предосудительными поступками. Бывало, какой-нибудь несдержанный шалун-ученик допустит какую-либо проказу, о. Владимир П. пожурит его пред всеми и обычно закончит свое наставление какою-нибудь шуткой по адресу провинившегося, обычно вызывавшей взрыв хохота всех учеников в классе в посрамление проказника. Внешний вид его был ласкающий, приветливый; высокого роста, худощавый, брюнет, с длинными волосами, всегда чисто одетый в свою темную рясу и всегда с золотым наперсным крестом на груди, а по нравственному облику - он был полная противоположность своему предшественнику по Александро-Невскому собору (настоятелем коего он был в последнее время), протоиерею Иоанну Редникову, когда-то беспощадно хвоставшему учеников этого же духовного училища во время учения моего отца по одному только своему капризу и настроению. Воистину, этот приснопамятный преподаватель, о. Владимир, всегда будет в моей памяти как образцовый законоучитель, много нам давший основательных знаний по Священной истории Ветхого и Нового заветов, по катехизису и богослужению, как воплощение простоты, ласки, любви и приветия, чем так и веяло от его преданного нам сердца и на что так живо реагировали наши ребяческие, отзывчивые сердчишки.

Для характеристики его отношений к нам, как к детям, я приведу несколько сохранившихся у меня кратких записок от первых классов Духовного училища: привожу дословно, как умел тогда писать:

«Сочинение о. Владимира Дрягина, учителя Катехизиса и Богослужения.»

«Дьяконова он спросил урок, только мало больно и он ответил. Тогда о. Владимир сказал: «довольно», но Дьяконов сказал: «Еще спросите». О. Владимир сказал: «Добренького понемножку».

«Сочинение Петрова Александра, Ученика IV класса»

«о. Владимир спросил Петрова о сотворении человека, а он и рассказывает: «Бог взял кусок глины и сделал человека», а Шляпкин Сергей вдруг заявляет: «Я читал в книге, что на каждом материке было по Адаму».

«Скарданицкаго спросили рассказать о женщине, страдавшей кровотечением. Он рассказывает: «Когда Иисус Христос шел, к Нему прикоснулась женщина, а Иисус Христос и говорит: «Кто хватил меня за полу». Общий хохот в классе».

«Когда было Богослужение (т.е. урок), то о. Владимир сказал: «Здесь сторожа плохо звонят, так для них хотят открыть школу».

«Катехизис. О. Владимир спросил Бобровского «Каким образом крестная смерть Иисуса Христа избавляет нас от греха, проклятия и смерти, а Бобровский тихо (негромко) отвечает: «Дабы удобнее мы могли верить сей «тайне», а о. Владимир и говорит: «Дабы удобнее могли мы слышать, говори погромче».

«Великим постом Ардашев шалит, а о. Владимир и говорит: по-видимому великопостная физиономия, а на самом деле вон она какая...»

«Однажды Ардашев отпросился в сортир, потом Верещагин, а о. Владимир и говорит: «Что это, разве гороховица действует».

Вот, что немного сохранилось в письме сего у меня маленьких эпизодов из уроков о. Владимира, но и они прекрасно характеризуют его как простого, доступного, добродушного, ласкового и остроумного преподавателя, умевшего подойти к детским сердцам и заставлявшего и бояться его и уважать его.

По катехизису (3 урока в 3 классе и 2 в 4-м) занимался тот же незабвенный о. Владимир Дрягин. Изучался учебник митрополита Филарета. При всей отвлеченности этого предмета, мы, однако, любили его и тоже, вероятно, потому, что его умел преподавать нам наш незабвенный о. Владимир, умел заинтересовать этим предметом, зная его сам в совершенстве и излагая нам его в доступном и понятном нам виде. Заставляя нас, как это требовалось программой, учить наи-

зуть целый ряд текстов св. Писания и Предания подчас и очень длинных, он предварительно разъяснял нам смысл этих текстов и мы легко выучивали их и некоторыми даже увлекались, как например, текстом «О вездесущи Божием»: «Камо пойду от Духа Твоего и от Лица Твоего, камо бежу и т.д.»

Объяснение богослужения с церковным уставом (один урок в 4 кл.), которые нам преподавал все тот же любимый наш законоучитель о. Владимир П. Дрягин. Проходилась этот предмет по учебнику священника А. Свирелина. Знали мы и этот предмет довольно основательно, благодаря умелому преподаванию его о. Владимира. Умели разбираться в служениях вечерни, утрени и Литургии, в часослове, Псалтири, Октоихе, Минее и Апостоле. Все это нам пригодилось и впоследствии - и в жизни Семинарии и по окончании ее на епархиальной службе. За все это еще раз глубокая сердечная, молитвенная тебе благодарность, дорогой наш о. законоучитель Владимир Петрович!

В то время, когда о. Владимир П. Дрягин занимался у нас, он был священником в приютской церкви (девичий прозоровский приют на Московской ул.) и, очевидно, времени свободного у него было много для занятий в Духовном училище... Впоследствии он был настоятелем Александро-Невского собора и любимцем прихода. Кроме того, он был председателем Отделения Вятского Епархиального Училищного Совета, где тоже был любимцем педагогического персонала. К нему учащие шли, как к родному отцу и находили совет и утешение. Правда, про него говорили, что он за последнее время был подвержен алкоголизму, однако, я не слышал, чтобы это во вред отражалось на деле. Как и когда последовала его кончина я не знаю, только память о нем, как о прекрасном, задушевном и простом преподавателе, добром человеке и отличном семьянине останется светлым лучом в моем всегда признательном ему сердце. Протоиерейство твое да помянет Господь Бог, дорогой о. Владимир, во царствии Своем.

Русский и славянский языки (в 1 классе 4 урока, во 2-м по три и в 4-м - четыре урока)

По русскому языку первый класс был посвящен практическому разбору статей по членам предложения и частям речи; во втором классе проходилась этимология; в 3-м и 4-м - синтаксис простого и сложного предложений. Учебником по русскому языку у нас была «Родина» Радонежского.

Кроме того, учебником была и грамматика «Кирпичникова и Гилярова». Нам, ученикам, особенно нравилась «Родина» Радонежского. Действительно, эта книжка была замечательно составлена и при-

норовлена к детскому пониманию. К сожалению, я не имею ее сейчас под руками, чтобы вспомнить те приятные минуты, когда мы разбирали - то прекрасно подобранные стихотворения, то великолепные статьи и описания и видов природы, и жизни животных, и жизни великих людей. Помню, что первое стихотворение было, кажется, под заглавием «Церковь», приблизительно такое: «Среди дубравы блестит крестами храм пятиглавый с колоколами; их звон призывный гудит так дивно среди могил и так уныло...» Что-то вроде этого... В общем, незабвенно-приятная книга и нравилась нам, ребятам, так же, как в школе: «Родное слово» и Хрестоматия Водовозова (1-я в 1-х классах, 2-я - в 3 отд.).

Преподавателем русского языка в 1-м классе был, как будто, некий Александр Михайлович Овчинников. Это был плотный, среднего роста, средних лет, с большой, умной головой и добродушным, спокойным выражением лица человек. Весь, как смоль черный (черные волосы и черная большая, густая борода), почему, вероятно, ученики прозвали его «вороной», с очками на носу в золотой оправе, он был представителен и как преподаватель основателен. Ученики любили его за простоту и приветливость. Образования он был семинарского. Говорил обычно медленно, важно, отдельно. Особо образцово читал он для примера нам отрывки из литературных сочинений писателей или стихотворения поэтов своим приятным густым басом. Я лично любил бывать на его уроках, любил писать ему сочинения и диктовку и, при своем усердии, получал от него хорошие отметки. Жаль, что впоследствии времени он впал в алкоголизм, вследствие чего и скончался далеко не доживши до старости. Говорят, что он нередко под хмельком бывал и в классе, но я лично ни разу не замечал этого в этом прекрасном преподавателе. Земное спасибо и тебе, дорогой мой наставник Александр Михайлович. Царство и тебе небесное да подаст Господь Бог за твою добрую, умевшую подходить к нам детям, мягкую душу!

По славянскому языку в 1-м классе занимался протоиерей Александр-Невского собора отец Иаков Самуилович Гаркунов (семинарского образования). Это был всегда живой, расторопный, остроумный, приветливый, добродушный и простой преподаватель, хотя в то же время и требовательный. Ученики звали его «Якобус» (латинское слово Яков). Его занятия всегда были оживленны и не проходили без какого-нибудь курьеза. В общем, он был большой оригинал, шутник. Про него среди учеников ходила масса анекдотов, проникнутых, впрочем, симпатиями к нему и его остроумам. У Павла Михайловича Луппова в брошюре «В Духовном училище» рассказывается о нем,

как он, о. Иаков, будучи еще учеником училища, на уроках географии подсказал одному своему товарищу на вопрос о том, где протекает какая-то река: «близко города Славянска», что ученик и не преминул повторить учителю.

— А где же этот город Славянск?

— На верху крутой горы - подсказывает Якобус; ученик, ничто же сумняся, повторяет и получает единицу.

Говорил он всегда громко с своеобразным произношением слов на «о», все время улыбаясь.. Самая постановка его преподавания была оригинально-смешная: как-то все у него свершалось быстро, живо, скоро, что для учеников было и страшно и смешно. Страшно потому, что он обычно вызывал учеников отвечать к кафедре, где уже не услышишь иной раз спасающего подсказа от товарищей и спрашивал быстро, и быстро отсылал на место. Вот, например, начинается его урок по славянскому языку, он садится на кафедру и быстро вызывает: «Агафонилов, Ардашев и Васнецов.» Выходим. О. наш Якобус тычет пальцем на каждого из нас и быстро произносит, показывая палец мне «исполин», на Ардашева — «чадо» и на Васнецова - «помышление». Это значит, что каждый из нас готовясь ответить ему склонение заданных слов. Ну — исполин — отвечай. Я начинаю — до винительного падежа все хорошо - как на нем поткнулся — слышу: довольно, иди на место. Готово - двойка. Ну, чадо — далее о. Якобус обращается к Васнецову, и того, где-нибудь только споткнулся — моментально - на место и двойка. Ну — помышление — и... та же история.

И таким образом, часто тройки 4 - 5 переспросит и очень немногим поставит хорошие баллы. И больно и смешно нам было, тем более, что скоро у него опять и поправлялись. А то среди преподавания вдруг, бывало, соскочит со своей кафедры наш о. Якобус и быстро подбегает к какому-нибудь шалуну, застав его на месте преступления. Живое помню, был такой случай: один из учеников, по фамилии Щепин, захотел во время класса полюбоваться своими «военными» украшениями (из золотой бумаги, наклеенной на кардоне, разные ордена, эполеты, ленты и т.п.), надетыми им под сюртук, который он и расстегнул. О. Якобус, заметив, быстро подскочил к Щепину, расстегнул его сюртук, обобрал все его украшения, шутливо при этом произнося: «Э-э, брат, да какой ты расписной! Ну, прощай, Москва, золотые маковки!» и, отобрав все у него, положил все это в кафедру, а после урока утащил с собой. Куда уж он девал все это - не помню, только Щепину наказания никакого не последовало...

В общем, о. Яков был большой комик и среди преподавательского персонала. В той же брошюре П. М. Луппова рассказывается о

нем (со слов А. А. Емельянова), как он однажды комично разрешил спор преподавателей о пользе латинского языка и классицизма. Все спорили и не пришли ни к какому заключению. А о. Иаков, хоть в то время занимался по латинскому языку, однако во время спора все молчал. Когда спорящие остановились, вдруг о. Яков Самуилович встает с места и громко заявляет: «Господа! Латинский язык полезен!». Все встрепенулись, думая, что будут высказаны новые доводы специалиста; а Я. С. между тем глубокомысленно приставив палец ко лбу, снова повторяет: «Да, господа, латинский язык полезен! Потолику он полезен, поколику я 400 рублей жалованья получаю». Дружный взрыв смеха и вопрос легко разрешился.

Словом, приснопамятный о. Яков С. был простой, благодушный, весёлый, живой и занимательный преподаватель и собеседник и оставил очень светлое впечатление на наших детских сердцах.

На конце своей жизни он, о. Я.С., был переведен из Вятки почему-то в село, а оттуда в г. Котельнич, где и скончался, заслужив общую любовь и расположение...

Вечная память и царство ему небесное за его добрую привлекательную душу.

По арифметике в 1-м классе мы проходили нумерацию и действия над целыми числами, упражнялись так же в умственном решении задач. Учебником по арифметике была у нас книжка Малинина - Буренина. Несмотря на то, что этот предмет преподавал нам основательный, умный приветливый, остроумный Николай Петрович Дрягин, однако мне не давалась эта арифметика и для меня этот урок был настоящей пыткой, тем более, что Н.П. был преподаватель требовательный. Помню, за все 4 года много пролил я слез из-за этой арифметики и как был рад, когда отделался от нее при переходе в Семинарию. Особенно не давались мне задачи на все 4 действия. Уж как я не ломал свою голову, а все сам решать никак не мог эти арифметические задачи. Страшно боялся и Николая Петровича, особенно когда он пытал меня в моих слабых арифметических знаниях, хотя любил сидеть на его уроках и особенно приятно было сидеть за его уроками, когда мне удастся ответить ему удовлетворительно. Любил я Н. П. за его остроумие, шутки, коими он сопровождал всегда ответы учеников, особенно плохих учеников, когда они отвечали или плохо, или неточно. Много с его именем связано шуток и анекдотов, которые у меня частью и записаны. Вот, например, отвечает ученик урок ему, но плоховато. Н. П. говорит: «Ой, как плохо». Ученик говорит в оправдание: «Я запутался». «Ну, распутайся» - отвечает Н. П. к гомерическому смеху всех учеников. Ученик Н.Филимонов сам сочиняет

арифметическую задачу и между прочим говорит: «Ширина двери была 1,5 аршина». Н. П. вставляет: «А как не пролезешь?». Ученик С. Шляпкин лениво позевает. Н. П. замечает: «Однако, как ты ловко позеваешь, Шляпкин, только одно верховишше и видно». Н. П. задает к следующему классу задачи по учебнику, объявляя номера задач. Ученик спрашивает: «4 задачи?». «Да, если умеешь до 4-х считать». Анцыгина Н. П. спрашивает урок. Тот отвечает плохо. Н. П. говорит: «Плохо». А Анцыгин говорит: «Спросите еще». «Ну скажи - почему плохо». Другой ученик Верещагин, получив от Н. П. реплику «плохо», обидчиво замечает: «Я все места вчера учил», а Н. П. отвечает: «Вот то-то и есть, что все места учил, а кабы учил уроки, а не места, так и ответил бы...» Вообще, за его уроками чувствовалось как-то бодро, оживленно и весело, хотя и не нравился мне этот предмет тяжелой для меня головоломки.

Николай П. Дрягин был родной брат прекрасного о. Владимира П. Дрягина, тоже с семинарским образованием. Высокий, худощавый, с веселым, глубокомысленным взглядом, приветливый, шутливо-остроумный, живой и быстрый в движениях, с густыми усами и бородой - производил очень приятное впечатление. Ученики, видимо, любили его и в то время, как другим преподавателям давали обидные клички и прозвания, Н. П. звали только «Николашка». О нем буду вспоминать еще ниже, как о преподавателе географии.

Церковное пение (2 урока в 1 кл.) преподавал учитель, окончивший тоже Духовную семинарию, Александр Александрович Князев, сын протоиерея Спасского собора. Это был мягкий, привлекательный учитель. Всегда одетый прилично, белый, в очках с золотой оправой, румяный, с светло-русыми усами и бородой. Любил сам пение и внушал ученикам. Обычно пели по обиходу догматики. Особенных знаний по пению не давалось. Теория не преподавалась.

По чистописанию (2 урока в 1 кл.) занимался у нас священник села Хлыновки о. Иоанн Сунцов. Помню расхаживал по классу и заставлял нас писать элементы, черты, буквы и слова, громко маршировал: «ра-а-аз, два...а-а, три...и, четыре...е...е».

Не знаю, была ли какая польза от этого преподавания, только среди нас, как будто, каллиграфов не было.

Этот о. Иоанн, кажется, до конца своей жизни служил (и служит?) в своей Хлыновке.

Тяжелый для меня предмет «арифметика» сделала свое дело, что оставила меня в 1 классе на повторительный курс, и стал учиться с новыми товарищами, однако, более не отставал ни на один год и от старых товарищей.

А за первый год сохранился у меня следующий список моих первых товарищей:

1. Ардашев Николай Николаевич - сын диакона из Холуницкого завода. Где он теперь - не знаю и не помню, чтобы он дошел до семинарии.

2. Бобровский Николай (тоже не попал в семинарию).

3. Васнецов Алексей Матвеевич - доучился со мной в Семинарии. Сын священника. Был священником в селе Верхосунье Глазовского уезда, где и скончался в революцию.

4. Домрачев Алексей Иванович. Сын псаломщика из села Иванцова Слободского уезда. Окончил только Духовное училище и был диаконом, кажется, в Иванцовском.

5. Домрачев Евгений из с. Суны - окончил старше меня Духовную Семинарию и был священником, где не знаю.

6. Добрынин Владимир Николаевич - по прозвищу был «Салма». Большой был артист-бурсак. Окончил только Духовное училище. Дьякон с. Гостева Кот[ельничского] у[езда].

7. Ильинский Николай Николаевич из села Вяза. Сын псаломщика. Также окончил только Духовное училище. Где он - потерял из виду.

8. Катаев Иван - сын священника из с. Воскресенского, кажется, Орловского уезда. Судьбу его не знаю.

9. Кибардин Николай Федорович - сын знаменитого вят[ского] кафедр[ального] протоиерея Ф.И. Кибардина. Окончил на год раньше меня Вятскую Духовную семинарию. Ничем особенно не выдающийся. Все время упрямуствует и находится в Кукарке в обновленчестве.

10. Луппов Петр. Его не помню, или это Петр Николаевич, с которым я окончил курс в Семинарии. Тогда о нем речь впереди.

11. Лубнин Алексей Викентьевич. Сын священника с. Юрьева Котельнич. уезда. Окончил курс Духовной Семинарии после меня через год. Отстал от меня, кажется, в 5-м классе Семинарии. Потом был священником, кажется, в с. Шаранге Яран[ского] у[езда], довольно деятельным. Юношей был известен у нас как танцмейстер. По характеру очень оригинален и прост. Речь о нем будет по воспоминаниям о товарищах Семинарии. Жив ли он - не знаю.

12. Лаженицын Иван Иванович из с. Коршика Орлов[ского] у[езда]. Это был очень скромный и тихий отрок и в последствии юноша. Он окончил курс Семинарии вперед меня на год. Был очень простой и славный человек. По окончании курса Семинарии был некоторое время надзирателем Вятского Духовного училища, а потом, кажется, где-то на светской службе. Скоро скончался от чахотки.

13. Неволин Аркадий (не помню как по отцу). Знаю, что сын священника-благочинного, не помню какого села. Это был тоже очень скромный ученик, но в мое время в Духовном училище был тупицей. Все же он был в Семинарии едва ли не на 2 курса ниже меня (оставаясь по пути то в одном, то в другом классе). Кончил он Семинарию или нет, тоже не знаю. Кажется, кончил и был священником. Где он теперь - не знаю.

14. Овчинников Аркадий, кажется, Александрович. Тоже, как будто был сын священника-благочинного и тоже был очень скромный, великовозрастный юноша, но тоже тупица - учился посредственно и кажется, так и засел в Духовном училище. Его потерял из виду.

15. Попов Амвросий Николаевич. Это был симпатичный, великовозрастный, солидный не по летам юноша, чуть не с первого класса отличавшийся своим густым басом. Помнится, со 2-го класса он производил впечатление, как солидный бас-певец. Но эта-то ранняя солидность его и погубила. По переходе в Семинарию он кажется в 1-м же классе, бравирюя своим голосом и злоупотребляя им, после одной изрядной выпивки у товарища ставленника в диакона провозгласил ему «от всех печенок» многолетие, вскоре после этого захирел и от чахотки (кажется горловой) скончался. Так, многие из бравирующих семинаристов, оправдывая ходячую тогда пословицу «семинарист - это существо, стремящееся петь басом», погибли во цвете лет и от вина и от злоупотребления своими голосовыми связками. Много обещал этот милый товарищ Амвросий Н. Попов, всегда импозантный и солидный и по внешности и по походке еще в Духовном училище, в будущем, быть может, был бы из него род Шаляпина, но погиб человек во цвете лет, благодаря скверным условиям и среде. Не то уж были его братья Иона Николаевич - мой товарищ по архиерейскому хору (о нем речь будет впереди) и Филарет Николаевич, окончивший курс после меня спустя года два-три и умерший молодым священником, не помню, где-то в Нолинском уезде. Оба они были без определенных голосов и немзыкальны, как был неподобно музыкален прекраснейший и простейший Амвросий Н. - Царство ему Небесное с оставлением грехов его юности.

16. Романов Александр. Этого товарища совершенно забыл, как потерянного из виду еще в Духовном училище.

17. Стефанов Александр. Помню его облик и знаю, что он потом шел за мной и в Семинарии и кончил, помнится, курс после меня, но какая его судьба и откуда он - не помню.

18. Сатрапинский Василий - совершенно не представляю эту личность; очевидно, он засел в Духовном училище и в семинарию не попал.

19. Скарданицкий Аркадий. Помню, что сын известного священника с. <?> Учился посредственно. Был малец эксцентричный. Не помню, чтобы он попал в Семинарию и после меня.

20. Трофимов Виктор - помню, что был ученик приходящий, городской, сын светского лица. В Семинарию тоже не попал и из моих глаз скрылся бесследно.

21. Трапицын Яков Иванович, сын священника из Ижевского завода. Кончил Семинарию после меня. Помню его ученики звали «рыжой», так как он был в веснушках и с волосами рыжеватого цвета. Был довольно скромный мальчик, но учился посредственно. По окончании Семинарии был священником, кажется, в Сарапульском уезде. Он брат впоследствии архиепископа Вологодского Александра и протоиерея Спасского собора г. Вятки Петра Ив. Трапицына. Ничем особенным не выделялся. Где-то 2 года сидел на повтор[ительных] курсах.

22. Тихоницкий Елпидифор Михайлович. Сын протоиерея г. Орлова, кажется, замученного в первые годы революции. Это был один из первых учеников. Мальчик простой, прямой и великодушный. Кончил курс вперед меня на год и был впоследствии, кажется, в высшем учебном заведении (чуть ли ни в университете) по окончании коего был инспектором народных училищ, кажется, по Орловскому уезду...

23. Фофанов Павел Ильич - сын купца из г. Слободского. Помню, что он был такой толстый и пухлый мальчик, с добродушным, простым, открытым видом. Видимо, тоже засел в Духовном училище или перевелся в светское учебное заведение, т.к. в Семинарии его ни впереди, ни после меня не было.

24. Чернышев Сергей Александрович - сын знаменитого иподиакона Вятского кафедрального собора А.А.Чернышева. Это был бойкий, живой парень. Не помню, чтобы он попал в Семинарию, только в Семинарии я уже узнаю, что наш Сергей Чернышев - моряк (в морском училище), и, вероятно, впоследствии был морским офицером и, наверно, погиб в революцию.

25. Шкляев Николай Васильевич - сын видного священника о. Василия Шкляева с. Просницы (а потом Хмельёвки), когда-то бывшего сослуживцем моего отца по с. Лекме. Этот мальчик был образцовый во всех отношениях. Он кончил вперед меня и все время учения и в Духовном Училище, и в Семинарии был первым учеником и, однако, отказался от Академии и был священником прекрасным на своей родине в с. Проснице до конца дней своих; а умер он очень рано, едва ли достиг 45-летнего возраста и умер, кажется, от тифа. Царство ему небесное! Особенно он памятен мне и по Семинарии, как добрейший и симпатичнейший человек.

26. Николай Шкляев 2-й из с Адышева Орловского уезда, сын просфорницы. Поелику его не было в Семинарии и облик его не помню и о судьбе его не знаю. Это мои товарищи 1-го класса первого года, от которых я отстал и остался на повторительный курс.

Вторые мои товарищи следующие: 1-й класс параллельный.

1. Агафоников Николай - я ...

2. Верещагин Клавдий Михайлович - сын диакона из с. Шалегова. Он со мной кончил курс Семинарии и был священником, кажется, в г. Орлове. Затем перед революцией овдовел и вышел из духовного звания, где-то состоит на советской службе.

3. Веселицкий Илья Иванович. Сын священника. Судьбу его не знаю, тем более, что в Семинарию он не попал.

4. Главицнин Дмитрий Александрович. Сын священника-благочинного из с. Троицкого Котельничского уезда. Помню, что мальчик всегда был благообразным, чисто и модно одетым, скромный, простой, благодушный. Учился он, по-моему, недурно. Куда он делся - не знаю, только в Семинарии я его не видел.

5. Глушков Василий Иванович - сын псаломщика из с. Каринки Вятского уезда. Мальчик был скромный, но преуспевал в науке посредственно, вследствие чего и не попал в Семинарию. Был псаломщиком - забыл где, а потом дьяконом...

6. Домрачев Иван Иванович - сын диакона из с. Иванцовского Слободского уезда. От меня отстал и кончил Семинарию на год позднее меня.

7. Дьяконов Александр Андреевич - сын учителя из г. Уржума. Был мальчик худощавый с слабым зрением. Больше помню его по архиерейскому хору и по Семинарии до IV класса, из которого он, кажется, и уволился и скрылся из моего вида.

8. Дьячков Димитрий Петрович из с. Даровского Котельничского уезда. Сын псаломщика. Его облик совершенно не помню. В Семинарию он как будто не попал. О судьбе его не известно.

9. Емельянов Иван Иванович. Сын псаломщика из с. Ацвежа Котельничского уезда. Тоже о судьбе его ничего не известно. В Семинарию, видимо, тоже не попал.

10. Зонов Платон Иванович - сын протоиерея г. Слободского. Толстый, здоровый парень, физически развитый, но умственно был плох. Наука ему, помню, никак не давалась и едва ли он дошел даже до 4-го класса Духовного училища и по увольнении его, кажется, из 3 кл. был батраком у своего отца. Куда он потом девался - не знаю. С его отцом и матерью Екатериной Платоновной я был хорошо знаком по г. Слободскому, когда был там псаломщиком. Речь будет впереди.

11. Зубарев Николай Алексеевич - сын ум[ершего] псаломщика с. Заева Слободского у. Облик его совершенно не помню, и в Семинарию он, видимо, не попал. Судьбу его не знаю. Видимо, он умер в молодых годах, т.к. мать его Анна Ивановна была просфорницей у нас в с. Загарье, когда я поступил туда на должность священника, и она жила только помощью своих дочерей Ольги и замужней Антонины. О них речь впереди еще будет.

12. Изергин Николай, отчество в записи не сохранилось. Сын умершего священника (какого села тоже не записано). Это был живой, настойчивый мальчуган. Где-то в Духовном училище отстал от меня и учился и кончил Семинарию на год меня позже. По бурсе был артист-шалун. По окончании Семинарии был священником, не знаю где. По съездам - помню, был довольно либеральным попом. Где он теперь - не знаю.

13. Изергин Сергей Михайлович. Был сын известного по Котельн. уезду благочинного с. Верхотуля. Нам эти Изергины были, по словам отца, отдаленные родственники. Сергей и Николай были, кажется, двоюродные братья.

Сергей Мих. был все время у нас первым учеником. Хотя его во 2 кл. занимавшийся по русскому языку Василий Н. Моломин и не любил (кажется за его неуменье петь, а Моломин был регент училищного хора), однако он победил всех врагов своих своими успехами по всем предметам и в семинарии учился первым учеником. И что бы было из этого умнейшего отрока, если бы дали ему доучиться в Семинарии, между тем по какому-то злому для него року не полюбил его ректор Семинарии прот. П. Смирнов, и за то, что он избидил (физически) его любимца, певца Вас. М. Осокина, уволил его из Семинарии, кажется, из 1 класса с плохим поведением. Ужасно нам было жаль такого прекрасного и по сердцу умнейшего парня – товарища, не терявшего, однако, с нами связи до 6 кл[асса].

И когда мы кончали, он пожелал с нами сняться и приобрести общую карточку.

Конечно, Семинария, Епархия и Церковь лишились одного, б[ыть] может, из великих лиц (по какому-то произволу начальства), имевших принести, б[ыть] может, великое бы благо для них, зато посольство (не знаю только какое и где) приобрело в лице его одного из умных и дельных служащих. Благодаря своему уму и талантливости он попал в какое-то высшее учебное заведение (едва ли не в Лицей) и в результате был служащим посольства.

Это был сухощавый, бледный, немножко с испещренным, вероятно оспой, лицом, юноша с умным, серьезным видом, с простым, добрым

сердцем. Очень жаль было лишиться такого милого, дорогого товарища. Где-то он теперь? Так бы и свиделся с ним.

14. Ильинский Василий Николаевич из с. Вяза. Сын псаломщика. Это был посредственный паренек, вечно дремлющий флегматик. Очень запомнился тем, что постоянно высовывал язык и сосал его так, что шутник-преподаватель Николай П. Дрягин часто прерывал свои занятия по арифметике: «Ильинский, язык-то откусишь». По науке двигался не торопясь сообразно своей природе. Кончил курс после меня в Семинарии. Где он от меня отстал - не знаю. Только знаю — в Духов[ном] Училище. Где-то был впоследствии священником.

15. Локтин Поликарп Васильевич. Сын диакона с. Верходворья Орловского уезда. Это был очень неглупый, мой близкий мне одно время товарищ. С ним мы все время, включительно по 6 кл. Семинарии, шли вместе и кончили вместе. В Духовном училище мы часто с ним уединялись по общности одинаковых интересов отдельно от других и проводили в взаимных детских беседах и играх. При переходе в Семинарию талант его расцвел и обнаружился в виде способности подражать А.С.Пушкину. Составлял он очень недурные стихи уже в 5-6 кл. Семинарии, а по окончании ее, будучи священником, он помещал свои стихотворения в местных Вятских Епархиальных ведомостях. Женился он на Валентине Петровне Наумовой, дочери священника с. Юмы, где я был у него шафером на свадьбе. Служил он священником некоторое время в с. Ивановском Котел[ьничского] у., потом у нас в с. Медяне, за последнее время служил в с. Косе. В очень близких отношениях были мы с ним и потому, что он - шурин о. Владимира Филиппева, взявшего его сестру Надежду В[асильевну], с которыми мы часто впоследствии переезжали из Загарья (он был в Монастырщине, а потом до сих пор в Верховине). Бывал с нами и Поликарп В., только за революцию он стал (Поликарп) очень либеральным и в конце концов даже протоиерейство принял от обновленца Николая Тихвинского, после чего я невольно прекратил с П. В. общение. Все же, к удивлению, с этим протоиерейством он остается в нашей ориентации.

16. Лопатин Виталий Витальевич, сын диакона с. Косы, Слоб. у. Это был крупный, великовозрастный бурсак, гроза для нашего брата — мелкоты, но не по росту был его ум. Не помню, в каком классе он отстал от нас и закончил все свое образование в Духовном училище. Впоследствии он работал, кажется, в Духовной Консистерии, а потом потерял я его из вида.

17. Мышкин Павел (отчества не записано), сын священника из Белохолуницкого Завода. Был крепкий, плотный юноша. Видимо, учился тоже посредственно, т.к. в Семинарии я его не видел.

18. Пермяков Арсений - как величать, чей он сын, откуда – сведений не сохранилось, и облика его не представляю. В Семинарию он не переходил, а посему о судьбе его ничего не знаю.

19. Пинегин Василий Федорович, сын псаломщика с.Суны Малой Слоб. у.

Тоже совершенно не представляю этого товарища и о судьбе его не знаю.

20. Пинегин, Николай 1-й, как значился в моей тетрадке Николаевич и тоже из Малой Суны сын диакона. Также ничего о нем не знаю.

21. Попов Ардалион Васильевич. Сын священника из Спасо-Подчуршина Слоб. у. Его хорошо помню, что он был такой толстый, кругленький мальчик, живой, расторопный, и учился, кажется, недурно, но почему где-то отстал от нас и затерялся - не знаю, хотя как будто припоминаю, что он был и в 1-м классе Семинарии, но, во всяком случае, потом учился не со мной. Позднее как будто я где-то читал, что он защищал диссертацию в какой-то Академии, но не помню, на какую тему. Облик и судьбу его не помню.

22. Порфирьев Василий Николаевич, из с. Зоники Орлов. у. Сын псаломщика. Этот товарищ мне хорошо памятен, как стоящий одно время со мною вместе на квартире у помянутого выше Евгения Осиповича Торопова. Это был здоровый, неуклюжий парень с громадным лбом (за это, вероятно, бурсаки и прозвали его «Аписом», апис – бык в Египте почитаемый) с глупым выражением лица, хотя добродушным и простым. Учился он, помню, плохо, но, несмотря на свою флегматичность, был все-таки к тому ж и порядочным шалуном. Двигал науку по два года в каждом классе и где-то в Духов. Училище и засел. Куда он потом девался – не знаю.

23. Свечников Феодор Александрович, из с. Вознесенского сын псаломщика. Совершенно не представляю этого товарища. В семинарии он не учился видимо и исчез из вида.

24. Сергиев Александр Васильевич. Из с. Николаева сын псаломщика. Также не помню этого товарища.

25. Сергиев, Александр 2-й - как отмечено в моей ученич[еской] тетради за 1887 г. Сын вдовы диакона из с. Троицкого д[олжно] б[ыть] Котельн. у. Также не помню и этого товарища. Только знаю, что он не попал в Семинарию.

26. Сосунцев Виктор Стефанович из Казанской губ[ернии]. Сын священника. Этот наш прекрасный и способный товарищ все время до окончания Семинарии учился со мною. Почему из Казани он попал сюда – не знаю, только выговор его так и остался Казанским (свысока) вплоть до окончания курса Семинарии. Это был женствен-

ного вида мальчик, бойкий, живой, но очень честный. Для него всегда были противны те ученики, которые позволяли себе ругаться, проказничать, курить и т.п. Учился он всё время в Духовном училище в первом разряде и конкурировал с первыми учениками. Мальчик был смелый, бравый, умный и талантливый. Подробнее о нем буду писать по Семинарии, аще Бог велит.

27. Спасский Владимир, как будто Александрович, сын священника с. Великорецкого Орл. у. Это был великовозрастный паренек, белокурый, добродушный, неглупый, но, очевидно, был лентяем, т.к. я его уже не вижу в Семинарии, и очевидно, он кончил только Духовное Училище. Помню, что он не готовил уроки и надеялся часто на подсказы товарищей. В связи с этим мне припоминается, как он всех насмешил своим «ответом по подсказу» на уроке славянского языка при преподав. О. Иакове Горкунове. Учили тогда о славянских знаках (облегченное ударение, тупое, острое и, между прочим, камора). О. Иаков, показывая Спасскому на камору, спрашивает: как этот знак называется? Тому подсказывают «Камора», а он махнул – «Кикимора». Конечно, гомерический хохот всего класса. О судьбе этого, в общем-то, симпатичного товарища ничего не знаю.

28. Утробин Илья, — сын диакона из с. Пушейского, Слоб. у. Совершенно не помню этого товарища.

29. Филимонов, Николай Николаевич. Сын священника из с. Красногорья, Котельнич. у. Это был мой друг и приятель включительно до окончания Дух. Семинарии, да и после нее. Всегда спокойный до флегматизма, добродушный, толстый, румяный, простой и привлекавший своим характером и обращением мальчик, плюс к этому способный и умный — он на меня всегда оказывал доброе влияние. Особенно, когда я с 3-го класса был в архиерейском хоре, он, дорогой и незабвенный мой товарищ, всегда помогал мне своими знаниями, советами, порой даже подсказами, и очень нередко выводил меня из глупого положения. Как-то так Господь помогал мне, что этот прекрасный по душе мой милый товарищ всегда сопутствовал мне и в Духовном Училище, и в Семинарии: почти все время мы сидели в классах с ним рядом, на одной парте. И как же я был ему обязан! Он меня часто выручал по арифметике, решал и объяснял трудные для меня задачи, и по другим предметам он был для меня истинным пособием. Это был мой Ангел Хранитель за все время учения в Дух. Училище и Семинарии. О нем, я думаю, еще нередко буду говорить при воспоминании об архиерейском хоре и Семинарии. Где-то ты теперь, добрый мой друг? Знаю, что был он незаурядным священником в с. Галицком, Яран. у. Связь у нас порвалась благодаря обоюдной нашей лености

писать письма (особенно у него) друг другу.

30. Филипьев Иван Михайлович, сын ум. священника с. Верховского, Орлов. у. Это был тоже одно время мой близкий товарищ, тем более, как племянник Медянского о. Николая Зубарева. Мальчик тоже основательный и со вне и по уму. Способный, очень усердный, энергичный. Все время мы тоже учились с ним вместе вплоть до окончания курса в Семинарии. В Дух. Училище он был примерным учеником и по успехам, по прилежанию и поведению. Больше знаю его по Семинарии, т. к. в Духов. Училище с 3-го класса я был приходящим из архиер[ейского] хора и знаю о жизни товарищей в Дух. Училище мало. Речь о нем будет впереди. Царство ему Небесное, как мученику и непостыдному пастырю. Он умер в ссылке от тифа и даже лишен был христианско-пастырского погребения. Помолись за нас, грешных, дорогой мой товарищ, Свящ.-муч. Иоанн! Прекрасный был товарищ и образцовый пастырь в с. Анкушине Слоб. у.

31. Чермных Константин Иванович, сын священника из с. Касина Орлов. у. Хорошо его помню. Это был большой великовозрастный юноша, тоже гроза для малышей. Сидел, как помню, всегда на задней парте и был авторитетом в классе и инициатором всяких бурсацких выходок. Очень походил на помяловского бурсака. Учился посредственно, но как-то переплывал из класса в класс вплоть до 4-го класса Дух.Училища, где и засел и вышел с аттестатом окончившего Дух. Училище. Где он был вначале, не знаю, только знаю, что он был священником где-то в Орловск. у., где и умер от чахотки лет 45.

32. Шляпкин Сергей Иванович, сын купца из г. Котельнича. Это был белый, румяный, среднего роста мальчуган, наивный, но не глупый. Близорукий, в очках. Любопытный, чем надоедал и товарищам, и учителям. Вечно о чем-н[ибудь] спрашивает то учеников, то учителей, причём вопросы его часто бывали очень наивные, вроде таких: «Почему сливы называют сливами?» и т.п. Учился он средне, удовлетворительно. В семинарию не попал, почему не помню. О судьбе его не знаю.

33. Шубин Василий - сведений о нем нет. Смутно представляю, что он был крупного роста паренек, учился посредственно и жил все время в больнице как лунатик. В Семинарию он не попал. Судьбы его не знаю.

34. Щепин Александр Димитриевич, сын священника из с. Пантыла Слоб. у. Это был маленький, невзрачный, в веснушках мальчик. Бойкий, живой, но малоуспешный, вследствие чего Семинарии и не видал. О судьбе его ничего не знаю.

Вот это был наш 1-й класс параллельный.

Далее будет список моих товарищей 1-го класса нормального.

Их пишу я только с оставшейся у меня от того времени тетради, пожалуй многих не зная и по отчеству и откуда они.

1. Ардашев Владимир. Совершенно его не помню (из Котельнича, сын диакона).

2. Городищенский Михаил. Помню, что был настоящий бурсак - артист, но обличия не помню. В Семинарию не попал.

3. Десницкий Сергей, сын священника из с. Мухина. Это был шатен с толстым, некрасивым лицом, кажется, близорукий. В Семинарии кончал после меня на другой год. Где он теперь (знаю, что был священником) - не знаю.

4. Жестков Михаил Михайлович, из Вяза, сын священника. Это был маленький, но крепкий и толстый паренек. Бойкий, живой, простой и добродушный, он пользовался любовью товарищей. Был популярен в бурсе тем, что его трудно было побороть кому бы то ни было, так он крепко стоял на ногах. Учился средне. Где-то отстал от меня и кончал на другой год после меня. Был священником довольно энергичным. Приходится мне родственником по Ниночке. Мать моего тестя была родною сестрою его бабушки; посему он часто бывал в Волкове, где мы и встречались с ним нередко.

5. Изергин Аполлон из с. Мухина, сын вол[остного] писаря. Помню, что это был маленький, толстенький мальчик, несколько глуховатый. Учился средне. Кажется, с нами дошел до 1-го класса Семинарии, а дальше я потерял его из вида. Знаю, что курса он не кончил.

6. Князев Сергей из с. Истобенска Орл. у. Сын диакона. Этого товарища не помню и о судьбе его не знаю.

7. Комлев Николай, из с. Вохмы Слоб. у., сын псаломщика. Помню, что он был высокий, основательный парень, угловатый, и как будто в очках. С Духов. Учил. потерял его из вида. В Семинарии не видел.

8. Кошечев Василий из с. Ошлани Нол[инского] у., сын мещанина. Припоминаю, что это был брюнет с круглой головой и большими карими глазами. Учился, помню, не дурно, а попал ли он в Семинарию - не помню и о судьбе его не знаю.

9. Красноперов Филарет из с. Кстинина Вят[ского] у., сын профессорницы. Тоже забыл облик этого товарища, и о судьбе его не ведаю.

10. Ложкин Александр - совершенно не представляю сего товарища.

11. Лубнин Михаил Васильевич, сын псаломщика из с. Пыжи Вят[ского] у. По Духов. Училищу его плохо представляю, в Семинарии мы учились все время с ним вместе вплоть до окончания курса, посему о нем речь впереди.

12. Макаров Михаил из с. Вожгал Вят. у. Сын судебного пристава. Это был, помню, брюнет с карими глазами. Учился средне. В Семинарии его не помню. О судьбе его не знаю.

13. Москвин Григорий, из с. Кырмыжа Вят. у., сын псаломщика. Совершенно тоже не помню этого товарища.

14. Овчинников Аркадий – помнится, был сын какого-то благочинного. Был великовозрастный, плотный парень, очень скромный, но тупой и малоуспешный. Одет он был всегда прилично. Жил, кажется, все время в больнице, так как у него не держалась мочь (обычно бурсаки звали таких учеников, а их было не мало, «застихами»). Помнится, что он так и остался в Дух. Училище, откуда, должно быть, вышел окончившим Дух. Уч. Судьбу его не знаю. Далее Олюнин см. 18.²

15. Пинегин Николай 2-й, из с. Кстинина. Совершенно тоже не помню этих Пинегиных и о судьбе их не знаю. Полякова см. 20.³

16. Помысов Филарет, о котором никаких сведений не имею и не помню его облика.

17. Редников Михаил – тоже не знаю и не помню этого товарища.

18. Олюнин Сергей из Кукарки, сын псаломщика. Помнится, это был маленький, рябой, белокурый мальчик. Помню, что был он в Семинарии и, кажется, кончил курс после меня.

19. Соколов Александр, не представляю и этого товарища.

20. Поляков Александр – кажется, из с. Пыжи. Плохо представляю и его. Помню, что он был в Семинарии, а там потерял его из вида.

21. Южаков Петр Иванович, сын священника из с. Кырмыжа. Это был высокий, плотный паренёк. Скромный и основательный. Помню его по Семинарии, но где он отстал от меня и кончил ли - не знаю.

Кроме сих еще были:

22. Дружинин Михаил – помню, что он был как будто приходящий, городской, всегда прилично одетый и светски развитой. Куда потом он девался – не знаю.

Кроме сих еще помечены у меня в тетради в нормальном отд[елении] следующие ученики:

23. Снигирев Вячеслав – не помню его.

24. Куклин Илья Иванович, из Гостева, сын псаломщика. Его помню, как типичного бурсака. Прозвище ему было почему-то «Матрёна». Он был большой парень, простой, живой и большой юморист. Кажется, кончил курс только в Духовном Училище и был псаломщиком с хорошим басом в с. Кырчане Нол[инского]. у.

25. Чемоданов Николай – среднего роста паренек с серьезным толстым лицом. Учился посредственно. По Семинарии его не видел.

26. Гаркунов Александр – это был сын знаменитого нашего преподавателя о. Иакова Гаркунова. Парень великовозрастный, тоже на-

стоящий бурсак, гроза для малых ребяташек. Окончил тоже Дух. училище и где-то был псаломщиком.

27. Гаркунов Гавриил – его совершенно не помню.

28. Наумов Николай – это был очень скромный и застенчивый мальчик. Таковым он сохранился и до Семинарии. Где он от меня отстал – не знаю. Только знаю, что на другой год после меня он окончил курс в Семинарии. Был священником до революции в с. Полынке Слоб. у[езда].

29. Сандаков Иван, сын крестьянина из дер. Сандачихи – его тоже не представляю. В Семинарии - не видел.

30. Годяев Виктор – по Духовному Училищу его не помню, а в Семинарии он кончал на другой год после меня. Был регентом Семинарского хора. По характеру - флегматик.

31. Пупышев Петр из с. Спасоталицы Орлов[ского] у[езда]. Это, помнится, был хромой, скромный мальчик. Рябой. Учился посредственно, вследствие чего и не попал в Семинарию. Судьбу его не помню.

32. Утробин Александр – его не помню.

33. Пасынков Агафангел – это был сын диакона Вятского Женского монастыря. Любознательный, впоследствии хороший латинист. Близорукий, в очках, очень неглупый паренек. В Семинарию перешел не со мной, но там не доучился и был диаконом, а потом и священником. Был очень оригинальным человеком. Много о нем сведений не имею.

34. Замятин Аполлон – это был высокий, худощавый, с оспенным лицом паренек. Живой, бойкий, артист - впоследствии певчий архиерейского хора. В Семинарию, кажется, не попал. Был родной брат дорогого моего товарища по пастырской службе священника с. Анкушина о. Петра Васильевича Замятина, умершего там во время революции, прекраснейшего незабвеннейшего человека, о коем, если Бог благословит, речь будет впереди.

Вот и все мои товарищи по 1-му классу Вятского Духовного Училища 1887 и 1888 гг. за 2 года моего сидения в 1^м классе.

И из всех этих товарищей 94 человек в Семинарию попало как будто только 36 человек – вот как просевали в наше время нашего брата. Конечно, судьба остальных была очень жалкая, немногие из них выходили в люди, хотя многие из них и не опускались, а определились в официанты, аптекарские ученики и т.д.

Многие ученики не доходили даже до конца училищного курса и увольнялись из училища.

Куда девались неудачники? Нужно заметить, что сельское духовенство, в особенности низшее (псаломщики, а также и просфорни), в деле пристройки неудачников находились в то время в самом пе-

чальном положении по неимению связей с чиновниками города. Пристроить сына неудачника куда-нибудь писцом канцелярии в городе было трудно, почти невозможно, а в селе какое занятие можно было найти для сына? Разве в помощники к волостному писарю на 1-3 р. в месяц жалованья?

Поэтому отцы старались каким-нибудь образом устроить детей неудачников около церкви же. Обладавшие голосом бывшие ученики сначала практиковались в церковном пении и чтении, принимали участие в богослужении в своей сельской церкви, потом нанимались в церковники, а некоторым удавалось получить место и псаломщика. Некоторые уволенные из Духовного Училища и из первых классов Семинарии поступали в монастырь в качестве послушников и оттуда, по усмотрению и монастырского начальства, и местного епископа определялись в псаломщики...

Правда, одно время при мужском Успенском Трифоновом Вятском монастыре существовала специальная, подготовительная псаломщическая школа и, по-видимому, устраивала удачно этих заброшенных судьбой уволенных учеников духовной школы, но почему-то просуществовала недолго.

Чтение книг

Программа духовных училищ предлагала содействовать чтению детьми книг и всемерно поощрять его. В силу этого распоряжения при училищах должны быть библиотеки для внеклассного чтения. Была библиотека и при нашем училище. Я лично очень любил читать: «Детское чтение» (изд. Острогорским), «Семья и школа» (изд. Симашко), Робинзон Крузо, Жюль Верна, Майн-Рида, Евгения Чирикова, конечно, Пушкина, Гоголя, но нужно сказать, что как-то мало поощрялось наше чтение со стороны педагогов наших и воспитателей, а в классах никогда не спрашивалось кто, что читал, как понял и проч. Особенно плохо приходилось проходящим - городским ученикам в отношении чтения, а поелику и я с 3-го кл. Духовного училища был тоже проходящим из архиерейского хора, то тоже должен сказать и о себе. Обычно выдавали книги из библиотеки после обеда, когда нам, квартирантам, нужно было, значит, снова идти с квартиры в Духовное училище (это километра 1,5), чтобы получить книгу; между тем в арх[иерейском] хоре после обеда было свое дело - спевка, - и так мы, бедные «квартиршики» (как нас звали бурсаки) оставались все время без книг, во тьме, без развития. И на это как-то не обращалось внимания со стороны наших педагогических руково-

дителей; наоборот, например, к ученикам архиерейского хора питалось со стороны учащихся и начальствующих Дух. учил. какое-то чувство недоброжелательства и даже злобы. Взгляд на «архиерейских» был как на потерянных мальчишек, способных и выпить и покурить и т.п. Хотя впоследствии нас, целая плеяда архиерейских певчих доказала несправедливость такого предвзятого взгляда на нас. Так, в Семинарию с успехом прошли: я, Анатолий Иванов, Сергей Акишев, Владимир Щербаков, Александр Дьяконов, Николай и Александр Добровольские, Николай Ложкин, Николай Ладыгин (двое последних прошли даже Академию). В общем, чтение книг в Духовн.уч. было поставлено слабо.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ещё преподаватель с семинарским образованием Александр Алексеевич Краев.
2. Примечание автора.
3. Примечание автора.

Воспитательная часть в училище.

Воспитание учеников Духовного Училища ложилось, главным образом, на смотрителя и инспектора училища, а потом еще на 4-х «надзирателей» (а 5-й был в приготовительном классе, где и жил).

О смотрителе и инспекторе речь была у нас выше. Речь теперь о надзирателях. На должность последних обычно определялись окончившие курс местной Духовной Семинарии, кажется, не всегда даже студенты Семинарии. Вознаграждение им было довольно скромное – всего 210 р. в год; правда, они пользовались квартирой и столом от училища. Помещались все четверо в одной комнате, помню, в верхнем этаже. Здесь у них стояли 4 кровати. Впрочем, двое надзирателей по очереди должны были спать в ученических спальнях для надзора и порядка. Каждому надзирателю давался особый класс, в котором он и должен был проводить время за вечерними занятиями учеников, в целях поддержания классной дисциплины.

Почему-то большинство надзирателей не пользовалось уважением среди учеников, которые иногда втихомолку, а иногда и открыто подсмеивались над ними и давали им обидные прозвища. Такое отно-

шение учеников к своим надзирателям, по моему мнению, объяснялось тем, что, во-первых, сами надзиратели не умели подойти к ученикам, особенно живым, бойким, развязным, не разъясняли им что хорошо, что худо, второе – часто жаловались на более бойких шалунов инспектору, который относился очень строго к шалунам и нередко выгонял из училища, якобы «за поведение», вместо того, чтобы самим суметь подойти к ученикам; в-третьих, и сами надзиратели в своем поведении не всегда были выдержаны, что, конечно, учеников соблазняло.

Любимым надзирателем у нас, помню, был Петр Викторович Ложкин. Его любили за то, что он никогда не доносил, не жаловался ни на одного ученика, а расправлялся с шалунами сам таким образом: вызовет в зал при надзирательской (где была библиотека), поставит в угол и, надавав щелчков по голове, отпустит с миром. И любили его, и боялись, и никак не прозывали.

А вот не любили, помню, Никанора Ивановича Кибардина, которого и прозвали «Овдей» за его быструю, женскую походку. Этот надзиратель всегда доносил инспектору на шалунов, часто по пустякам. Тоже не был любимцем в приготовительном классе некто Владимир Николаевич Мышкин, которого ученики прозвали «Иудой» за его внешность, за его какие-то хитрые глаза и какое-то лукавство. К числу мало любимых надзирателей принадлежал и Димитрий (забыл по величанию) Андреевский, прозванный как-будто «вышибалом» за его высокий рост и широкую русскую натуру. Я, помню, очень боялся его, т. к. он почему[-то] был недоброжелателен ко мне и его могучую силу испытал на себе. Раз, во время общей перемены, нас пустили в рекреационный, большой зал. Многие ученики, я в том числе, быстро начали бегать по зале, а я начал изображать из себя конькобежца, как вдруг чья-то сильная рука поднимает меня за шиворот и к общему смеху учеников протаскивает меня весь зал и с силой выталкивает в коридор. То был грозный для меня Димитрий Андреевский (кажется, Андреевич же). За вечерними занятиями часто он бил по голове прямо книгой или щелчком какого-нибудь по его мнению шалуна, занимающегося не своим делом.

Сравнительно любили двух надзирателей, живших, кстати, в училище подолгу – Михаила Михайловича Суторихина и Ивана Васильевича Порфирьева (Димитрий Андреевич поступил, кажется, на место И. В. Порфирьева). Первый - хотя и был иногда доносчиком (почему и звали его просто Мишкой), но он как-то умел подходить и к шалунам и пользовался большим авторитетом, а у старших учеников и большим уважением.

Последний был очень скромный человек и, кажется, ученики, любя его, не дали и ему никакого прозвища.

Помощник смотрителя Николай Анемподистович Чемоданов бывал в здании общежития ежедневно по несколько раз и в общем довольно хорошо знал внешнюю жизнь учеников. К проступкам и шалостям последних относился очень строго. Балл по поведению сбавлялся за каждую провинность, если она была замечена, даже за простую резвость. За более серьезные проступки: грубость с начальством, табакокурение, хулиганство, драка и т.п. сажали за так называемый «голодный стол» и в редких случаях в карцер.

Наказание «голодным столом» состояло в том, что в то время, как все общежитники обедали в столовой, провинившийся садился в этой же столовой за ненакрытый стол, на котором лежал ломоть черного хлеба и кружка с водой. Конечно, сидящий за этим столом не дотрагивался до этой еды и уходил голодным.

В карцер садили уже за особо выдающиеся преступления. И это наказание часто было последним, после чего неисправимые ученики выгонялись из училища. Карцер – это маленькая с одним окном комнатка-тюрьма, находившаяся в нижнем этаже под квартирой помощника смотрителя.

Вообще в карцер начальство избегало садить учеников, говорили, по слухам, после того, как один ученик, посаженный в карцер, от страха ночью удавился.

Бывали случаи наказания ставленья учеников на колени в надзирательской.

Несмотря на то, что я был очень бойкий мальчишка и большой шалун (хотя не проказник и тем более не хулиган), однако я избег всех этих наказаний и как-то только помню у Петра Викторовича в надзирательской отстоял на коленях с полчасика и этим дело ограничилось...

Некоторые «артисты»-ученики позволяли себе, [несмотря] на всю строгость начальства, курить табак. Любимым местом курения была хлебопекарня, в которой ученики вообще любили посидеть: во-первых, уютное, теплое местечко, во-вторых, более или мене свободное от надзора инспекции, хотя, бывало, пекарь Мока (Мокей Афанасьевич), ветеран училища, проживший в училище, кажется, более 40 лет, когда истощалось его терпение, прогонял учеников мучными мешками... Этот Мока ко мне был особенно расположен, как мой земляк. Он был медянский, из дер. Таранты. С ним вместе истопником служил тут же в училище старший брат его, очень скромный старичок «Кондратий»; зато уж сам толстяк Мока проделывал с учениками часто забавные истории. Бывало сидишь около него. Он сидит, пьет чай, как

вдруг раздаётся ужасно сильный, нечленораздельный звук: то Мока попутно с чаем испускает так пронзительно свои газы, без всякого стеснения. Тут же у Моки собирались при учениках служители и вот тут-то часто нравственно портились, когда слушали нечистоплотные разговоры о женщинах, о своих женах и портили у учеников воображения, разжигая их своими плотскими страстями, а начальство как раз тут-то и не следило за нравственностью воспитанников, соприкасающихся с безнравственными, невежественными служителями часто по несколько часов. Сам Мока не был образцом безнравственности, но своим дозволением говорить о таких вещах допускал незаметно для себя развращение умов учеников.

Вторым моим покровителем был второй мой земляк Прокопий – повар, тоже послуживший в этой должности лет 30 в том же Духовном училище. Он был тоже медянец и, помню, от Захарт. Это был крепкий, коренастый, рыжеватый субъект, часто, по протекции, дававший мне лишний лакомый кусочек. Ему помощником был, между прочим, его сын, не помню по имени. Царство Небесное – Мокею и Прокопию – оба были памятные, добрые люди – медянцы. Кажется, им обоим за выслугу лет училищный окружный съезд духовенства, по их прошением, ассигновал какую-то единовременную сумму-пособия.

Взаимные отношения учеников в училище в общем были удовлетворительные, хотя оставалось желать больших и больших улучшений со стороны начальства, чтобы раз навсегда забыть «бурсу» Помяловского, а она все-таки в наше время еще существовала и в отношениях и в разговорах и обычаях и играх и словах и т.п. Вспоминая сочинение «Очерки бурсы» Помяловского невольно применяешь к своей бурсацкой жизни в течение 2,5 лет некоторые эпизоды, выведенные Помяловским в своем правдивом труде. Так, например, и в наше время самый класс училища носил характер казенщины, выражающей полное отсутствие домовитости и приюта. Правда, жизнь скрашивалась друзьями-товарищами, с которыми как-то чувствовалось тепло и приятно, но зато сколько было среди учеников хулиганства и озорства именно в помяловском духе. Вот, например, ученик старшего класса 2-го или 3-го встречается новичка-первоклассника и начинает вязаться к нему, изображая из себя так называемого «объяснялку». Просит у него какого-нибудь гостинца домашнего и просит с требованием: «давай ошары?», и если тот не даст, обязательно получит крепкого подзатыльника такого, что тот в конце концов расплачется и разрыдается, вспоминая при сем недавний родительский уют и ласку. Но вот встречаются два «объяснялки». Происходит между ними конфликт – более слабый кричит: «Чего объяс-

няешься? чего задаешься? Я вот скажу тому-то (называя какой-нибудь авторитет ученика старшего класса) он тебя отлупит». Самые и игры в бурсе были оригинальны, как и все было у нас оригинально. Были и прозвища друг другу в роде помяловских «Митаха, Элпах, Тавля, Шестиухая Чабря, Хорь, Плюнь, Омега, Катька, Комедо» - напр. «булка» - Шляпкин (всегда румяный купеч[еский] сынок), «Апис» (большолобый Порфирьев В.), «Сосык» (Сосунцов), «Застиха» (все ученики, не державшие по ночам мочи), «Салма» (Добрынин Виктор – дюжий, широкоплечий, отчаянный), «Матрёна» (Куклин Илья – тип простой женщины по складу телосложения), «Шкура» – Усольцев – не знаю почему) и т. д. Между прочим Матрена - Куклин был забавный и простой товарищ и безвредный по своим поступкам, вроде например такого привычного у него: сидит ученик читает за партой, Куклин, проходя мимо него, подставит кулак к его носу и торжественно заявит: «Читаешь?!», другому: «Пишешь?!», третьему: «Думаешь?!» и т.д.

Так же как и в помяловской «бурсе» была «игра в камешки» и со щипчиками, холодненькими, тепленькими, горяченькими и с пылу горяченькими и так бывало доводили друг друга до слез...

Так же точно, с такой же грубостью отказывали ученики-хулиганы во всякой доброй просьбе своего товарища. «Дай мне?» - чего-либо просит у хулигана товарищ. «Этого не хошь ли?» – подставляя под самый нос свой кукиш с грязным ногтем на большом пальце, или: «Пока по шее не попало, убирась отсюда. Хочешь ли ты рябчика съесть?» - и.. начинает бурсак-хулиган таскать новичка за волосы. Или: «Видал ли ты Москву?» - обращается «артист» к новичку-ученику. «Нет», - отвечает наивно последний. - «Так посмотри», - и.. при этом хулиган сжимает своими грязными руками голову новичка около ушей его и, приподняв его на воздух, кричит: «Видишь ли Москву? Вот она..»

Сплошь и рядом были среди нас помяловские типы - Гороблагодатские, фигура которых так и говорила вам при встрече: «Хочешь, тресну в рожу? Думаешь – не посмею..» - и.. треснет... ни с того ни с сего... Просто, безотчетно, ради хулиганства. Так и называли таких: «отпетая башка»... Особенно от таких попадало тем ученикам, которые жаловались на них и которых называли «фискалами». Горе им было, когда они встречались один на один с этими «героями», на коих они жаловались, хотя «затрещину» да получит он от них, если не хуже...

Играли мы, бурсаки, в «чехарду», когда одни наклонялись, а другие через них скакали и часто садились к ним на спину, играли «в

плевки» - кто плюнет выше (соревновались), в «солдатики» - вырезали из бумаги человечков с хвостами, на которых они сидели и и выставляли их друг против друга на известном расстоянии и щелчками по пуговице били их и павших забирал каждый сбивший их себе. Это была мирная, хорошая игра, выродившаяся потом в игру «в солдаты», когда наряжались сами во все военное, сделанное из золотой и серебряной бумаги, и, с дозволения начальства, маршировали как солдаты, имея у себя и офицеров и генералов. Помню я, у нас был очень видным генералом ученик 4-го класса старшего Мышкин, впоследствии неуживчивый диакон с.Красного Вят[ского] у....

Играли в пуговицы, костяшки - расставляли их на полу друг против друга и старались сшибить друг у друга побольше пуговиц или костяшек.

Проявлялись часто скверные бурсацкие обычаи вроде, например, «смази вселенской», когда какой-нибудь хульган вдруг подходит к тебе и мажет своей грязной рукой по лицу, приговаривая: «Смазь вселенская». Другой подбегает - кричит: «Чет или нечет», сжимая что-то в кулаке. И надо отгадать – если угадал, вещь твоя, но с тем, что и ты должен с своей стороны продолжать играть в этот «чет и нечет».

Выражения бурсацкие были те же, что и во времена помяловские: оплетохом - это значит что-нибудь украли и съели. Вместо слова украли говорили по-бурсацки «стибрили», «сдондили», «слямсили», «сперли», «сдули», «стелефонили»... Неприятных бурсакам учеников, особенно – жалобщиков, они стремились «отлупить», «взбубетенить» рожу, «харю расквасить», «взъерепенить», «отжарить», «вздуть», «дать лупку», волосянку, надавать по морде и др. и часто это делалось для того, чтобы чувствовалось, что в твоих руках пищит что-то живое, страдает и просит пощады - и все это нередко делалось даже не из мести, не из вражды, а просто из любви к искусству...

Словом, выражаясь языком Помяловского, у нас «в бурсе затрепщина - все одно, что в лавке мелкая монета».

Вообще нужно сказать, что Духовное Училище в наше время не могло похвалиться своим воспитательным вниманием к ученикам со стороны педагогического персонала: правда, смотрителя уважали ученики и боялись, но он был сам более деликатен и мягок к ученикам, чем строг, предоставлял дело воспитания опытному, по-видимому, инспектору Н. А. Чемоданову, но последнего более страшились за его нередкую невыдержанность и горячность, чем любили, да и он со своей стороны более наблюдал за учениками только днем, а вечером предоставлял следить за поведением учеников надзирателям, кото-

рые зачастую не имели никакого авторитета в глазах учеников. Помню, для нас был авторитет только давний и опытный надзиратель Мих. Мих. Суторихин, бывший впоследствии прекрасный протоиерей в г. Слободском, где и умер в годы революции. Большею частью жили мы и росли в училище беспризорными, предоставленными сами себе. И если в большинстве случаев ученики не портились нравственно, то только благодаря наблюдению родителей за своими детьми, коих часто и посещали и наставляли их и словесно, и письменно, и ласкою и угрозами. Я лично особенно боялся оскорбить своим поведением отца, зная уверенно, что, в случае жалобы на меня, будет мне от отца большая «ременная» перепалка....

Жизнь учеников в общежитии училища

Наше Духовное училище с давних пор имело общежитие для учеников. В мое время всего учеников было в училище слишком 300 человек, из коих квартирных было человек 100-120.

Квартирными были по большей части дети городского духовенства или родственники его, а также и дети более состоятельных лиц, боявшихся пресловутой училищной бурсы, затем дети городских жителей и кроме этого дети тех родителей, к коим относились и мои, которые имели своих знакомых в городе и из опасения порчи своих детей в нравственном отношении в бурсе, помещали их на квартирах этих знакомых; тем более, что вносить за содержание в общежитии годовой суммы 60 р. таковым родителям, вроде моих, было тяжело и казалось им выгоднее содержать на квартирах, хотя на моем опыте оказалось, как я описал выше, далеко не выгоднее...

В общежитии общий строй жизни учеников определялся особыми «правилами», печатный экземпляр коих в форме брошюры (в 1/8 листа) выдавали каждому ученику. По этим правилам ученики должны были вставать с постели по звонку и по обходу надзирателя, летом в 6 ч., зимой в 7 ч. утра. Затем шли в умывальную, после чего тотчас же шли в церковь, где чаще всего под руководством самого инспектора Ник[олая] А[немподистовича] Чемоданова пелась и читалась утренняя молитва с присоединением всякий раз пения тропаря нашим покровительницам Училища свв. мученицам Софии, Вере, Надежде и Любви: «Агницы словестныя, Агнцу и Пастырю приведостеса мучением до конца...» После молитвы парами следовали в столовую, где пили чай со своими припасами, или заранее заготовленным от Моки хлебом. К 8.30 утра уже мы были одеты и готовы по звонку являться на классные занятия.

Уроков ежедневно было по 4, а по субботам три (ввиду вечернего всенощного бдения). Урок продолжался 1 час. Между уроками перемена 5 минут, а после двух уроков перемена большая 10-15 минут, во время которой мы, общежитники, спускались вниз в столовую и завтракали (ломтики хлеба и на 4^х блюдо то с холодной гороховицей, то с винегретом, редко - с молоком, то с овсянкой холодной и т. п.). И... по звонку снова на остальные 2 урока. Конечно, на уроки было расписание. Вот, например, какое было расписание уроков в 1-м классе (сохранившееся у меня):

Понедельник: арифметика, пение, русский язык и чистописание.

Вторник: пение, священная история, русский язык и славянский язык.

Среда: пение, арифметика, русский язык, русский язык.

Четверг: русский язык, славянский язык, арифметика, чистописание.

Пятница: русский язык, славянский язык, священная история, пение.

Суббота: священная история, арифметика и русский язык.

В каждом классе ежедневно назначался по алфавиту особый дежурный из учеников, на обязанности которого было следить за сохранностью учебных вещей, читать молитву пред уроком и после урока и следить за поведением товарищей. Дурных и шалунов он имел право записывать в журнал, хотя это было редко, из боязни прослыть «фискалом», ябедником, и обычно классные журналы пестрили краткими отметками дежурного: «В классе были все: вели себя хорошо. Все вещи сданы в целостности и сохранности, как и приняты». Дежурный...

К 2-м часам пополудни классные занятия кончались; квартирные уходили домой, а общежитники шли в гардеробную переодеваться и затем спускались по звонку в столовую на обед.

После обеда большинство учеников выбегали на обширный училищный двор, где между прочим были устроены гигантские шаги и гимнастика (параллельные шесты, параллельные лестницы, кольца, доска, горка, параллельные брусья). Правильных упражнений на гимнастике не было; занимались, кто чем хочет. Были среди учеников виртуозы гимнастики, около коих обычно сосредоточивалась целая толпа любопытных учеников, кои потом старались подражать этим «чемпионам» гимнастам. Любимой гимнастикой были гигантские шаги, где всё время стояли очереди учеников, жаждущих побегать и покачаться на «ошарах», т.е. при содействии других, без своего активного участия. Зимой была и гимнастика под руководством приглашаемого учил[ищным] начальством военного офицера, по клас-

сам, что особенно оживляло учеников. Гимнастика состояла из марширования по зале, из упражнений рук и ног и всего тела (приседание, вытягивание в это время ног, рук и т.п.)

Между прочим, мы увлеклись игрой в солдаты: был у нас и «генерал» (помню Дим. Мышкин окончил только Духов. Училище и был впоследствии печальной памяти диаконом-сутягой в с. Красном, а потом в с. Каринке, сыгравшим роковую роль в самоубийстве моего шурина М. В. Федорова (как передал мне об этом мой незабвенный дядя о. Симеон Н. Спасский). Это был высокий, коренастый и очень импозантный для генерала ученик, разукрашенный бумажными красивыми золотыми эполетами и всей генеральской амуницией, в подчинении у которого был целый штаб офицеров, тоже разукрашенных своими офицерскими доспехами. Настолько было все это поставлено хорошо, красиво и разумно и похоже на настоящее военное дело, что даже начальство с особенным удовольствием смотрело на наше солдатское марширование, а офицерские доклады генералу, приветствия последнего нас, «солдат», и громкие выкрики их: «Ура», «Да здравствует Ваше Превосходительство» и т.п. Крепко заучивали императорские титулы, чтобы отвечать бойко и отчетливо спрашивающему генералу.

Любимой игрой летом была «на матки» или «чикало-бегало», разница между ними была та, что первая была очень серьезна, а вторая более проста. В первой разделялись на партии: одна водила до тех пор, [пока] не «засаливала» кого-нибудь мячом из противной партии, а другая - выкупала своих... Во второй – каждый отвечал за себя: ударит «локтой» (палкой) по мячу и бежит на «сало», если удачно и далеко удастся забросить мяч, то он сбегает на «сало» и снова готов будет ударять в мяч.

Очень распространенная игра зимой в помещении была игра в «пуговицы». Ставили друг против друга ряд пуговиц и поочередно одной пуговицей через щелчок били друг у друга по ряду пуговиц. Многие при этом так наловчились, что целые кошельки выигрывали пуговиц у своих товарищей. Точно такая же игра была и в перья и, наконец, в «солдатики», коих вырезывали из бумаги, садили их на хвостики и устраивали «сражения» теми же пуговицами...

Зимой нередко и катались на коньках, которые были позажигачнее, а другие приобретали деревянные с железным ползком коньки и часто двое в складчину и катались на одном коньке, другой ногой отталкиваясь. За неимением санок и салазок катались с горы (на дворе) на лубках, а то и просто на своем собственном сиденье. Одно время, помню, было большим удовольствием кататься на этих

же лубках, а то и просто на своем сиденье на крутой горе («увалу»), спускающемся за училищным двором (к речке Хлыновке).

Среди учеников были и большие хулиганы, любившие сразиться с хлыновскими «жуликами». Подчас была настоящая война между ними, доходившая до серьезных побоищ. Помню, наши бурсаки травили все какого-то великовозрастного, толстого парня «Петьку Мотова»: «Петька жулик, Петька вор, Петька Мотов, Петька вор», и Петька, конечно, собирал свою рать и пускал в ход и палки и камни и что попало, чтобы поучить «кутейников», «жеребачью породу» и пр., как они в свою очередь обзывали своих училищных врагов. За то ни с того, ни с сего, часто из-за этих училищных хулиганов попадало в городе совершенно невинным ученикам. Идет ученик по городу, вдруг подлетает к нему «жулик» и крепко ударяет его, часто в голову, и начинает кормить «подзатыльниками», а то «киселем», как называли бурсаки «пинки под сиденье», до тех пор, пока кто из прохожих не вступится за него.

Кто из учеников оставался после обеда в классе, то занимались каждый своими делами, кто клеил что-нибудь, кто снимал снимательные картинки, кто писал песенник любимых училищных песней. Из последних распевали и любили: «Было дело под Полтавой», «За рекой, на горе», «В темном лесе», «Ты не спишь, мое мученье», «Под окном в тени мелькает русая головка», «Коль славен наш Господь», «Боже, Царя храни», «Славься, славься наш Русский Царь» и др.

Карты запрещались, но тихонько играли; зато уж если попадались начальству, то платились своим поведением, а то и совсем увольнялись из училища, особенно малоуспешные...

Занятия музыкой не было, за неимением музыкальных инструментов. В этом отношении училищное начальство не заботилось о культурном нашем развитии. За все время училищного пребывания не было им устроено ни одной общей прогулки. Между тем, можно бы было сводить нас и в пещеру кафедрального собора, поведать нам о происхождении там мощей с благоговейным поклонением пред ними, а главное пред святынями Гроба Господня, доставленными незабвенной памяти о. протоиереем Стефаном Кашменским из Святой Земли, с мест, освященных Стопами Самого Спасителя. Кроме того, в верху собора была великая святыня чудотворная Великорецкая икона Св. и Чуд. Николая, явившаяся в 14 веке в с. Великой реке Орлов. уезда. Там много замечательных ценностей, вещей, предметов, кои не мешало бы нам показать и знать историю происхождения их.... Был в Вятке и Спасский Собор, где хранилась чудотворная икона Спасителя, которую при царе Алексее Михайловиче носили в Москву (па-

мятником чего оставались ворота Спасские, в которые входить предписывалось с обнаженной головой). Был исторический Трифонов монастырь с мощами преп. Трифона Вятского чудотворца.... Был громаднейший праздник 21 мая – проводы Великоорецкой иконы Св. Чуд. Николая на место явления в с. Великую Реку при огромном стечении народа. Был праздник «Свистунья» – но никто и ничего о всем этом нам не рассказывал. Ни о музеях, ни о театрах мы понятия не имели, пока сами не добивались посетить их при рекомендации хороших людей.

Словом, вне классных уроков и в праздники мы предоставлены были сами себе и проводили время нередко без пользы для себя и своего развития.

Между 3 и 4 часами можно было пить чай; в поварне, в особом большом кубе готовился кипяток. Там по очереди набирали себе в чайники воды и уходили в столовую пить чай. Очень многие ученики совсем и не пили чай, или по бедности, или по нежеланию («лучше напиться с хлебом квасу»), а многие просто «сидели на экваторе», т.е. не имели ни чаю, ни сахара (издержав отцовские деньги на другие потребности).

В 4.30 раздавался звонок «на места». Начинались вечерние занятия на подготовку уроков к завтрашнему дню, при обязательном присутствии надзирателя, просто наблюдающего за поведением учеников. Через полтора часа – звонок на перемену. Ученики или выбегали на улицу – бегали, сражались, или наступали класс на класс – тянулись за руки через порог, какой класс сильнее и какой победит. Шум, гам, крик – и так до звонка, снова усаживающего «на места», уже до ужина (от 6.30 ч. до 8 ч. вечера). В 8 ч. звонок на ужин. В 9 ч. – вечерняя молитва в церкви. Молитву читал очередной ученик старшего класса у амвона. «Царю Небесный», «Отче наш», «Достойно есть», «Агницы словесныя» – обычно пели всей церковью под запевание инспектора Н. А. Чемоданова. Что-то живительное, ободряющее чувствовалось при этой общей молитве и общем пении. Многие благочестивые ученики умиленно молились, стоя на коленях, особенно при пении молитв: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас» и «Агницы словесныя». Так и чувствовалось, что Сам Господь Бог во время Своей земной жизни так любивший отроков, ниспосылал нам Свое Вседейственное благословение чрез своих прекрасных отроковиц свв. Веру, Надежду и Любовь, с их матерью Софиею, вверяя им наши будущие судьбы и поручая им всадить в сердца наши их великие добродетели, соответствующие их великим священным именам!..

После молитвы ученики спускались в свои спальни, которых было 6 комнат – в среднем и нижнем этаже. Пока не приходил в

спальню спать надзиратель, ученики, раздевшись, долго не спали, а шумели, кричали, бегали в одеялах, сражались подушками и проч. Приходил надзиратель и все успокаивались до утра.

Накануне воскресенья и праздничных дней в домово́й церкви училища, посвященной памяти Свв. мучениц Софии, Веры, Надежды и Любви, совершалась всенощная, к которой являлись и все квартирные ученики (живущие у родителей освобождались от явки в училищ[ную] церковь).

Без четверти в 6 ч. вечера все ученики по звонку собирались в училищный зал, становились рядами, по приходе инспектора Н. А. Ч[емоданова] ученики пели тропарь воскресный или праздничный. Затем Н. А. делал «перекличку», после чего вызванные становились парами и затем в таком порядке шли в церковь, где и становились рядами в средней части храма. Предназначенные же инспектором чтецы, певцы, уставщики, пономари и церковные старосты отправлялись каждый на свое дело. Я лично с первого же класса, имея наследственный от родимой своей матушки чистый и высокий дискант, впоследствии сыгравший громадную роль во всей нашей семье и лично в моей судьбе, назначен был в певчие, под руководство оригинального знатока пения незабвенного преподавателя рус. яз. Василия Николаевича Моломина. Благодаря ему я впервые познал итальянское, партесное пение (а обиходному знанию мы обязаны были, между прочим, преподавателю пения Владимиру Александровичу Князеву, научившему нас, способных к пению, петь даже наизусть все догматики, всех 8-ми гласов по обиходу) и пел на клиросе включительно по 3 класс, когда по воле судеб Божиих попал в давно желанный Архиерейский хор, под руководством дорогого и незабвеннейшего, еще и ныне, слава Богу, здравствующего, в свое время популярнейшего на Вятке Никанора Степановича Любимова.

Василий Николаевич Моломин раза два в неделю назначал спевки и в общем наше пение было очень недурное, особенно в праздники мы производили хорошее впечатление своим пением на молящихся. Оригинален был наш регент В. Н. между прочим в том отношении, что в дисциплине своей с нами не церемонился: за невнимание или непонимание его требований в пении очень многим попадало от него на спевках смычком от скрипки, а в церкви и камертоном «по заливку», и смешнее всего было со стороны видеть, как наш регент, стоящий в церкви на клиросе на виду, вдруг присядет - это значит, что он пнул ногой какого-нибудь завравшегося или зазевавшегося своего певчего. В общем он оставил по себе, как регент и учитель пения, симпатичное впечатление. Спасибо тебе, приснопамятный о. протоиерей Вас. Ник., за тот певческо-музыкальный вклад, ко-

торый ты впервые заложил в мою душу, до сих пор улаждающуюся этими звуками земли, «даром небес»! Вечная тебе память за все твои благодеяния!

Впоследствии В. Н. Моломин был настоятелем в сане протоиерея, при Покровской церкви г. Вятки, где и был до самой своей смерти, последовавшей уже в глубокой старости. Далее будет о нем сказано, как был у нас в 3-м и 4-м кл. преподавателем русского языка, а пока о нем продолжение будет в следующих воспоминаниях.

Ученики, с отличными голосами, правда, не были долговечными в училище. Архиерейскому хору было предоставлено право отбирать, с согласия родителей, лучшие голоса в помещение архиерейского хора (внизу под консисторией), откуда они затем и ходили для продолжения образования в Дух. Училище ежедневно и оставались там до тех пор, пока не спадал у ученика голос, на готовом казенно-архиерейском содержании.

В конце литургии обычно пономари в стихарях выносили большие просфоры смотрителю, инспектору, регенту и некоторым почетным членам по указанию о. эконома. Последним был о. Рафаил Стефанов, который всегда и совершал службу Божию внятно, истово и благоговейно. Сам смиренный, с длинными волнистыми волосами, с приветливым взглядом, с плавным громким голосом - он, о. Рафаил, производил на нас всех прекрасное впечатление. Помню, его очень любили все: и начальство и ученики и служители. Не помню ни одного случая его каких-нибудь проступков или соблазнительного поведения, хотя были, как потом я узнал, слухи о его нередких «запоях», которые будто бы и свели его в могилу, оказавшуюся потом (в 1926 г.) рядом с родимой могилой нашего дорогого папаши на Богословском кладбище.

Чтецами в церкви избирались в большие праздники лучшие ученики, а уставщиками – первый ученик IV класса. Я помню, когда я учился первый год в первом классе был уставщиком некто «Канко» Овчинников (как ему было имя – не знаю, а только все ученики звали его «Канко»). Это был необыкновенно талантливый ученик. Впоследствии он был декан, кажется, Казанского университета. Про него говорили, что когда он из IV класса Вяткой Духовной Семинарии поступал волонтером в Университет, то требовал от экзаменаторов, чтобы его спрашивали, как можно дольше и больше. Отвечал-де буквально на все вопросы профессоров.

Среди пономарей, отправлявших эту должность по назначению инспектора, были ученики и неудачники. Помню, как таковым был один из моих товарищей (потом и по Семинарии, кажется, до 4-го

класса) Николай Иванович Любимов. Это был хотя и крупный, великовозрастный парень, но очень флегматичный и угловатый, подчас до смешного. Он вечно запинался в храме то за ковер, то путался в своем длинном стихаре, кстати обладавший плохим зрением и к 3-му классу уже надевший очки... И вот с ним был в одно время утомительный казус. Вынеся торжественно из алтаря на блюде просфоры, обычно подносимые смотрителю, инспектору, регенту и другим по указанию о. эконома (по соглашению с инспектором), он где-то среди церкви запнулся о ковер и, повалившись на пол, рассыпал с блюда все просфоры по полу. Конечно, на этот раз, зело смутившись, он однако не растерялся – встал, собрал с полу все просфоры и торжественно поднес их по адресу. Конечно, трудно было удержаться от смеха, но все же каждый про себя сдержанно посмеялись, а за то после окончания Литургии вдоволь натешились над нашим флегматиком Н. И., то же посмеявшимся над самим собою.

После обеда, подававшегося в праздничный день в 12 часов, ученикам предоставлялось право выйти из училища в город, если они записались и если были уволены помощником смотрителя. Для записи существовала собая тетрадь, называвшаяся городовым журналом. Здесь нужно было отметить, кто, куда, и зачем отправляется из училища и обычно записывались так: имя, фамилия, из какого класса и отделения – в город за покупками до 3-х часов, или в Семинарию для свидания с братом, или в Епарх. Училище – с сестрой, или на такую-то квартиру, на такой-то улице для свидания с родственниками... Журнал подавался помощнику смотрителя и он одним давал, а другим не давал разрешения на отлучку, или писал вместо «до 4-х часов» «до 2-х часов» и проч. Я был один из несчастливцев, которому кроме как за покупками некуда и не к кому было сходить от скуки ради... Зато, бывало, сколько было детской радости, когда приезжал кто-нибудь из моих родных и отпрашивал меня к себе или в квартиру или в номера постоянного двора или гостиницы на ночь. Чаще всего бывал, конечно, папаша и редко когда не удавалось ему меня отпросить к себе на ночлег, хотя бы и среди будней, после уроков.

Особых празднеств и литературно-вокально-музыкальных вечеров у нас почему-то не устраивалось.

На Рождество все разъезжались по домам, кроме некоторых круглых сирот, причем самого отпуска ожидали с особым нетерпением, так как этот период учебного времени с осени и до Рождества был для учеников особенно продолжителен и утомителен. За три дня до отпуска ученики обычно делали себе особые флажки с надписью

«припуск» и неслись с ними (водруженными на палочках) по училищному коридору. И особенно как-то облегченно чувствовалось, когда накануне отпуска уже эти флажки сменялись другими со словами: «запуск». И сколько было радости в самый день отпуска, когда ученики, возбужденные от радости, что вот-вот еще несколько часов и многие из них будут, наконец, под кровлей родимого гнездышка, под крыльшком своих родных и знакомых, носились с раннего утра по коридору с большими плакатами, написанными большими, часто разноцветными буквами: «Отпуск». И о, трудно передать те радостные переживания ученика-ребенка, когда он после конечных уроков, стремглав бежит по коридору, спускается книзу и вдруг... встречает ожидающего его родителя или посланного им возницу и спрашивающего: «Мне бы надо ученика 1-го параллельного класса такого-то, например, из Медяны... Ну, Коленька, я за тобой приехал – собирайся да поедем». Тут, кажется, забыто все на свете и уже более не естся и не пьется - лишь бы скорее-скорее на желанные санки и забыться там до обворожительного времячка счастливого свидания со своими дорогими... И... бывали случаи, когда навернется такой возница со своей кляченкой-лошадкой, нанявшийся у бедных родителей за дешевку, который 25-28 верст везет тебя в лютый мороз 5-6 часов.

Конечно, несмотря на заботливую предупредительность родных, обычно посылавших подушку и шубное одеяло для тепла, однако весь переязбнешь, замерзнешь за это продолжительное время езды, но ради предвкушения счастливых детских минут близкого свидания со своими дорогими родными, все забывается, терпится и любитя... И, о... невыразимое счастье - наконец-то я дома в кругу своих родных, интересующихся мной, мою жизнь в бурсе, моими впечатлениями, учебными успехами... Но зато сколько и забот я принес своей родимой матушке, когда снял я верхнее пальто и посланную шубу и стоял в своем отчаянно изодранном костюме, с оторванными фалдами своего серого сюртука, наскоро неумело пришитыми на живую нитку¹...

Сейчас же, на другой день, устраивается для меня живительная банька, сменяется все затасканное в бурсе и изодранное «вдрызг» грязное белье и верхнее подобие костюма и облакаюсь я во все «мытенькое», чистенькое и скромненькое... И весело, весело на детском сердчишке. О! Незабываемые, счастливые деньки – целых две недели пребывания в своем родительском уголке, под покровом и воздействием родительской ласки и любви - жалко, что «невозвратное время» счастливого детства и отрочества....

Отпуски иногда были и на масляницу, до чистого понедельни-

ка. На Пасху отпуск был обязателен, но многие из-за разлива рек и оврагов не уезжали домой и встречали Пасху в бурсе. Я, несмотря на разлив реки Вятки и озер и оврагов, все же заботливыми родителями был доставляем к Пасхе всякий раз домой в Медяну, часто «кругом» (не через Филейку и Загарский перевоз или через «Подозерье» (деревню), когда можно еще было ездить в некоторых местах по льду) через Бобино, Загарье (впоследствии мое первое село по пастырскому служению) и в Медяну и таким образом вместо 28-30 килом[етров] меня везли 40-45 килом[етров], но все же всегда доставляли благополучно.

На лето нас отпускали довольно поздно: экзамены всегда кончались даже в 1-2-м классе числа 9-10 июня (ст.стиля), а в 3-4-м кл. - 15-20 июня.

С летних вакаций возвращались числа 18-19 августа. Все лето я проводил в кругу своей семьи. Длинный летний день был заполняем играми с ребятами, прогулкой по лесам за ягодами, за грибами (по сбору которых мать моя родная была, можно сказать, профессором). Реки у нас никакой близко не было, и я почти никогда не купался и вот до старости так и не научился плавать. Бывал с родителями в «гостях» - большею частью у незабвенного о. Николая Зубарева или где-либо на именинах. Любил обычно получать там гостинцы и распивать вкусные чай.

В общем, счастливо, хорошо чувствовалось дома, хотя и в бедной обстановке - все было дорого, мило детскому любимому и любящему сердчишку. И конечно, обычно со слезами на глазах уезжали мы с вакаций в училище. Вот наготове уже лошадь [...]

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Очевидно, именно к этому абзацу автор решил добавить следующее замечание, написанное на оборотной (обычно оставляемой им свободной) стороне предыдущего листа: «P.S./ Все же мое белье и нижнее и верхнее не настолько было уже издергано, чтобы нельзя было починить, как это было ранее в старой бурсе в роде Помяловского или как как это описано в ст.: «Вокзальный собеседник» в «Страннике» (за 1891 г. № 6-7), где между прочим автор пишет: «Матушка моя родимая, осмотрев мое одеяние и белье в первые же минуты нашего свидания даже взвыла гласом велиим. Помню, как она немедленно утащила мой тулуп и сюртук на двор, на мороз, а снятое с меня белье (? – знак автора) даже зарыла на огороде в снег. Истинное происшествие! Вы вот», - кончает повествователь, - «улыбаются, а ведь матушка-то моя родимая плакала»... Хотя, быть может и моя дорогая мамаша много втихомолку пролила слез, когда чинила мою рвань и ставила большие заплатки на брюках и сюртуке, в чем я и щеголял потом в бурсе, довольный своим костюмом, но все, милая, покрывала своею материнскою, нежною ко мне любовью.»